

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**СЕНТЯБРЬ
2011**

**ЭЛУЛ
5771**

№ 9(233)

ЛЕХАИМ 9/233

**Ежемесячный литературно-публицистический журнал
выходит с 1991 года**

Главный редактор

Борух Горин

**Административный директор
Яков Ратнер**

**Ответственный секретарь
Елена Калло**

**Художественный редактор
Евгения Черненко**

**Выпускающие редакторы
Лариса Беспалова, Ишайя Гиссер
Елена Деорецкая, Галина**

**Зеленина, Александр
Иличевский, Афанасий
Мамедов, Йеуда Рабейко,
Михаил Эдельштейн**

**Помощник художественного редактора
Дмитрий Кобринский**

**Корректор
Виктория Рябцева**

**Авторы макета
Андрей Бондаренко
Дмитрий Черногаев**

**Художники
Павел Шевелев (с. 32), Александр Горнов (с. 63, 66, 68), Дмитрий Шинбин (с. 70, 71),
Наталья Успенская (с. 72)**

**Фотографы
Вадим Бродский (с. 1, 40, 43);
из архива одесского лагеря
«Ган-Израэль» (с. 4–6); Bill Aron
(с. 13); Dick Schmitt (с. 18); David Rubinger (с. 19); Micha Bar-Am
(с. 20); Miri Tzachi (с. 22);
из архива Меура Шалева
(с. 38, 39); Олеся Маневич (с. 41); Helmar Lerski (с. 74)
© The Israel Museum, Jerusalem; Виктория Мочалова,
Анна Шаевич (с. 102–106)**

**Фото предоставлены агентствами
Fotobank (с. 21), PhotoXPress (с. 37, 108), фонд культуры «Екатерина» (с. 91),
галерея М&Ю Гельман (с. 92), East News (с. 96, 109, 110), Фото ИТАР-ТАСС (с. 99)**

**На обложке
Мошав Нахалаль (фрагмент).
1940-е годы. Фотограф Helmar Lerski, © The Israel Museum, Jerusalem**

Подписано в печать 12.08.11.
Формат 60×90/8. Тираж 30 000 экз.
Объем 16 печ. л. Цена договорная
ISSN 0869-5792

Журнал «Лехаим» зарегистрирован в Комитете РФ по печати, регистрационный номер 01126 от 22.05.92
© «Лехаим», 2011

Адрес редакции: 127018, Москва,
2-й Вышеславцев пер., 5а.
Тел.: (495) 710-88-03
E-mail: lechaim (@) lechaim.ru
Internet: <http://www.lechaim.ru/>

За содержание рекламных материалов и кошерность рекламируемых продуктов редакция ответственности не несет.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93
Сайт: <http://www.оаомпк.ru>, <http://www.оаомпк.рф>
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2011 ЭЛУЛ 5771 – 9(233)
КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Когда стали приходить первые сведения о бойне на норвежском острове Утёя, комментаторы сходились во мнении, что это очередная демонстрация сил «Аль-Каиды» или подобных ей повстанческих организаций. Ну, они, конечно, называли их террористами, а не повстанцами, это ведь вам не Израиль, не Чечня и не Косово. Террористы – это те, кто взрывает Лондон и Мадрид, расстреливает молодых людей в Норвегии. А повстанцы – те, кто взрывает Иерусалим и Тель-Авив, вырезает младенцев в Израиле.

Конечно, подобное допускать нельзя, убийство мирных граждан невозможно оправдать, но... Израилю следует пересмотреть свою политику в отношении «территорий», обеим сторонам арабо-израильского конфликта необходимо возобновить мирные переговоры...

Это точная цитата из официальных заявлений европейских дипломатов после терактов в Израиле. Она отражает куда как более сомнительную позицию европейских демократов.

Но на этот раз «Аль-Каида» оказалась ни при чем. Так ли? Так, да не так. Траектория расправления пружины истории поддается изучению лишь годы спустя. Но у нас этих годов на размышления нет. С выводами приходится торопиться.

Только упертый безумец не видит, как на наших глазах демократический мир стремительно меняется. Еще остались трескучие брежневские фразы о мире во всем мире и интернационализме, но звучат уже и не представимые еще 10 лет назад речи о провале политики мультикультурности. Еще проходят огромные антиизраильские манифестации в европейских столицах, но миллионы уже голосуют за анти-арабские, по сути дела, правые партии, которые открыто декларируют свою произраильскую позицию.

К последнему фактору стоит присмотреться. Откуда такая извращенная любовь? Ведь очевидно, что все эти вильдеры и брейвики, что бы там они ни говорили, в своих духовных отцах и дедах числят тех, кто как раз и потворствовал тому, что евреи в их странах стали туристической достопримечательностью. Вот где собака зарыта. Тех евреев, конкурентов и умников, по соседству больше нет. Зато есть Израиль, бравый вояка без страха и упрека, противостоящий диким ордам других цивилизаций.

Голде Меир приписывают слова: «Мы никогда не простим арабам, что они заставили наших мальчиков ненавидеть их мальчиков». Иначе говоря, что из людей еврейской цивилизации они превратили израильтян в исламо-европейцев.

Никакой иудео-христианской цивилизации никогда не существовало. Когда иудеи были воинами, христианство только зарождалось. Когда христиане стали воинами, копья и мечи они направили на породивший их иудаизм. Но тысячелетие спустя им пришлось столкнуться с себе подобной воинственной монотеистической цивилизацией ислама. И евреи оказались между молотом и наковальней.

Все мировые войны несли на себе отпечаток борьбы этих двух цивилизаций, очень разных, но весьма похожих своей воинственностью во имя Божье. Они били друг друга и заодно евреев.

Так было до создания Государства Израиль. Взяв в руки оружие, евреи отринули двухтысячелетнюю традицию уверенной в своей правоте и избранности жертвы. Военственные сионисты объявили себя преемниками защитников Бейтара и Масады, воинов Иисуса Навина и судьи Деборы. Но, думается, у ассимилированных первопроходцев были и гораздо более близкие примеры для подражания.

«Аль-Каида», что бы ни значила эта эвфемистическая кличка разнокалиберных повстанцев и партизан, сделала все, чтобы вернуть Европу в средневековье. И ей это удалось. Появился белокурый голубоглазый викинг, разящий врагов без жалости и сомнений. И у него хватает единомышленников. Европа заговорила с магометанами на знакомом кровавом языке. Хорошо от этого не будет никому.

Αἶψά Αἶψά

ПИСЬМА О ВОСПИТАНИИ

לְיָהוָה אֱלֹהֵינוּ עֹשֶׂה אֱמִנָּה

אֶעֱבֹר אֵי עֲבָרֶיךָ «אֵי-עֲבָרֶיךָ» אֶי אֲמִנָּה

דִּוְרָן הַיָּמִים הַשְּׂמֵרָה, 5710

<...> Теперь о Вашем предложении по созданию системы религиозных педагогических семинарий. Пожалуйста, пришлите мне подробную обоснованную программу преподавания, которая позволит готовить учителей за непродолжительное время (три-шесть месяцев). Речь идет о подготовке будущих учителей из тех, кто достаточно знает предмет и кому не хватает лишь методической и педагогической подготовки, которую, пусть и в минимальном объеме, можно будет получить за столь краткий период.

Мне бы хотелось — если, конечно, это возможно — чтобы вместе с вышеозначенной программой Вы прислали мне список лиц, которых можно будет пригласить читать лекции, а также предполагаемый бюджет. Как только проект будет получен, мы сможем обдумать, каким образом его воплотить в жизнь <...>

<...> С особым интересом я прочел о том, что Вы вновь работали вожатым в лагере «Ган-Израэль». Я был рад прочесть в Вашем письме, что, по Вашим ощущениям, лагерный сезон прошел удачно. Надеюсь, вожатые стараются не терять связи со своими воспитанниками на протяжении всего года, чтобы время от времени «поливаться» и «окучивать» ростки, посаженные в их душах, дабы они принесли добрые плоды. <...>

<...> Ко всем, кто занят в еврейском образовании, а также к тем, кому дороги Тора и заповеди.

Я хочу еще раз напомнить о насущном деле, участие в котором является одновременно священной обязанностью и огромной привилегией каждого еврея и каждой еврейки.

Прилагать все необходимые усилия для того, чтобы каждый еврейский ребенок, мальчик или девочка, получил подлинное еврейское образование, необходимо не только в течение учебных часов, отведенных для изучения Торы, но и все время, «день и ночь»^[1]. Причем следует помнить: во внеучебное время такая работа является даже более насущной. <...>

Также хотелось бы обратить ваше внимание на дополнительные возможности, которые откроются в предстоящие летние месяцы, когда в этой стране^[2], как и во многих других странах, обязательные занятия в школах прекращаются на время летних каникул.

Многие учителя и воспитатели, освободившись от своих основных обязанностей, захотят принять участие в работе на благо религиозного еврейского образования.

В тот период, когда тысячи еврейских мальчиков и девочек свободны от школьных занятий, возникает уникальная возможность, которой мы обязаны воспользоваться. Надо позаботиться, чтобы они оказались в подходящем летнем лагере, где в течение длительного времени можно наслаждаться атмосферой аутентичной еврейской традиции, что далеко не всегда возможно во время учебного года, когда неизменно возникают противоречия между требованиями школы, семьи и настроениями на улице.

Таким образом, летом перед нами открывается уникальная возможность непрерывного влияния <на детей, попавших в еврейский лагерь>. Любые усилия в этом направлении лишь подтвердят известное обещание: «Старался и обрел — верь»^[3].

Пусть будет воля Всевышнего, чтобы каждый, кто собирается трудиться на ниве еврейского образования во время каникул, а также каждый, кто сможет оказать какую-либо помощь, сделали все, что будет в их силах, чтобы вырастить тысячи, десятки тысяч еврейских детей, изучающих и соблюдающих заповеди Торы, которую называют Торой Истины и Торой Жизни. <...>

[1] Йешуа, 1:8.

[2] США; [3] Вавилонский Талмуд, Мегила, 6б.

О ВЕЧНОМ ОГНЕ ДУШИ

Аиде Эацад

Наступил элул, последний месяц еврейского года, приближаются осенние праздники — время отдыха и молитвы, время, которое принято проводить в семейном кругу, уделяя особое внимание духовному росту и воспитанию детей.

Казалось бы, люди должны только радоваться. Но вот интересно: каждый год мне приходится именно в это время, беседуя с евреями, убеждать их в необходимости праздничного отдыха! Люди говорят: мы бы и рады, да времени свободного нет: каждый день новые дела, новые проблемы... Опять же — конкуренция. Что праздники! — даже по субботам приходится целый день работать...

Действительно, проблема непростая. Жизнь с каждым годом становится все более напряженной и насыщенной разного рода делами. А в сутках все те же 24 часа, и в году все те же 365 дней! Что делать? Не уделять должного внимания работе? Нельзя: каждый человек обязан заботиться о материальных интересах своих близких. Работать по субботам и праздникам? Тоже нельзя: во-первых, нарушение заповедей Торы никогда добром не кончается, а во-вторых, все мы знаем, к каким пагубным последствиям приводит сокращение времени, проводимого с семьей и детьми. В субботу и праздники мы не просто отдыхаем — мы заботимся о духовных интересах родных и близких. А духовные интересы ничуть не менее важны, чем материальные!

Что же делать? Хасиды стремятся в каждом, даже самом будничном деле находить жизненные уроки. Один такой урок мне вспоминается всякий раз, когда собеседник жалуется на недостаток времени, якобы не позволяющий ему в полной мере выполнять заповеди отдыха...

В субботу у евреев принято есть чолнт — блюдо из картофеля, мяса, бобов и различных приправ. Чолнт ставят на медленный огонь незадолго до прихода субботы, и так он томится в кастрюле, набирая сочность и вкус, вплоть до дневной трапезы. Есть притча о раввине, который показывал ученикам, как варить чолнт. Положил картофель в кастрюлю, спрашивает: «Осталось место?» Нет, говорят ученики. Тогда раввин положил еще нарезанное мясо — и поместилось. А теперь, спрашивает, осталось место? Нет, отвечают ученики, совсем не осталось. Раввин высыпает фасоль — и она, как по волшебству, помещается между картофелинами и кусками мяса; кладет приправы — им тоже место нашлось; наливает воду... Всему нашлось место — потому что учитель укладывал продукты в правильном порядке.

Точно так же всему найдется время, если его правильно распределять, «правильно укладывать дела». Зачастую нам просто не хватает внутренней дисциплины, умения сосредоточиться на главном. Современный мир предлагает множество соблазнов и развлечений, занимающих время. А все ли они нам необходимы? Попробуйте подсчитать, сколько времени каждую неделю отнимает телевизор, все эти сериалы вперемешку с рекламой? Сколько времени уходит на компьютерные игры, на бессмысленное общение по телефону или в социальных сетях? Потребительское общество всеми силами пытается создать у каждого из нас лишние потребности, но достаточно понять, что ничего полезного они не дают ни телу, ни душе, — и у нас тут же освобождается время для действительно нужных дел!

Так что пусть никто не жалуется: нет времени отдохнуть, нет времени помолиться, нет времени позаниматься с детьми... Есть время! Б-г дал нам время на все правильные дела — а если в результате не останется времени на дела неправильные, так это даже лучше.

Теперь вернемся к истории с чолнтом — ведь мы не рассказали самого главного! Что сделал раввин, когда в кастрюлю поместили все составляющие блюда? Правильно: поставил кастрюлю на огонь! И это был главный урок ученикам. Все эти продукты, сказал учитель, могут как угодно долго лежать в кастрюле и проку от них не будет. Чтобы получился чолнт, который мы будем есть и получать удовольствие, надо добавить огня. Так любое дело: ты можешь трудиться сколь угодно долго, но без огня твоей души толку не жди...

Человек, в сутолоке дел пренебрегающий субботой и праздниками, отдыхом и молитвой, подобен тому, кто не поставил свой чолнт на огонь. Он заработал на картофель и мясо, на бобы и

изысканные приправы, — но все эти продукты остались несъедобными! Потому что без молитвы, учебы, передачи нашей традиции детям все остальные дела не имеют смысла и достижения пропадут впустую.

МЕСЯЦ ПРАЗДНИКОВ

Ääí Ööäí çäëü

Первый месяц еврейского года — тишрей; в нем больше праздников, чем в любом другом месяце. И так же, как голова человека руководит жизнедеятельностью всего тела, так и праздник Рош а-Шана (Новый год; букв. — «Глава года», ивр.) определяет ход всего годичного цикла. Мы надеемся, что будущее принесет нам больше радости, чем прошедшее, и просим об этом Всевышнего. Просят все — и взрослые, и дети. Если много людей одновременно молят Царя о чем-то, Он наверняка услышит. Не все знают слова молитв, но каждый верит и надеется, что просьба его сердца будет исполнена.

Мысли лучше всего выражать словами, чувства — звуками, музыкой. В Рош а-Шана звучит особая музыка: трубный глас шофара — бараньего рога. Шофар мы услышим еще раз — он возвестит о завершении поста Йом Кипур.

В словосочетании «Рош а-Шана» кроется внутреннее противоречие. Год, как известно, — замкнутый цикл. Смена сезонов: осень, зима, весна, лето. Короткие дни сменяются длинными, дожди — сухью, холод — жарой, и этот цикл повторяется из года в год. Жизнь человека, как и смена времен года, тоже представляет собой цикл, хоть и не замкнутый. Все мы очень похожи: даже потрясения переживаем настолько одинаково, будто представляем собой одного человека, только многократно репродуцированного.

Все мы ждем Нового года, надеясь на изменения. Религиозные евреи, живущие напряженной духовной жизнью, имеют возможность пережить то, что ощущали наши предки, стоявшие у горы Синай. Часто мы слышим: «Счастливы те, кто верит». А возможна ли в наше время истинная вера или она осталась в ушедших в небытие местечках, у старшего поколения выходцев из Марокко, в замкнутых хасидских общинах?

И получив светское образование, люди стремятся к вере, однако вера религиозного человека нередко воспринимается окружающими как нечто абстрактное, оторванное от реальности. А ведь слово «вера» имеет на иврите общий корень с «педагог», «опекун» — тот, кто воспитывает ребенка и заботится о нем. Необходимо взрастить и раскрыть эту веру, дать ей возможность выразить себя, воплотиться.

Год уходит за годом, и зачастую человек воспринимает свою жизнь как бесконечно повторяющийся сон — замкнутый круг, из которого невозможно вырваться.

Рош а-Шана достигает своего пика в тот момент, когда раздаются звуки шофара. Резкие и отрывистые, как крик, не ласкающий ухо, они выражают то, чего нельзя передать словами. Каждый человек интерпретирует их по-своему.

Длинный трубный призыв, короткий надрывный стон, захлебывающиеся рыдания... Шофар предупреждает, что человек может осложнить свою жизнь, навлечь на себя несчастья, но и напоминает о возможности победить в себе злое начало и очиститься. Ведь сегодня — Новый год, врата надежды.

Шофар никогда не был для евреев просто музыкальным инструментом. Его звуки пробуждают от духовной спячки. Рамбам сказал: «В звуках шофара содержится скрытый намек: спящему — пробудиться, дремавшему — встрепенуться, забывшему правду в суете — всмотреться в свою душу, выправить свои пути». Звук шофара освобождает от пут повседневности, обращает к тшуве — раскаянию, которое должно привести к обновлению. Вся система религиозного мировоззрения противоречит рутине, стремится прорвать завесу обыденности, — хотя со стороны может показаться, что повседневная жизнь верующего еврея представляет собой сплошную рутину.

Один праведник, комментируя слова Торы «Сейчас знаю я, что велик Всевышний...» (Шмот, 18:11), сказал, что человек может приблизиться к пониманию величия Всевышнего только самостоятельно. Чужое знание — пусть и глубокое, цельное, всеобъемлющее — все равно останется чужим; экзистенциальное переживание невозможно передать другому, подобно тому как человек не может точно описать вкус съеденного им плода.

Кто же может вкусить от плода Древа жизни? Для этого не надо обладать жизненным опытом, отличаться особой душевной чистотой или выдающимися способностями. Где источник той веры, которую, как мы говорили, необходимо взрастить в себе?

Не на небесах и не за морями — на твоих устах, в твоём сердце. Часто уста человека говорят языком правды и веры, однако он не отдаёт себе отчёта в том, что именно произносит, не слышит голоса своего сердца. И обыденная, немудреная фраза порой несёт утешение плачущему, придавая ему уверенность в том, что, несмотря на все преграды, можно пройти по жизни, не теряя собственного достоинства.

**ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2011 ЭЛУЛ 5771 – 9(233)
МЕСЯЦ СТЕН**

Ἰ ἀδεία Ἐαδὶτῶα

Υὸς πῶδοιφρ οἰδαῖνῆν αὐ ἰα:αοῦ γιέγαῖνι ἐς ἰάααῖαε ἐπὶ ἰδῆε. Ἀ 1938 ἄαῶ, εἰάαα Ἰἀεῖαοεῖα αὐεῖα ἰῶαα:αῖα ἀδαῖαεῖεῖ ἐ ἀαῖνῖογῶαεῖα ἐ, Ἰἀοεῖῖαεῖνῆε εἰῖ ἐοαὸ (αῖνῆεε ἰῶαῖ πᾶ ἰ-οἰδαῖαεῖεγ ἀδαῖαεῖε Ἰἀεῖαοεῖα) ἰδῆεγῆ δαοῖαεῖα ἀαῖνῆε ἀῖῖεῖεοδαῖνῆε ἰαεῖα ἰα πᾶαδαῖαεῖα ἰοδῶαῖα πᾶ ἰῖαῖοῖῖῖ. Ἰἀοεῖῖαεῖνῆε εἰῖ ἐοαὸ πᾶοῖγῆ ἐς ἰῶαῖνῶααεοδαῖαε πῆῖῖεῖνῶῖεεῖ ἰαδῶεε, :αῖοῖ αεῖ εἰαδῖαεῖεῖ πῆεῖ οεῖνῶδαῖοῖαῖεῖα, εῖαεῖα ἀδαεῖαῖῖ ὑῖ πῆῖῖ ἐς ἰ εἰαδῖαεῖαεῖ ἰεῖαεοεῖνῖοῖ ἰαεῖα γῶγῶεῖα :οἰ ἰῖ ἐ ἐ οαε ὁ:αῖοδῶρῶ ἂ ἰαῖνῖα:αῖ ἐε ἀαῖῖαῖνῖ ἰπῶε ἀδαῖαεῖεῖα ἰαδῖαῖ, ἰῖπῆῖεῖεῖο ἰῖπῶγῶεεῖ πᾶρ αεῖς ἰ ἐς:αῖ ἐρ ὀῖδῖ.

Ἰ αῖαῖ ὑγ ἰαεῖρῶααὸ γὰ ἰαδαῖοδῖεεῖε πῶαῖ Ἐαδῖαεῖεῖ α

Ἐεῖρῖοδαῖεγ ἐς Ἀεῖεεε, ἐςῶῖῖῖε οἰοεῖαῖαῖεῖε ὀαῖεῖαῖ Ἀεῖῖῖ Ἀδαῖῖῖ ἂ 1786 ἄαῶ

Обосновывая свою позицию, иерусалимцы сослались на известную агаду из Иерусалимского Талмуда (Хагига, 76с): «Однажды рав Ами и рав Аси пришли в город. Они спросили его обитателей: „Кто стражи города?“ Жители указали им на солдат и стражей, на что мудрецы ответили: „Не эти нетурей карта („стражи города“), это — разрушители города. Настоящие нетурей карта — мудрецы и благочестивые люди. В их заслугу город защищен“».

Разумеется, изучение Торы и соблюдение заповедей жизненно необходимы для существования еврейского народа. Вопрос: является ли это не только необходимым, но и достаточным условием? Иными словами, может ли изучение Торы быть единственной гарантией безопасности народа Израиля?

Ответить на этот вопрос поможет изучение еврейского исторического календаря за месяц элул, поскольку в эпоху Второго храма в этот последний месяц еврейского лета произошло несколько событий, имеющих непосредственное отношение к обсуждаемой теме.

Первое из этих событий произошло в годы правления Нехемьи, которого персидский царь Артаксеркс назначил сатрапом Иудеи, бывшей в то время одной из провинций Персидской империи. Положение в Палестине в те времена было крайне тревожным. Между иудеями, вернувшимися из вавилонского плена, и окружающими языческими племенами сложились крайне напряженные отношения, и евреи все время пребывали в страхе внезапного нападения. Поэтому, прибыв в Иерусалим, новый правитель первым делом занялся обеспечением безопасности.

В поколении Нехемьи было несколько выдающихся мудрецов, и среди них книжник Эзра, о котором мудрецы впоследствии говорили, что он был достоин получить Тору вместо Моше (Сангедрин, 20а). Однако Нехемья решил, что заслуг даже столь великого знатока Торы все-таки недостаточно для обеспечения безопасности Иерусалима. Поэтому, будучи еще в Персии, он получил от царя полномочия для возведения стены вокруг Иерусалима: «И сказал я царю: если царю благоугодно, то дал бы мне письма к

наместникам Заречья, чтоб они давали мне пропуск, пока я не дойду до Иудеи. И письмо к Асафу, хранителю царских лесов, чтоб он дал мне дерев для ворот крепости, которая при доме Б-жьем, и для городской стены, и для дома, в котором бы мне жить. И дал мне царь, так как творящая благо рука Б-га моего была надо мною» (Нехемья, 2:7-8). Прибыв на место, он распорядился немедленно приступить к строительным работам.

Враги евреев — Санвалат из Хорона, Товия-аммонитянин и Гешем Арави — попытались помешать строительству стены и составили заговор о нападении на Иерусалим. Поэтому Нехемье пришлось разделить немногочисленных иерусалимцев на строителей и стражников; впрочем, и занятые на строительных работах тоже не расставались с оружием: «Половина молодых людей у меня занималась работою, а другая половина их держала копья, щиты, луки и латы. <...> Строившие стену и носившие тяжести, которые налагали на них, одною рукою производили работу, а другою держали копье. Каждый из строивших препоясан был мечом по чреслам своим, и так они строили» (Там же, 4:16-18).

Когда враги поняли, что не смогут силой воспрепятствовать строительству стены, они начали действовать против Нехемьи хитростью, ложно обвинив его в намерении восстать против персидского царя. Так они надеялись отвлечь правителя от работы. Однако и этот план провалился. Строительство городских укреплений было успешно завершено: «Стена была закончена в двадцать пятый день месяца элул — за пятьдесят два дня. Когда услышали об этом все неприятели наши и увидели это все народы, которые вокруг нас, то посрамлены они были сильно в собственных глазах и познали, что от Б-га нашего — исполнение этой работы» (Там же, 6:15-16).

Другое событие произошло через несколько столетий после смерти Нехемьи, во время восстания Хасмонеев. Его точную дату мы находим в Мегилат Таанит («Свитке постов») — составленном в Иерусалиме незадолго до разрушения Второго храма небольшом, около сорока предложений, сочинении на арамейском языке, где перечисляются даты, на которые не назначают общественных постов. Одной из таких дат является «7 элула — день освящения стен Иерусалима, когда запрещено скорбеть».

После гибели легендарного Йеуды восстание возглавили его братья — Йонатан и Шимон. Воспользовавшись тем, что в Сирии началась борьба за власть, братья предприняли несколько успешных наступательных операций и даже ненадолго овладели Дамаском. Однако они не могли не понимать, что противник способен в любой момент перейти в контрнаступление. Поэтому, вернувшись из похода, они занялись возведением новых укреплений Иерусалима. Подробнее об этих событиях рассказывается в Первой книге Маккавеев: «И возвратился Йонатан, и созвал старейшин народа, и советовался с ними, чтобы построить крепости в Иудее, возвысить стены Иерусалима и воздвигнуть высокую стену между крепостью и городом, дабы отделить ее от города, так, чтобы она была особо и не было бы в ней ни купли, ни продажи. Когда собрались устроить город и дошли до стены у потока с восточной стороны, то построили так называемую Хафенафу. А Шимон построил Адиду в Сефиле и укрепил ворота и запоры» (Маккавеев I, 12:35-38).

А вот как об этом рассказывается в «Иудейских древностях» Иосифа Флавия: «После всех этих предприятий как Шимон, так и Йонатан вернулись в Иерусалим. Собрав затем весь народ в святилище, Йонатан посоветовал ему восстановить городские стены, вновь отстроить разрушенную ограду вокруг Храма и укрепить ее высокими башнями; далее, воздвигнуть среди города другую стену и отрезать таким образом гарнизону крепости доступ на рыночную площадь; тем самым он и предлагал лишить этот гарнизон возможности снабжаться съестными припасами; кроме того, он предлагал еще более укрепить и тем обезопасить существовавшие в стране крепости. Так как все эти предложения были благосклонно приняты народом, то он сам принялся за отстройку города, а Шимона отправил внутрь страны, чтобы обезопасить ее» (Иудейские древности, 13:5:11).

Еще один «градостроительный проект» за тридцать лет до разрушения Второго храма был осуществлен царем Агриппой — одним из самых благочестивых правителей той эпохи, одинаково любимым и чтимым и простым народом, и мудрецами. Агриппа был современником многих выдающихся знатоков Торы: раббана Гамлиэля, р. Йоханана бен Закая, р. Цадока, сорок лет постившегося в надежде предотвратить разрушение Храма. Да и сам Агриппа отличался праведностью, благочестием и скрупулезностью в соблюдении заповедей. Царь делал Храму богатые подарки (подарив, в частности, золотую цепь, некогда полученную от императора Калигулы), регулярно приносил добровольные жертвы (по словам мидраша, до тысячи в день!), лично участвовал в церемонии принесения первинков (Мишна Бикурим, 4:3), публично читал Тору в Храме (Сота, 41а-б). Благочестие царя доходило до того, что в

городах с еврейским и нееврейским населением чеканились разные монеты: в нееврейских — с изображением императора и его собственным изображением, в Иерусалиме — без изображений, чтобы не нарушать запрет Торы.

Тем не менее, едва прибыв в Иудею, Агриппа приступил к строительству новых крепостных стен: «Царь стал укреплять стены Иерусалима со стороны Нового города. Делал он это за счет государственной казны, расширяя стены и значительно возвышая их. Ему удалось бы придать этим стенам окончательную неприступность, если бы сирийский наместник Марс письменно не сообщил о том императору Клавдию. Последний, усмотрев в этом предприятии некоторое опасное новшество, приказал Агриппе немедленно приостановить постройку стен. Агриппа не счел возможным ослушаться» (Иудейские древности, 19:7:2). В результате новые стены, которые сделали бы город неприступным, так и не были построены. Царь успел лишь возвести новые ворота. Произошло это 8 элула, в 42 год новой эры.

Вывод из этих историй очевиден. Даже наиболее праведные еврейские правители, чьими современниками были выдающиеся знатоки Торы, никогда не считали, что изучения Торы и соблюдения заповедей достаточно для обеспечения безопасности еврейского народа. Поэтому, не забывая о Торе и молитве, они вместе с тем принимали все необходимые меры, чтобы любимый город и его жители могли спать спокойно: строили и укрепляли городские стены, возводили крепости, содержали сильную, боеспособную армию и обеспечивали мирным жителям нормальную жизнь.

ДОЛЖЕН ЛИ РАВВИН БЫТЬ С БОРОДОЙ?

Аורי עי לאעי

ТЕМА ЭТОЙ СТАТЬИ — ОТНОШЕНИЕ ЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ К ... БОРОДЕ.

Небольшой экскурс в русскую историю. В 1582 году в Москве состоялся диспут о вере, в котором участвовали Иоанн Грозный и иезуит Антонио Поссевино, присланный папой Григорием XIII с миссией обратить москвитов в католичество. Иван Грозный выдвинул принципиальные возражения против латинской веры, среди которых был и упрек, что Папа Римский бреет бороду. Прочитав через три столетия диалог царя и иезуита, В. Розанов с легким презрением писал: «Известны споры Грозного с Поссевином, где он огородил “западника” вопросом: для чего они бреют подбородок... Таким “богословам” с интересом к подбородку было трудно выступить пред лицом мира».

Ответ Грозного отражал всю глубину русской религиозности того времени, когда брадобритие считалось тяжким грехом и было запрещено постановлением Стоглавого собора (1551): «Правило святых апостол сице глаголет: “Аще кто браду бреет и преставится тако, недостоин над ним служити... с неверным да причтется, от еретик бо се навькоша”». Русская церковь протестовала против бритья бороды, считая это «латинским и еретическим преданием», ведь неправославные народы, католическое и протестантское духовенство щеголяли с гладко выбритыми лицами. На русских иконах безбородыми традиционно изображали чертей и бесов, потому безбородый человек в глазах москвиты переставал быть «образом и подобием Б-жым», уподобляясь нечистому. К тому же сбривание бороды выглядело нарушением гендерных различий, установленных Творцом.

Даже Петр не посмел поднять руку на бороды русского духовенства. До сего дня борода считается в России признаком благочестия и необходимым атрибутом православного духовенства. Бритый батюшка, игумен или епископ — такой же оксюморон, как женатый монах.

Экскурс в недавнюю русскую историю поможет лучше понять отношение еврейской традиции к бороде. Мы увидим: евреи придерживаются в этом вопросе схожих взглядов и порой излагают их едва ли не теми же словами.

В библейские времена борода считалась символом мужественности и красоты, выбритое лицо — символом позора и поражения: желая унижить поверженного противника, древние владыки часто лишали его растительности на лице. Этот образ нередко использовали еврейские пророки. Йешаяу, предсказывая возмездие, ждущее царя Ассирии, говорил: «В тот день обреет Г-сподь бритвой, нанятой по ту сторону реки, царю ассирийскому голову и волосы на ногах, и даже отнимет бороду» (7:20). И пророк Ирмеяу подчеркнул бедствия и унижения Моава: «Оттого сердце мое стонет о Моаве, как свирель; о жителях Кирхареса стонет сердце мое, как свирель, ибо богатства, ими приобретенные, погибли; у каждого голая голова и у каждого сбрита борода» (48:36-37).

В недельном разделе Торы Кдошим находим такой запрет: «Не порть края своей бороды» (Ваикра, 19:27). Объясняя смысл этой заповеди, Рамбам писал: «44-я заповедь — запрет сбривать лезвием бритвы “края бороды”. И есть пять “краев”: верхний край бороды на правой щеке, верхний край бороды на левой щеке, нижний край бороды справа, под нижней скулой, нижний край бороды слева, под нижней скулой, и самый нижний край бороды. Этот запрет выражен в Торе так: “Не порть края своей бороды” (Ваикра, 19:27), поскольку все эти пять “краев” входят в понятие “борода”. И не сказано “Не порть свою бороду”, но Г-сподь сказал: “Не порть края своей бороды”, — подчеркивая: не порть даже один из краев, окаймляющих твою бороду; и наши мудрецы объясняют, что имеются в виду те пять краев, которые мы перечислили» (Книга заповедей, Запрещающие заповеди, 44).

Талмуд устанавливает за сбривание бороды пятикратное бичевание (Макот, 20а): с точки зрения мудрецов, борода состоит из «пяти краев» и человек, сбривший бороду, нарушал не один, а сразу пять запретов.

Еврейские мыслители по-разному объясняли эту заповедь. По мнению Рамбама, так как в древности бороды брили языческие жрецы, а в современной ему Европе — христианские священники и монахи, еврей, лишивший себя растительности на лице, уподобляется идолопоклоннику.

Барселонский раввин Аарон Галеви (Сефер а-хинух) считал, что сбривание бороды является нарушением заповеди «Да не наденет мужчина женскую одежду» (Дварим, 22:5), так как это — отказ от установленных Б-гом гендерных ролей. Аналогичное объяснение предложил и третий Любавичский Ребе Менахем-Мендл Шнерсон (Цемах Цедек): даже стрижка бороды, считал он, подпадает под категорический запрет Торы.

Означает ли это, что любой религиозный еврей непременно должен быть бородат? Нет. Внимательно читая Тору, мы увидим, что запрет распространяется именно на бритье бороды, т. е. уничтожение растительности на лице с помощью лезвия или бритвы. Прибегнуть к иным способам Тора не запрещает: «Еврей подлежит наказанию только тогда, когда снимает волосы бритвой, поскольку именно в этом заключается “порча”, о которой говорится в Торе. Стригущий бороду ножницами свободен от наказания» (Хафец Хаим. Краткая книга заповедей, Запрещающие заповеди, 177).

Современные технологии предлагают несколько способов «кошерно» избавиться от растительности на лице, рекомендуя специальные порошки, гели, электробритвы, действующие по тому же принципу, что и ножницы. В большинстве еврейских ортодоксальных общин мира не видят ничего необычного в том, что лица мужчин гладко выбриты. Однако, когда речь заходит о раввине, ситуация несколько меняется: многие евреи считают бороду необходимым атрибутом «духовного лица».

Известный педагог и популяризатор иудаизма Арье Бен-Эфраим пишет по этому поводу: «В отношении бороды дело обстоит несколько сложнее. Из Торы действительно вытекает, что брить бороду машинкой, которой никогда не побреешься так же чисто, как обычной бритвой, законом не запрещено. И поэтому на Западе нередко можно встретить даже раввина с бритым подбородком. Если это ортодоксальный раввин, то он не пользуется ни опасной, ни безопасной бритвой, а исключительно машинкой для бритья. Но для простого и не искусственного в тонкостях Алахи человека разницы в этом большой нет, и ему очень трудно признать, что перед ним действительно раввин» (А. Бен-Эфраим. Беседы на темы недельных глав Торы. Нью-Йорк, 1995). Как справедливо заметил Бен-Эфраим, против безбородого раввина восстает не только чувство, но и традиция, согласно которой борода является одним из признаков благочестия. Поэтому, к примеру, в Шульхан арухе однозначно утверждается, что крайне желательно, чтобы ведущий молитву в синагоге был бородат (Орах хаим, 53:6). Того же мнения был и р. Шломо Ганцфрид: «Постоянным хазаном назначают только того, у кого полностью выросла борода. Хотя на время какой-то конкретной молитвы любой, кому исполнилось тринадцать лет и один день, может молиться, представляя общину» (Кицур Шульхан арух, 15:13). Бен-Эфраим пишет: «Праотца Авраама или великого Моше смелый художник еще дерзнет изобразить без головного убора, но без бороды — никогда. Ни талмудического мудреца, ни ученого эпохи гаонов, ни Рамбама и Раши, ни просто скромного раввина в захолустном местечке черты оседлости невозможно даже представить себе без бороды. Бороды носили все главы хасидских дворов и знаменитых литовских ешив, все главные раввины Израиля... Даже в Советском Союзе все известные мне раввины были бородаты».

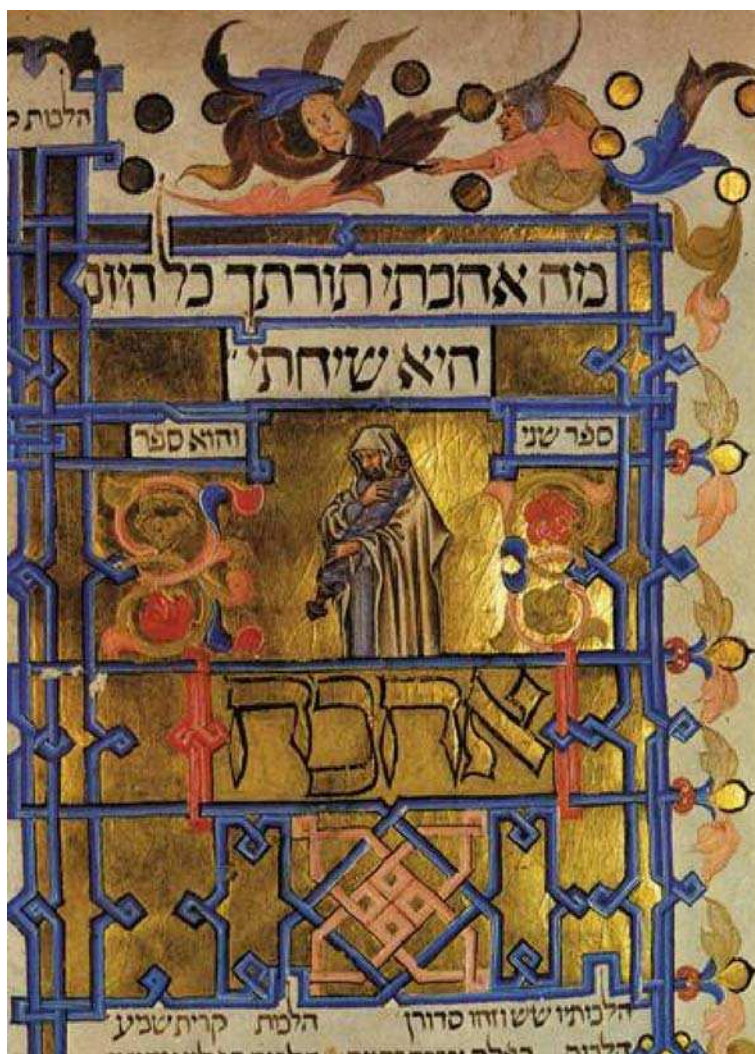
В хасидской среде и сегодня отсутствие бороды — недопустимое отклонение от принципов богобоязненности и благочестия. Даже те, кто в принципе допускает возможность стричь бороду с точки зрения Закона, тем не менее единодушно осуждают подобную практику.

Означает ли это, что борода всегда являлась непременным атрибутом настоящего раввина? Оказывается, нет. Многие раввины средневековой Италии не носили бород, ссылаясь на пример каббалиста р. Менахема Азарьи (1310–1385), регулярно уничтожавшего растительность на лице, не оставляя ни единого волоса. Кроме того, по его мнению, «в соответствии с мудростью каббалы, не стоит отпускать бороду, будучи в галуте». Впрочем, подобные мнения были единичны.

«Кошерная» стрижка бороды была одобрена не только некоторыми еврейскими мистиками, но и таким выдающимся алахическим авторитетом, как Моше Софер, более известный по названию его основополагающего труда как Хатам Софер. По его мнению, ни в Талмуде, ни в трудах известных раввинов, ни в других книгах — нигде не сказано, что есть разница между бородатым и безбородым евреем, а потому желание избавиться от растительности на лице не содержит и тени запретного! (Хатам Софер, Орах хаим, 159). Хатам Софер был последовательным защитником даже самых незначительных еврейских обычаев, именно ему принадлежит известный лозунг: «Хадаш асур мин а-Тора» — «Любые нововведения запрещены Торой». И уж если он разрешил еврею не отращивать бороду, значит, считал подобную практику не противоречащей не только букве закона, но и духу еврейской традиции. И сегодня бритые подбородки многих религиозных евреев подтверждают это многочисленным современным ортодоксам. Правда, кое-кто и сегодня считает, что религиозный еврей без бороды — не совсем еврей. Ответим словами Мишны: «Рабби Меир говорил: “Смотри не на кувшин, а на его содержимое...”» (Авот, 4:20). Или напомним старый анекдот: иногда, когда душа еврея предстает перед Высшим Судьей, ее спрашивают: «Еврей, еврей! Где твоя борода?!» А бывает, спрашивают: «Борода, борода! Где твой еврей?!»

РАББИ МОШЕ БЕН МАЙМОН ИБН-АБДАЛЛА АЛЬ-КОРДОВИ

Ī aēd Ēāāēīīā

Ī ā: aēī āōīōīā dāçāāā «Ī ēōīā ōīdā» Bāī āāī ā ēçī āī āīēdēī ōā, īāāī ēīāī īīā ā Ēīī āī ēē (īēīēī 1350 āāā) ē īōēēēīōdēōīāīīā ā Īāōāēā (īēīēī 1400 āāā). Āāāēīēāy īāōēīīāēīī āy āēāēīōāēā Ēāōīāēēī

ĀÑÒDÁ × Ā Ñ DĀĀĀÈ Ī Ī ØĀ

Рабби Моше бен Маймон не оставил автобиографии. Его современники не написали его биографии и не оставили заметок о том, каким он был в жизни. Зато после него остались его произведения. Три великих произведения: «Маор» («Светоч») — комментарий к Мишне, «Мишне Тора» («Повторение Учения») — великий алахический Кодекс Маймонида и «Море невухим» («Путеводитель растерянных») — великий философский труд. Кроме того, осталось несколько медицинских трактатов и множество писем, посвященных ответам на вопросы, касающиеся самых разных сторон жизни. На основании этого материала, а также обрывков записей и документов, переживших восемьсот лет, ученые пытаются реконструировать биографию Рамбама. Выясняется, что сложно составить даже хронологию его жизни, — остается огромное количество пробелов, сомнительных утверждений, предположений, покоящихся на одном слове, которое, может быть, вообще следует понимать совсем иначе.

В результате многовековых исследований можно уверенно сказать, что мы не уверены в следующем.

Î û íáçíààì òí-íí, á èàèíí ãáo òí àèèíí Ðàì ààì.

Î û íáçíààì, èàè çàèèè àã ì àòü

Î û íáì íàèàì óàðàí íí íàçàòüì àòòí, ãáá íí ì òí àèè íí òü

Î û íáì íàèàì óàðàí íí íàçàòüì àã ó-è-ò-àèèè.

Î û íáçíààì, èí ãáà è ñèíèèèí ðàç íí àèí èèíí.

Î û íáçíààì, èàè çàèèè àã àèí ó

Î û íáçíààì, áüèè èè ó í àã àí-àðè.

Î û íáçíààì, èàè Ðàì ààì àüàèüàè: àííò íàòòí òü àã ì òò ðàò íá àáíü à ñí í è-ò-àèè à

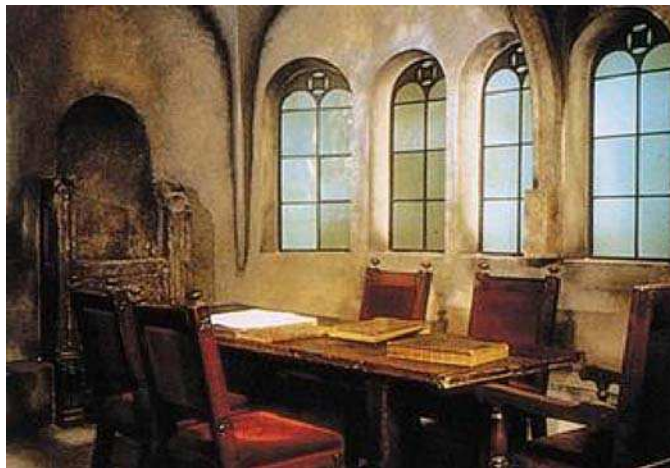
Наверное, больше всего хочется понять, какой у него был характер, каким он был в повседневной жизни. Хочется хоть немного приблизиться к тому, кого современники называли «шедевром рода человеческого», а те, кто жил позже, считали едва ли не прямым преемником нашего учителя и наставника Моше, «который лицом к лицу говорил с Б-гом». Ведь не случайно вошло в поговорку и написано на предполагаемой могиле Рамбама в Твери: «От Моше до Моше не было подобного Моше». Настоящий сборник писем и посланий Рамбама дает такую возможность: в частных письмах, посвященных самым разным вопросам, здесь и там проскальзывают биографические факты. В письме можно написать то, чего никогда не напишешь в книге, а потому у нас есть возможность познакомиться с личностью и темпераментом ученого, узнать, как он относился к различным жизненным обстоятельствам.

× ÒÏ ÇÍÀ × ÈË XII ÁÁË ÁËß ÁÂÐÁËÑËÍÁÏ Ì ÈÐÀ?

Чтобы говорить о XII веке, нужно вспомнить X век, к концу которого в еврейском мире разразился глубочайший кризис. Вавилонский центр, который на протяжении более половины тысячелетия определял облик всего мирового еврейства и консолидировал евреев в единый мир, на глазах хирел, терял значение и влияние. Светила еврейского мира, гаоны, чье мнение было мнением самой Торы для всех общин Израиля, где бы они ни находились, к XII веку еще сохраняли пышные титулы, но сведущие люди уже понимали, что все это не более чем остатки прежней великой славы. Центробежные тенденции усиливались, и места, которые еще недавно были периферией еврейского мира, постепенно начали ощущать себя центрами — пусть не законодателями интеллектуальной моды, но вполне самостоятельными центрами еврейского мира. Общины Северной Африки, Испании, Германии и Прованса вдруг ощутили, что они чем-то, поначалу неуловимым, отличаются от других, и это неуловимое отличие постепенно становилось заметным и ясным. К концу XI века уже все четко знали, в чем состоят особенности каждой общины, чем она примечательна и почему не нуждается во внешней поддержке и наставлении издалека.

Еврейскую Европу — Германию и Прованс той эпохи — вполне можно рассматривать как единую общину. Солнце учености осветило европейское еврейство только к концу X века трудами рабби Гершома [1], совсем неслучайно прозванного «светилом диаспоры». И до него в Европе были раввины и ученые, но они не определяли себя как особую школу и особую традицию. И вдруг все резко изменилось, появились свои школы, собственные методики. Весь XI век шло формирование новой европейской — принципиально отличной от восточной — еврейской традиции. Возникли независимые от Востока подходы к комментированию Торы и полностью самостоятельный метод изучения Талмуда, который можно описать как глубокий анализ частных фрагментов на основании знания целого. Именно в этих краях формируется новое понятие пшата, прямого смысла Писания, не имеющее ничего общего с тем, как его понимают другие общины. Метод ашкеназской экзегезы базируется на глубоком изучении каждого отдельного слова, но выводы всегда делаются с учетом, более того — на основании общей картины. Главная цель — понять, что нового данное слово добавляет к общему смыслу текста. Венцом этого метода стали комментарии Раши [2] к Торе и Талмуду, а также частные комментарии к Талмуду его учеников и родственников, объединенные впоследствии в комментарии Тосафот. В этот период еврейство Германии и Прованса замыкается в своих общинах, его влияние на внешний, нееврейский мир практически исчезает; влияние внешнего мира на духовную жизнь германских евреев также едва ли ощущается.

Еврейская община мусульманской Испании в это же время живет вполне счастливой жизнью и неплохо вписывается в окружающий мир. В отличие от своих германских братьев, испанские евреи мало и не очень глубоко учат Талмуд, но дети обязательно получают серьезное еврейское образование. Параллельно еврейская община Испании впитывает элементы культурных достижений мусульманского окружения. Начинают бурно развиваться еврейская поэзия и грамматика. Евреи общин мусульманского мира знакомятся с античной философией. При этом они не теряют своего еврейства, и им удается создать сплав иудаизма с высшими достижениями мировой культуры.

יְהוּדֵי אֲנָדָלוּסִיָּה בְּמֵאֵת הַיָּמִים הַשְּׂמֹנִים. XVII יָאָרְ

Если XI век проходил под знаком расхождения еврейских общин, то XII век отмечен их взаимным влиянием. В Испанию, в первую очередь в Андалусию, прибывает несколько мудрецов Талмуда из Северной Африки, и андалусская община начинает постепенно осваивать талмудическую ученость. Здесь разрабатывают собственный метод изучения Талмуда, в основном направленный на установление общих правил и решительно стремящийся к итоговым выводам по каждой теме Талмуда. Можно сказать, что, в отличие от германской общины, испанская в своем исследовании Талмуда стремится прежде всего к практическим выводам; их метод изучения намного более прагматичен.

Одновременно в первой половине XII века испанские мудрецы переселяются в общины Прованса и приносят с собой свет философии и мистики. Возникает школа переводчиков во главе с семьей Ибн-Тибонов, которая становится мостом между испанской еврейской ученостью и германскими общинами.

Вторая половина XII века характеризуется крутым переломом в жизни еврейских общин мусульманского мира. Магриб как центр еврейской жизни практически погиб, к счастью успев передать Испании факел талмудической учености. Еврейские общины мусульманской Испании пали под ударами Альмохадов, и еврейская мысль в Испании долгое время сохранялась только в христианских королевствах. Одновременно в Йемене начались гонения на евреев. Йеменская община никогда не славилась своими учеными — она скорее была общиной пастухов и земледельцев, педантично приверженных традиции. Евреев Йемена охватило отчаяние, и место простой веры начали постепенно замещать вещи примитивные — магия, суеверия и пустые надежды.

Весь XII век, кроме того, проходил под знаком Крестовых походов. От них пострадали прирейнские еврейские общины. Многие погибли, многие ушли в изгнание. Также практически исчезла община Земли Израила. Собственно, XII век характеризовался глубочайшим кризисом всего еврейского мира, когда великий подъем предшествующей эпохи грозил обернуться полным крахом. Эпоха требовала чего-то нового, такого, что поможет еврейскому кораблю продолжить его многовековое плавание. Именно в это время родился человек, который смог подвести своего рода итог всем достижениям еврейской культуры Андалусии, зафиксировать ее и стать мостиком между эпохами раннего и среднего еврейского Средневековья[3].

*אֲדָמֵנוּם עֲאֹדוֹאֵי עֵרְדָּאִין.
נִרְאִין אִי יָא עֵרְדָּאִין*

На самом деле, согласно древнему преданию, все евреи Кордовы — потомки царя Давида. Как известно, «царь Испасиан, по имени которого названа страна Испания, присоединился к царю вавилонскому Невухаднецарю, когда тот пошел походом на Иерусалим. И когда пришло время делить добычу, в долю Испасиана попал еврейский квартал, где проживали потомки царя Давида. Вот их-то он и привез на кораблях в Испанию»[11], — и их потомки проживали именно в Кордове. Очевидно, ученики и ученики учеников Рамбама хотели связать родственной связью составителя Мишны — рабби Йеуду а-Наси — с тем, кто повторил его подвиг, с рабби Моше бен Маймоном. Появление же родства с царем Давидом — лишь следствие этого желания.

Рабби Маймон, отец Рамбама, судья города Кордовы, был в свое время личностью достаточно известной и авторитетной. Достаточно заметить, что запросы по алахическим вопросам посылались ему даже из далекого от Кордовы Египта. Он написал комментарии к Талмуду и свитку Эстер. Известно, что у самого рабби Моше хранился сборник ответов и комментариев отца, на который он иногда ссылался в своих работах (к сожалению, эти материалы не сохранились). Из тех немногих ответов, которые до нас дошли, видно, что рабби Маймон был весьма образованным человеком, сведущим не только в талмудической учености, но и в современных ему трудах по астрономии и геометрии.

У нашего наставника рабби Моше был младший брат Давид, и их связывала тесная дружба. Если верить преданию, согласно которому мать Рамбама умерла родами, нам придется предположить, что рабби Маймон был женат как минимум дважды. Впрочем, о жене или женах рабби Маймона мы не знаем ничего, даже ее (или их) имя. У рабби Моше точно были две сестры, одна из них всю жизнь проживала недалеко от брата. О второй сестре, которую звали Мирьям, мы знаем только из чудом дошедшего до нас ее послания, в котором она слезно умоляет брата повлиять на ее сына и, если он появится около рабби Моше, заставить его написать матери или чтобы брат хотя бы написал ей о нем[12]. Вероятно, была еще одна сестра, но утверждать это с уверенностью трудно, потому что евреи той эпохи почти никогда не упоминали о том, что происходило на женской половине дома.

[1]. Гершом бар Йеуда Меор а-Гола (около 965, Мец, — 1028, по другой версии — 1040, Майнц) — основатель талмудической учености средневековой Германии и Прованса, духовный отец ашкеназского направления в алахе.

[2]. Раши (р. Шломо Ицхаки; 1040, Труа, Шампань, — 1105, Вормс, Майнц) — основной комментатор Торы и Талмуда на все времена. Недаром несколько веков его комментарий назывался просто контерос (commentarius), без уточнения.

[3]. В еврейской историографии началом Средних веков принято считать мусульманское завоевание, а концом — Французскую революцию. Наверное, правильно назвать началом еврейского позднего Средневековья изгнание из Испании в 1492 году, точнее — переселение испанских изгнанников в различные общины (по чистой случайности совпавшее с открытием Америки). Однако традиционно началом позднего еврейского Средневековья считают середину XVI века, когда перелом завершился, изгнанники обрели покой в новых общинах, а р. Йосеф Каро написал книгу «Шульхан арух». Автор этих строк полагает, что эпоху между гибелью общины Андалусии в 1165 году и гибелью общин обеих Кастилий в 1492 году следует выделять в отдельный период — среднего еврейского Средневековья.

[4]. В оригинале — даян.

[5]. В оригинале — хахам.

[6]. Такова наиболее авторитетная версия текста.

[7]. Система счета лет «по счислению документов» устанавливается, например, по записи Рамбама в «Мишне Тора», «Законы об освящении месяца», 11:16, где говорится: «...сегодня ночь на четверг, 3 нисана 4938 года от сотворения мира, или 1489 года по счислению документов, или 1009 года от разрушения Храма». Следовательно, «счисление документов» начинается с 312 года до н. э. — это так называемая селевкидская эра. Это летоисчисление было принято среди основной части еврейского народа до XIII века (а у евреев Йемена — до XX века). В своих трудах Рамбам пользуется именно такой датировкой.

[8]. Год рождения Рамбама остается предметом спора современных исследователей. Кроме этой записи, существует запись р. Давида, внука Рамбама (в послесловии к комментарию Рамбама к трактату «Рош а-Шана»), где он сообщает, что дед «родился в нисане в 1446 году по счислению документов, что являет собой 4893 год от сотворения мира». Во-первых, тут явная путаница, потому что год по счислению документов не сходится с годом от сотворения мира: по документам — 1135-й, а от сотворения мира — 1133-й. Во-вторых, очевидно, что в 1165 году Рамбам еще не достиг Египта, а следовательно, придется исправлять «тридцать лет», указанные Рамбамом как его возраст в комментарии к Мишне. Третья проблема состоит в том, что Саадья Ибн-Данан (Гранада, XV век) сообщает, что Рамбам родился «в субботу, в канун Песаха, в 1446 году по счислению документов, что являет собой 4893 год от сотворения мира». Здесь то же несоответствие годов двух систем счисления, что и в версии р. Давида, но дополнение, согласно которому день рождения Рамбама пришелся на субботу кануна Песаха позволяет утверждать, что правильным является 1135 год, потому что в остальные упомянутые годы канун Песаха не выпадает на субботу. Правда, можно усомниться в надежности указания дня недели автором, жившим через три века после Рамбама. Все же современные исследователи склоняются к 1138 году. Ход рассуждения таков: «тридцать лет» в тексте Рамбама заведомо означает «ровно», потому что свой возраст в начале работы он указывает не округленно, а в точности — «двадцать три».

[9]. Шломо бен Шимон Дуран (около 1400—1467, Алжир) — сын знаменитого р. Шимона бар Цемаха Дурана. Эта запись находится в конце его труда «Мильхемет мицва» («Война заповеданная»).

[10]. Ни сам Рамбам, ни его потомки о таком родстве ни разу не упоминали, что вызывает сомнения в достоверности этих сведений.

[11]. Седер олам зута.

[12]. Послание это найдено в Каирской генизе и опубликовано Ш.-Д. Гойтейном в издании «Автограф Рамбама и послание к нему его сестры Мирьям». В письме многократно повторяется просьба: «Мой сын пропал, и нет от него вестей, как будто сгинул в колодце, и нет от него ни одного письма. И по этой причине я плачу и пощусь. Он ушел от меня и забыл обо мне... Сообщи, где он, что с ним?.. Сообщи, чтобы мне больше не плакать и не страдать».

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2011 ЭЛУЛ 5771 – 9(233)

ГРАНИЦЫ 1967 ГОДА:

ПЕРЕСТУПИТЬ ЧЕРТУ

Èðèíà Áàðèèíà

Í Î Î Î Á Î Ñ Î Ä Î Ñ Î Á Î – Í Î Á Î Ä Î Ä Î È Ö Ö

Одним из признаков любого государства является наличие территорий и границ. Для будущего еврейского государства эти границы были определены 29 ноября 1947 года Организацией Объединенных Наций в резолюции Совета Безопасности ООН 181 (II). Было принято решение о создании двух государств — еврейского и арабского, при этом Иерусалим был выделен в особую зону международного контроля. Однако эти границы не просуществовали и суток. Сразу после провозглашения независимости Государства Израиль в 1948 году последовала арабо-израильская война, которая перекроила карту. В результате военных действий еврейское государство расширило свои границы и заняло западную часть Иерусалима, часть Негева, район Акко и Назарета. Западный берег реки Иордан аннексировала Трансиордания (позже Хашимитское Королевство Иордания), а сектор Газа перешел под контроль Египта. На севере Израиль разделил территории с Ливаном и Сирией. После окончания войны, в 1949 году, на греческом острове Родос собрались делегации воевавших стран, которые пришли к соглашению о перемирии, а границы между собой договорились установить по линии прекращения огня. Так появилась «зеленая черта» — временная граница, которая и была признана международным сообществом.

На следующий день после Шестидневной войны Ицхак Рабин и Моше Даян направляются в Газу для встречи с арабскими лидерами.

11 июня 1967 года

Весной 1967 года стало ясно, что новая война между Израилем и арабскими странами неизбежна. Оставалось узнать, когда она начнется и кто ее начнет первым. Израильское руководство оттягивало начало нового противостояния в надежде решить все дипломатическими средствами. Но если премьер-министр Леви Эшколь был среди тех, кто надеялся и сомневался, то Генштаб под командованием Ицхака Рабина уже был готов к войне с Египтом. В Генштабе подготовили два плана войны под кодовыми названиями «Ацмон» («Дерзость») и «Ацмон мерхав» («Большая дерзость»), согласно обоим в случае войны Израиль должен был занять часть Синайского полуострова. Однако даже эти «дерзкие» стратегии военного

руководства не казались некоторым достаточно смелыми. Будущий премьер-министр, а тогда генерал Ариэль Шарон выступил с собственным планом — захватить весь полуостров. Так или иначе, Израилю было жизненно необходимо освободить проливы, закрытые Египтом для израильских судов. Учитывая ситуацию в соседних арабских странах, все складывалось в пользу превентивного удара, и он был нанесен.

ΘΑΝΩÈΑΙ ΑΑΙ ΑΒ ΑΙ ΕΙΑ

Первый удар нанесла авиация Израиля — в 7.45 утра 5 июня 1967 года она бомбардировала аэродромы противника. В течение трех часов ВВС Израиля наносили удары по позициям Египта, Сирии, Иордании, Ирака. В результате лишь небольшая часть арабской авиации смогла подняться в воздух. В этот же день Алжир, Ирак, Кувейт, Судан и Йемен объявили войну Израилю. Однако война разворачивалась не только на полях сражения. Тогда, как и сегодня, многое решала нефть, поэтому страны-экспортеры нефти решили ударить иначе. Они заявили о своей готовности объявить эмбарго на поставку топлива любой стране, которая окажет помощь Израилю.

В Нью-Йорке тем временем собралась чрезвычайная сессия ООН, на которой Египет при поддержке СССР попытался провести решение о прекращении огня. Несмотря на противодействие США Совет Безопасности ООН принял резолюцию о прекращении огня 7 июня с 8 часов вечера. Если бы все войны можно было закончить вмешательством международного сообщества, это было бы очень гуманно, но чуда не произошло. Арабские страны проигнорировали резолюцию и продолжили военные действия, а министр иностранных дел Израиля Аба Эвен заявил, что Израиль не может соблюдать это соглашение в одиночестве.

Война продолжалась шесть дней, за которые Израилю удалось не только отстоять позиции, но и занять территории, втрое превышавшие размеры страны. С тех пор слово «территории» пишут в кавычках и спорят о том, какие они: «оккупированные», «занятые» или «освобожденные». В результате войны 1967 года Израиль завладел Синайским полу-островом на юге, Голанскими высотами на севере, Западным берегом реки Иордан на востоке, а также небольшим, но густо заселенным сектором Газа. Но самое главное, у иорданцев был отбит Восточный Иерусалим, включая Старый город со Стеной Плача. Забегая вперед, следует сказать, что обладание Иерусалимом было и остается, пожалуй, единственной точкой согласия в израильском обществе. Если в отношении других «территорий» ведется дискуссия: «отдавать — не отдавать», то в отношении будущего Святого города израильяне практически едины. 28 июня 1967 года объединенный город был провозглашен «единой и неделимой столицей» страны. Новые границы, которые сложились на момент окончания Шестидневной войны, стали называть «красной чертой», или «границами 1967 года», вокруг которых и разгорелись нешуточные страсти, не утихающие вот уже сорок четыре года.

Случись все это лет сто назад, подобные территориальные «приобретения» никого бы не смутили, но на дворе стоял XX век. Международное сообщество в лице Организации Объединенных Наций немедленно принялось обсуждать сложившуюся ситуацию. После долгих дебатов Совет Безопасности ООН принял свою знаменитую резолюцию № 242, в которой был сформулирован принцип «территории в обмен на мир».

В резолюции подчеркивалась недопустимость приобретения земель военным путем, посему от Израиля требовалось покинуть территории, занятые в результате Шестидневной войны, а также признать проблему беженцев. К слову сказать, резолюция обращалась не только к еврейской, но и к арабской стороне. От всех участников конфликта она требовала прекратить состояние войны, признать право всех государств на суверенитет, и, что было немаловажно для Израиля, в очередной раз была подтверждена необходимость гарантий свободы навигации через международные водные пути.

Израильские парашютисты на третий день войны получили контроль над Храмовой горой.

На переднем плане — флаги, отнятые десантниками у иорданской армии. Иерусалим. Июнь 1967 года.

×ŌĪ ĀĀĒÀŌŪŃ ĪĪĀŪĪ È ÒĀĔĔÈŌĪĔĔÈĔ?

Итак, Израиль нежданно-негаданно оказался обладателем новых территорий, и перед руководством страны встал вопрос будущего этих земель. Военное руководство полагало, что победу надо использовать как козырь в переговорах с арабами, чтобы заключить мирные договоры с арабскими государствами. Фактически еще до всех резолюций было предложено «поменяться»: Израиль готов уйти с большей части территорий, занятых в результате войны 1967 года, создать палестинское государство, а взамен получить мирные отношения с соседями.

Правда и тогда речь о «завоеванных территориях» шла с оговорками, не подразумевая полного возвращения к границам, установленным в 1949 году после первой арабо-израильской войны. Военные полагали, что, если Израиль — победитель, он может «предлагать свою цену». Похожую позицию высказывал и отец-основатель государства Давид Бен-Гурион. Однако многие видные деятели высказались за то, что никаких территорий отдавать не следует вовсе, напротив, надо объявить послевоенные границы новыми постоянными границами Государства Израиль. Излишне говорить, что «правые» во главе с движением «Херут» немедленно поддержали эту позицию. Для последователей основателя ревизионистского движения Зеэва Жаботинского чрезвычайно важной оставалась идея «единой и

неделимой Эрец-Исраэль». В своих рассуждениях о будущих границах страны Жаботинский ссылаясь на историческую преемственность Израиля от древнего израильского государства, а значит, новое государство должно было располагаться по обоим берегам Иордана, как это было в древности.

Результаты Шестидневной войны усугубили противостояние «правых» и «левых»: «ястребов», которые выступали с наступательной позиции, и «голубей», склонных к позиции примирительной. Два лозунга: «Мир в обмен на территории» и «Мир в обмен на мир» — на долгие годы встали во главу угла израильской политики. Исходя из представлений о безопасности и приверженности «ястребиной» или «голубиной» позиции создавались коалиции, политические союзы и блоки. По иронии судьбы в конце 1970-х годов именно «правые» были вынуждены поступиться частью завоеванных территорий (Синайским полуостровом) ради заключения мирного соглашения с Египтом. Это послужило причиной нешуточных споров в «правом лагере». Возможно ли жертвовать землей, где была пролита кровь израильских солдат, даже если эта земля и не входила в «карту Жаботинского», определявшую границы «неделимой Эрец-Исраэль»? Примерно в это же время среди «левых» появляется движение «Шалом ахшав» («Мир сегодня»), основной тезис которого звучал: «Лучше мир, чем неделимая Эрец-Исраэль».

В 1980 году был принят Основной закон о статусе Иерусалима, который официально провозгласили «единой и неделимой столицей Израиля». В 1981 году израильский кнессет принял «Закон о Голанских высотах», провозгласивший суверенитет Израиля на этой территории. В секторе Газа и на Западном берегу активно строились поселения, жизнь за «зеленой чертой», так сказать, «на территориях», стала практически нормой. Поселения строились и при левых, и при правых правительствах. Реальная жизнь все приближалась к «красной черте».

Премьер-министр Израиля Эхуд Барак, Госсекретарь США Мадлен Олбрайт и глава Палестинской автономии Ясир Арафат на переговорах в загородной резиденции президента США в Кэмп-Дэвиде. 20 июля 2000 года

וְבֵאֵרָא עֵי יְדִי עֲנֹוּ

С началом мирного процесса в 1990-х годах казалось, что концепция «мир в обмен на территории» взяла верх. Израиль шаг за шагом начал отдавать власть на «территориях» в руки Палестинской администрации. Были заключены соглашения по Газе, арабским анклавам на Западном берегу. Порой мирный процесс требовал уступок, и очень непростых. Например, заключить мирный договор с палестинцами значило для Израиля отказаться от святого для евреев Хеврона, оставить могилы праотцев. Шаг за шагом правительства Рабина, Переса и даже правого премьер-министра Нетаньяху отступали к «зеленой черте».

Первым на это решился премьер-министр Эхуд Барак. Выступая в кнессете перед своей поездкой в Кэмп-Дэвид летом 2000 года, Барак произнес речь, где указал «красные границы», за которые не перейдет в процессе переговоров. Он заявил, что не согласится обсуждать возвращение к границам 1967 года, статус Иерусалима и вопрос ответственности за проблему беженцев: «Не может быть мира без цены, так же как не может быть мира любой ценой», — заявил тогда премьер-министр. На самих же переговорах он выразил готовность передать под палестинский контроль 91% территорий Западного берега, а также компенсировать еще 1% территорий передачей палестинцам незаселенной местности возле границ сектора Газа, находящейся в пределах «зеленой черты». Кроме этого, в ходе переговоров в Кэмп-Дэвиде впервые с

1967 года израильская сторона согласилась обсуждать будущее Иерусалима. Отказаться от части Святого города казалось невыносимым, но Барак пошел на этот шаг, что стоило ему многих политических очков и кресла главы правительства.

Парадоксально, но именно оппонент Э. Барака, который некогда убедил Моше Даяна захватить не часть, а весь Синайский полуостров, который долгие годы отстаивал позицию «невозврата к границам 1967 года», который всеми правдами и неправдами поддерживал поселенческое движение и наконец вырвал победу у Барака на прямых выборах главы правительства в 2001 году, — он тоже продолжил отступление к «зеленой черте». Ариэль Шарон в 2003 году заявил о своем плане «одностороннего отмежевания».

Ариэлю Шарону уже приходилось принимать участие в эвакуации поселений с Синая. После подписания мирного соглашения с Египтом Израиль не только выводил с полуострова войска, но и ликвидировал еврейские поселения Невиот, Орира, Садот, Нетив-а-Асара, Тарсаг и Ямит. На пути генерала тогда встало религиозно-политическое поселенческое движение «Гуш эмумим», которое было создано в 1974 году и активно боролось за расширение границ Израиля. Оно выступало против эвакуации в начале 1980-х годов, и в начале XXI века преемникам тех протестантов вновь нашлась работа. Сообщение о том, что Израиль планирует эвакуировать как гражданские, так и военные объекты из сектора Газа, а в будущем рассматривает вопрос вывода поселений с Западного берега, раскололо страну на два лагеря. Это уже не были прежние «ястребы» и «голуби». Все изменилось. Все смешалось. Вся страна окрасилась в «голубых», которые поддержали план Шарона, и «оранжевых», которые выступили против вывода поселений. «Оранжевая революция» захлестнула Израиль летом 2005 года. Столкновения с военными, отказы самих военнослужащих участвовать в эвакуации, массовые выступления за и против «плана отмежевания» — атмосфера была накалена до предела.

Несмотря ни на что, поселения из сектора Газа, а затем и несколько поселений с Западного берега были выведены. Вокруг Израиля активно строился «забор безопасности», который многими был окрещен «новой границей». Эта граница не соответствовала ни «зеленой черте» 1949 года, ни «красной» 1967-го. Критика лилась рекой. Недовольны были все. Одни были недовольны тем, что Израиль сдает свои позиции, ничего не получая взамен. Другие (арабские страны, например) не переставали заявлять, что переговоры о мире могут быть начаты только после того, как Израиль вернется к границам, существовавшим до Шестидневной войны, а значит, не только выведет все поселения (среди которых сегодня такие крупные города, как Ариэль, Маале-Адумим, район Писгат-Зеэв и многие другие), но и оставит Восточный Иерусалим и Голанские высоты.

Ἐφάρακται πᾶσι τοῖς ἔθνεσιν ἡ ἀνομία αὐτῶν ὡς ἡ ἀνομία αὐτοῦ Ἰσραὴλ Ἐὰν οὐκ

ἦν ἡ χάρις τοῦ Θεοῦ

Ἰ Ἀ Ἀ Ἐ Ἀ Ἰ Ἰ Ἐ Ἰ Ἰ Ὄ Ἀ

Сегодня, когда мирный процесс откровенно зашел в тупик, обе стороны вновь и вновь наступают на грабли, оставленные без внимания еще авторами «процесса Осло» в начале 1990-х годов: что делать с «территориями», Иерусалимом, беженцами и гарантиями безопасности? В свете идеи одностороннего провозглашения независимости палестинского государства, разве что самый ленивый

политик не произнес мантру: «Израиль должен вернуться к границам 4 июня 1967 года, которые признаны ООН». На этом настаивают арабские государства, недавно на это вполне недвусмысленно намекнул президент США Барак Обама. Израильское руководство отмечает, что должно учитываться реальное положение дел. Ряд населенных пунктов за «зеленой чертой» просто невозможно ликвидировать. Кроме того, никто не может дать Израилю гарантии безопасности даже в случае возвращения всех территорий.

Семья мальчика относилась к группе воинственных антисионистов, называемых «Нетурей карта». Эта небольшая группа харедим полностью отгородилась от времени верой и суевериями, убеждениями и предрассудками. По мере взросления юному Ашеру Райху открывались несоответствия между заповедями Торы, выполнение которых провозглашалось смыслом жизни окружающих его людей, и реальным их поведением и моралью. Он наблюдал террор «черных стражей», врывавшихся в дома, оскорблявших тех, кто почему-то впал в немилость, крушивших их имущество и распускавших о них лживые слухи. Райха стали одолевать сомнения. Мздоимство, сплетни и злая молва, зависть и вражда — все эти обычные в замкнутом человеческом сообществе явления заронили в незрелую душу мальчика ядовитые сомнения, разрешить которые было просто некому: отец Ашера умер, когда ему едва исполнилось двенадцать, а мать отказывалась его слушать. В результате на пороге восемнадцатилетия он состриг свои не знавшие ножи пейсы и, будучи проклят матерью, ушел из дому, чтобы через несколько недель явиться на призывной пункт Армии обороны Израиля. Так начался второй этап в жизни Ашера Райха.

Впечатления первых лет стали материалом его рассказов, каждый из которых помещает в фокус одного из обитателей Батей-Унгарин. Самая жизнь этих людей выглядит в наших глазах не вполне реальной, а в прозе она прямо вырывается за грань здравого смысла. Так, с могильщиком Ионой из рассказа «Кормилица Иона» произошла совсем уж невероятная история. Его жена умерла, разродившись двумя мальчиками-близнецами, и с Ионой случилось чудо, подобное описанному в Талмуде. Писатель вынес талмудический текст в эпиграф: «История об одном человеке, у которого умерла жена и оставила ему грудного младенца-сына, а у него не было средств нанять кормилицу, и случилось с ним чудо — у него появились груди, подобные двум женским грудям, и он вскормил ими своего отпрыска» (Шабат, 53б)[8].

Брацлавского хасида Иону немедленно объявляют чудотворцем, видные раввины толкуют его преобразование, опираясь на Талмуд и труды еврейских мудрецов прошлого. А Иона и впрямь начинает проявлять не свойственную ему прежде зрелость суждений и доброжелательность. И весь год, пока его сыновья нуждаются в грудном вскармливании, он служит центром хасидского мира в Иерусалиме. А потом чудо кончается, и закат могильщика печален.

Еще более трагичен и поэтичен рассказ «Человек с дверью». Его герой Шуа, подросток, а потом юноша с замедленным развитием, не преуспев в ешиве, начал помогать отцу в столярной мастерской и пристрастился к работе по дереву. Рассказ начинается неторопливо:

Á i áeáíúéé ñóéúóíé i áñóáñéé Éíñóá Éááííá, ðá éíóðá íáñ-éóúáé i ííáé ííééáéúé íéíóíééí, áéñéá íá ñóáíá íáíá áááú, é áúéá ííá éáé éáðóéíá. Áááðé áíéáá éçúñéáííúá é éñéóúí úá óéðáóáéé ñéíááñé áíðíá, íí éðáóá óíé áááðé íá áúéí áí áñí Éáðñáééí á, é Éíñóá Éááííá áíðáééñý áð éáé áðááñóáííúí íáðáç-ééíí ñáí áéííá i áñóáñóáá.

Áááú éçáíóíáéé íáéíáá áñ áá. Áá çáéçáéé áéú ñáóáñééé ñéíááñé á Ñóáðñí áðíáá íí ñéó-áð áéçéóá óðááéíá ñéóáíá, ííáééáóáá ííñóéóúí Ñáúóíé áñá. Ýóá áááú-óáíí óáééá á ííáéáðá óíáá éáé ñéíááñé, ííáñáéáíáú áðááñééí é ííáñí úééáí é á ááááóáóúá ééé óðéááóúá áñú, ñáðéá áí óéá. Ñáí úý Éááííáíó ííééíóéá Ñóáðñé áðíá é ííñéééáñí íá çáíááíé íéðáéíá Éáðñáééí á, á áááú ááááéá éáé íñóáðíé ñáúóúé. Íí éóí é éáé ñí áñ áá, íá çíáé íééóí, ááéá Éíñóá Éááííá[9].

Внезапно отец умирает, мать-вдова продает мастерскую, а вместе с нею и семейную реликвию. Исчезновение двери 15-летний Шуа воспринимает трагически и отправляется ее искать, а найдя, не может с нею расстаться. Он спит на ней по ночам, а днями носит на спине. Постепенно он превращается в иерусалимского сумасшедшего: сердобольные горожане подают ему милостыню, а иные смеются. Но Шуа верит в магическую силу двери, он видит мистические сны, прозревает иные миры. И вот уже дверь — а может быть, он? — исцеляет горбатого, лечит бесплодие, помогает в болезнях. Люди начинают просить у него помощи, и он по мере возможности идет им навстречу. Но как-то вечером (а дело было в Лаг ба-омер, когда повсюду в Израиле дети жгут костры, собирая по дворам все, что может гореть) дверь снова исчезает. Шуа в отчаянии мечется от костра к костру, а тем временем излеченный им горбун уже нашел дверь и спешит принести ее хозяину. Но Шуа не видел и не слышал друга:

Как взбешенный бык он неся по полю к костру и, заслышав призывный крик двери, прыгнул в огонь. Ее хрипая речь из гортани шипящих головней надрывала ему душу. Языки пламени охватили его, а он раскинул в стороны обожженные руки и, собрав остатки сил, обнял края обугленной двери, истошно вопя, пока не умер[10].

Романтический накал сюжета и страстей, бытовые подробности как знаки сокрытых связей и сил, выход за пределы реального и сопереживание автора своим героям представляются наиболее замечательными чертами сборника «Человек с дверью».

Примечателен двойящийся образ рассказчика, голос которого виртуозно соскальзывает с речи всезнающего литературного повествователя в речь наивного и доверчивого ребенка, наблюдающего за взрослыми — мамой и отцом, бездетной тетушкой Юдит и соседями и соседками во главе с недоброй сплетницей их двора Хаяле Райниц. Эти персонажи из детства автора возникают и в рассказах, и в более раннем романе. Писатель свивает два голоса так искусно, что порой с опозданием отмечаешь: ой, где-то раньше опять произошел очередной переход.

О власти детских впечатлений над его творческим воображением Ашер Райх говорит и на страницах романа «Воспоминания больного амнезией»:

А οάεεά ιείσοδύ, ηεάγ σα ιεηη άίιυί ηόιεηί ά ίαοηίεάηίε άάδεείηεε έεάδδεδά ςηηάιόάεηη άη άοδεδάαοηγ ά οάείεεε ηάηε άοεε έ άηςάάαο ίοοδύά, ηεηάη ηεδεο, άηηάγςηά ίάδαςί άάοηοάά γοεί άηηόεάαηηεά έ άηηεηςαηηεά ςά άάηεηύι έ ίεηάι έ άη άδάι άίηηά αεεεηά ηηάηεε ογρεάεηά ίαεάεά, έ ηάι υε άηςάοο ίάηεοάεηγ άηηύι οοί άηη ία-ηύο οδύά, οηδ-άηεο ίάά άηηεεί έ ηόαδεηύι έ ςάηεγί έ. Αη ό ηηεαςεηηηί ίά ιεά -οη ίάάη έ ςάι έγ ηηοεεηηί έ άηεηοά ίεεηάά ίά δαςηέαοοηγ, έάε άηε άη ηηοάάεεηηί οάεεί έ η ίάδάηο άηάε Οάηδάηεγ. Ίδεάηά ηηάά, ςηηάιόάεηηί ηύοηάαο ηάοο ηδεηηηάγυάά — γηάηεη, ςαοηηεάοηη αεοάεάε δαςηάεάηηηά ίά άάη -άηδε άδηάά, εηοηδύε άηδ-άηδ ηηεηαοηγ ά ίάη. Αηε δαςηοάηεγ ηόάηύ ίάηηεεεε οεεοη ηύοηάηεάη ηδαςηέεά Δαςηηόάηοηάγ εεεηι εηάοεγ ίςαδεεά οάηδάεηηύά ηδηηάεοδύ, ηεδύηάη έάη ηη-άε οάεεε ηόηεάη έ άάδάηγ, ίάηηι εηάγ οάδάηηοάη δηεάηηδάηηεεο άεηε, έ άηη άηη ά εαςεεηηί ά γοηη ςαδάηά ηεηηεηάη ίάηηι ηύο ηόαοε, άηδάη εγηηεο άςηδύ έ ίάηηι ό ηηεά άηά ίαγηηηι ό, άάηοηάη ό Ααδη άηεε. Αάηο-ε οδηεάηοάη Έαδηάεεη ά, ηη άηηηι ηεε ηάηε άάηηηδάάη υε άδηά, -ηά άηηηάεηάηεά άάάαοαοδύ οδε άάά ίαςά ηάηεεε ηεςάηηοηύι άηηάο-άεάηεάη [11].

Автобиографический герой постоянно сопоставляет Германию и Израиль, ведь в исторический день 9 ноября 1989 года, когда пала Берлинская стена, Шая Зонненфельд находился в Берлине. Ему показалось, что теперь тысячи восточных немцев хлынут на территорию демократической Германии, и последствия этого нашествия не могут не быть для страны болезненными. Однако роман писался позже, был начат в 1990-м в Берлине и завершен в Тель-Авиве в 1991-м, т. е. тогда, когда в Израиль прибывали массы советских евреев. И потому Зонненфельд — читай Ашер Райх — мысленно проводит параллель между двумя этими явлениями. Писатель благоразумно удержался от разработки сложной и новой в ту пору темы «русские в Израиле». Тем не менее и совсем уж пройти мимо нее он не смог. Так в романе появился эпизодический персонаж — «русская женщина», иначе говоря, женщина из бывшего СССР:

Ναάηγ ηη-υη όι άδεά δηηεάγ αάη υεηά, γ ηηςάάηε άά εη γ, εηοηδάγ ίάάαηη ηδηεάεά ά ίάοάε ίαεάοά ηηηεηηεο ά ίοάεάηεε ίά οάαοάη ίάηδ. Ίά άηεά άαςηάάεηηί άηεηά, η ηοεάη δαςηοεάηη, άαογη ηόάεά -οεηε, έ ηηε ίά ηηδδάεεεηηί ίάάηηεοδύι άοδύ ηη-οε άηη άδάη γ ηηά εαεάεά έ ηεάεάεά Α οάεηη ηηάοά ίά άηηηι ό ίάά άεεςεηά -άεηηάεά Αάεηηδάηηύε, εοη δαςηάαδεάηε ηηάε ηη-δηηεε, άηε Οοδδοάδ (άηά ηάεη ογρεάεηε άηεηηε ά ηεάοά — ς. Έ). Ίη άηηηεε, -οη ηηά ηηδάεεά η οεά δάε άδάηά η οε-εηύ, εηοηδύε άδηηεε άά, εηάά οηάε, -οη ηηά ηάδάη-ηεοά. Έάε-οη Αεηηγηι εηά ηδεηάηεά ηηάηε «Αηηό Έαδηάηεο». Ίδε άεάη εηεε ηεαςη αάη υεηύ άηηοηοεε. «ηγγ γοη εηεάη? Έοη άη ίάηεηε?» — ηηδηεεά ηηά Ίη ηδάεά ηάεηάεογ ηηεηηδάεά ηδδάηεοδύ ηη-οεάηηι έ άε εάδεδηεεηι έ άοεάηι έ ε άάδάηάηάηοηοεά, ηεηάηι ίά ίάά ηηεςηοεηι ηδςάηεά «Έάά Οηεηηοηε! Αηηά Έαδηάηεά!» Αηάδάηά άά εεοη ίςαδεεά οεηάεά «Αηηά Έαδηάηεά!» — ηηάοηδύεά ηηά ηεηηηι, εηοηδηά ηύ ηδάεάά ηε δαςη ίά ηεηοάεε. Ν ηηη ηηηη Οοδδοάά ηηά ηεαςεά ίάη, -οη γοη άά εηάεη άγ εηεά, άηά η ηηηηδε. Ίηά -εοάεά άά άηεηοά άάάαοαοε δας ε ηηη ηεο ίάεςηηοηύ οάεηά άεάάη. Ίά ά Έςδάεεά ηηάηη ίάάάηι έ άηά ίά όι άηδ -εοαοδύ ίά εάδεδά έ άηη αά ηηά ηηηδηεεά ηάηεαεοδύ άε εηεάη, άαοδύ ηηάάεαοδύ άά ά δεεάδ. Ίηεάεοεηηά! ηη-υη ηηά ηεάεά ά οάη ηηε ηεάοά έ ηηδεδηηηεο άηδύάεά ες εηεε ηδδάηεοο ςά ηδδάηεοάε, αεάάεά εη, αεάάεά ε ηεηοάεά, ε άηδάεάηεά άά εεοά ηδε γοηηι άηηηη ηάη ίά ηη-άηδεεάηά Ίηά ηδηηηδεδά οάεοη ηεάάη Οάε έ όι άδεά ηη «Αηηεε Έαδάηεηε» ά αεάεςηηι αεάοάεά Αόάηη αά εεάηηεηάηι ίά άά ηάη γοηη [12]

органа Союза израильских писателей на иврите, ежемесячника «Мознаим» («Весы»), где поэзии, в том числе переводной, как и литературной критике поэтических произведений, уделяется значительное место.

Закончить рассказ о прозе поэта Ашера Райха хочу строками из его стихотворения «Книга»:

Étāā y' íāāāí íāāāāē íā íāāā ēāāōēōā íāōāēīy'

íāāēāāí í íé ííāāūōūē ōāí āō:

ííāāōíē íā āāō í ēōāā, āāēíāōāāí íāy' āāūū

ēíōíōāy' y' āyē, āāāā ēç āíí ā āāōāōāā

ōíí óāē ííōíē ēāō...

...íōíōíēē

ēíāāēē ēç ōíē ēíēā, ÷ōíāū íōíōí÷ēōūíō íāí ííāāēīōā

Ōāōē íāāēāēē ā ēçāí āíēā

Áíāēū ēāāōāēē íāāōōíí ā íāāāí ūā íāūāōū

ēíēāōū ēííōēā ēííōē Á-āā

Покинутый писателем боговдохновенный мир еврейской традиции не только постоянно воскресает в словесной плоти его стихов и прозы. Кажется, именно он и позволяет ему творить.

[1]. А. Райх. *Зихронот холе шихеха (Воспоминания больного амнезией)*. Тель-Авив: Сифрият Маарив, 1993. С. 221.

[2]. См.: Зоя Копельман. *Загадка четырех вопросов // Лехаим. 2011. № 2; Она же. Книжный шкаф Хаима Беэра // Лехаим. 2011. № 6.*

[3]. С. Штейнград-Аксенова. *Словом создавая вселенную... // Диалог. Российско-израильский еврейский литературный альманах. 2005/2006. № 7–8.*

[4]. А. Райх. *Воспоминания больного амнезией*. С. 51–52. (Здесь и далее перевод мой.)

[5]. А. Райх. *Иш им делет (Человек с дверью)*. Рассказы. Тель-Авив: А-Кибуц а-меухад, 2004. С. 70.

[6]. Там же. С. 97.

[7]. А. Райх. *Аль а-биопэтика шели: а-ялдут ке-галут (О моей биопэтике: детство как изгнание)*. Лекция, прочитанная в Еврейском университете // Р. Картун-Блюм. *Меайн нахальти эт шири... (Откуда у меня мои стихи... Прозаики и поэты рассказывают об источниках своего вдохновения)*. Тель-Авив: Иедиот Ахронот, 2002. С. 169–170.

[8]. А. Райх. *Человек с дверью*. С. 97.

[9]. Там же. С. 68.

[10]. Там же. С. 96.

[11]. А. Райх. *Воспоминания больного амнезией*. С. 149–150.

[12]. Там же. С. 47.

[13]. А. Райх. О моей биопэтике... С. 272–273.

[14]. А-Нешика мибеад а-митпахат (Поцелуй через платок: сравнение поэтических переводов). Тель-Авив: Ам Овед, 2000.

НЕМЕЦКИЙ РАВВИН В ОДЕССЕ

עִי יִּוֵּעֵהוּ אִי עֲדוֹאָּ ׀ עֵי יִי אֲדוּאָּ-׀ אֲאֲאֲאֲאֲאֲ (1859-1861)

אַעֲרִי אֲדַ עֵי עֵי

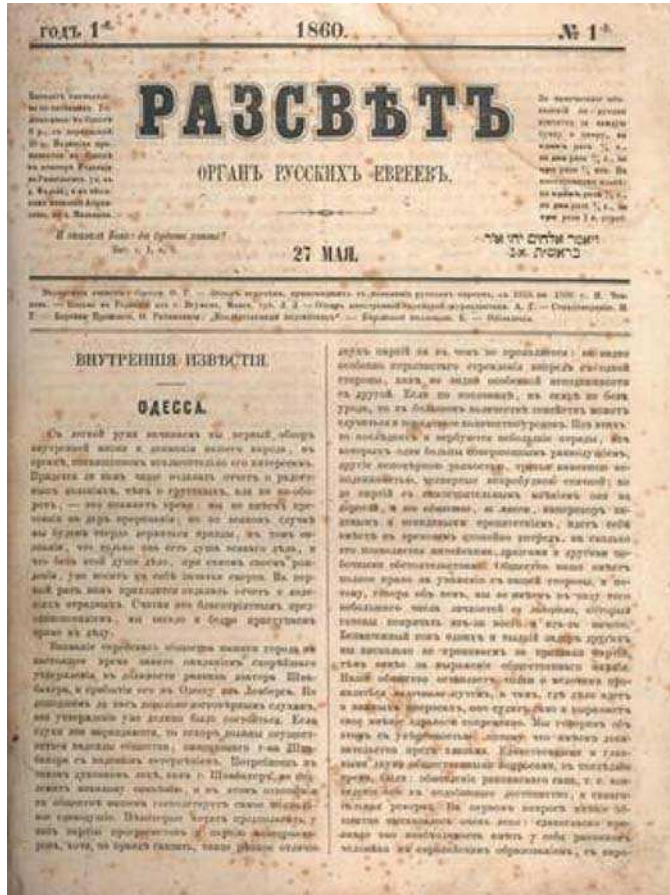
В середине XIX столетия еще не сформировались такие понятия, как «ортодоксальный» или «реформистский» иудаизм. Тем не менее противостояние между приверженцами старого и нового существовало не только на родине реформистского иудаизма в германских землях, но и к востоку от них, в Российской империи, где еврейское Просвещение — Хаскала — делало лишь первые шаги. Во многих еврейских общинах в разных регионах империи на протяжении десятилетий продолжалась не только борьба между митнагедами и хасидами. История с утверждением раввина Бродской синагоги и казенного раввина Одессы — одно из первых свидетельств ожесточенного конфликта между — как они именовались в ту пору — «традиционалистами» и «прогрессистами» — ортодоксальными течениями в целом, с одной стороны, и реформистами — с другой. Это противостояние не было простым повторением событий, происходивших несколькими десятилетиями ранее в иудейских общинах Германии. Оно также свидетельствовало и о начале дистанцирования российских маскилов от их немецких единомышленников.

Портрет Шимона-Арье Швабахера из книги М. Райхесберга «Пней-Арье. Биография доктора Швабахера». Одесса. 1889 год

В Одессе еврейская галицийская элита, определявшая политику общины и имевшая явно маскильскую ориентацию, пригласила на должность раввина влиятельной Бродской синагоги Шимона-Арье Швабахера (1820–1888). Ему предстояло занять и должность одесского казенного раввина. Ш.-А. Швабахер был выходцем из Германии. Неизвестно, где и когда он получил раввинское образование. Однако позднее Швабахер подвергся испытаниям и его компетентность была подтверждена несколькими ведущими немецкими раввинами. В 1842 году Швабахер закончил Тюбингенский университет и получил ученую степень доктора философии. В дальнейшем он работал проповедником в Праге, помощником раввина в Гамбурге, раввином и проповедником в Шверине и других городах. В 1857 году переехал в Лемберг (Львов). Зимой 1859 года, на праздник Хануки, Швабахер приехал в Одессу, и еврейские нотабли

çááíèè íááííèíá ãðíáíèíá ðáááèíá, íáçíá-èèá áí ó èç ñóí í íááííèíá èíðíáí-ííá ñáíðá ÷ðáçáí-áèíí íáííèóáíííá æáèíááííá, èáèíáíá ó íáæèò ðèíèðèáí ááæá Áððèáðð íá ííèáááðííí (èí áííí 3600 ðáæáè ñáááðíí á áíá, èðííá óííá áíá áððáèò íáèíáíá íá Ááðááá, áçèíááí úò ñ æéáíò è í áððáíò, ñíðááèýðíèèò á áíá áí 6000 ðáá ñáááðíí, á áííá 10 000 ñáááðíí). È áðíðíá Ðááááðáð ñáíèè è íðíííááííè è ñáááðííí è ðííáè æéá íííáèò èç þíúò ááðáá íòááðèèòúò íò áíáðíííáííðíúò íðááíðááííííðáè, íò ñáèþááíèý ðáèèæè è íò èíííèíáíèý Áíííááðííááííúò çáèííá <...> ááááý èí íííýòú ÷òí áèááíáý íáíáðííáèí ííðíí ÷áèíáæá áíðúò óíèíèíí óí, ÷òíáíú áíðúò íáðáçíááííúò è áíèííúí. È ðáèèí íáðáçíí Ðááááðáð ñáíèííáè ñáèðò íáðáçíááííúò ááðáá è íáíáæáèò ñáíèèò ááèííááðáá èíòíðíá, áááá-è íáíáðáçíááííúò, çáðò óíèíèíí: Á-á Áíííááðíí ðáèèæý è áíííááðííááííúá çáèííú, íáçíááý èò ðáíáðèèá è.

***Ðèò èíííúí èèèò íáðáíáí áííí óíèá æóðí áèá «Ðáíííáð»,
27 í áý 1860 áíáá***

Автор доноса просил обратить высочайшее внимание царя на данную «секту», ибо другой ее глава, бывший редактор «Рассвета» О. Рабинович, поддерживает постоянную связь с «редактором Искандером», т. е. создателем Вольной русской типографии в Лондоне А. И. Герценом, издававшим «Голоса из России» и «Колокол». Доноситель, таким образом, попытался сыграть на самом чувствительном для властей в ту пору политическом моменте: лондонская критика действий царского правительства крайне болезненно воспринималась в Петербурге. Донос касался еще одной болевой точки русского правительства — разгромившего польского восстания.

Представляя одесского раввина ни больше ни меньше как бунтовщиком и революционером, анонимный автор замечал:

Швабахер проповедями и действиями своими направляет юных людей не только из евреев, но даже из наших христиан к одной только вольности и революционным действиям по примеру Варшавы [\[4\]](#).

Менее трех недель спустя начальник Третьего отделения князь Долгоруков обратил на это письмо внимание новороссийского и бессарабского генерал-губернатора графа А. Г. Строганова. В секретном отношении Строганову глава тайной полиции представил нового раввина нарушителем основ

Несмотря на донос, р. Швабахер остался на своем месте. Он провел некоторые изменения в обрядовой практике — и не только в элитарной Бродской синагоге, но и в Главной синагоге, которую посещала бо́льшая часть общины. Свадебные церемонии стали проводиться в помещении, а не на синагогальном дворе, как это было принято раньше. Кроме того, Швабахер ввел обряд конфирмации, в том числе и для девочек, а также начал читать проповеди на немецком языке.

Вместе с тем нельзя представлять споры вокруг фигуры Швабахера лишь как конфликт между прогрессистами и традиционалистами-консерваторами или, говоря в современных терминах, как конфликт реформистов и ортодоксов. Среди критиков Швабахера оказались и сторонники российской Хаскалы. Они не принимали нового раввина, указывая на незнание им не только русского языка, но даже идиша. Швабахер также оказался не в состоянии, как отмечал анонимный автор статьи в «Одесском вестнике» (судя по редакционной справке, это был один из лидеров общины), в полной мере надзирать над еврейскими учебными заведениями города — ни над талмуд торой, ни над еврейской школой, ибо ему также не хватало достаточного знания Талмуда. «Никто, — заключал автор статьи, — не оспаривает необходимость иметь раввина с западным образованием. Но разве это должно мешать еврейской учености?»[9]. Церемония конфирмации, как отмечали критики Швабахера, в их числе и сторонники российского еврейского Просвещения, чужда иудаизму и попросту воспроизводит христианский обряд.

*נְסִיחַת רַבּ אֲבִירָמֶה שְׁוַבַּאחֶר
אֲדֹבֶרֶטְוֵרֵד ׀. עִירִיאַ. 1863 אָא*

עֵדוּתֵנוֹעֵי.

1910 אָא

Тем не менее именно Бродская синагога сделалась первой в России реформистской общиной. Главным кантором Бродской синагоги еще в 1841 году стал Нисан Блюменталь (1805–1903). Он первым в России ввел хоральное пение, а впоследствии создал смешанный хор, в котором пели как мужчины, так и женщины. Община приобрела орган, чтобы играть на нем по субботам и праздникам. Игра на органе предшествовала трублению в шофар на исходе Йом Кипура. Вначале играть на органе пригласили христианина, но вскоре его заменил еврей. Часть молитв стала произноситься по-русски, были внесены изменения и в текст молитвенников.

Общественная деятельность Швабахера, направленная на расширение благотворительности в одесской еврейской общине, встречала сочувствие и поддержку, но обрядовая реформа и особенно немецкий язык проповедей привели к отчуждению значительной части общины, новое поколение которой было воспитано на русской культуре. Швабахер занимал пост городского раввина около 28 лет, и в 1888 году был заменен Хаимом-Ионой Гурляндом (1843–1890), выходцем из Белоруссии, выпускником Виленского раввинского училища и Санкт-Петербургского университета.

Случай Швабахера свидетельствует о непростой ситуации с религиозной реформой, когда ориентация на немецкую модель еврейского Просвещения вызывала критику не только противников реформистского иудаизма, но и приверженцев российской модели реформизма. Вскоре в империи появилось несколько реформистских общин, руководимых уже российскими раввинами.

[1]. *Государственный архив РФ (далее: ГАРФ). Ф. 109. Отд. 1860. Экс. 1. Д. 118. Л. 1–2.*

[2]. *Рассвет. 1860. 27 мая. С. 1.*

[3]. *Там же. 1860. 3 июня. С. 19–20.*

[4]. *ГАРФ. Ф. 109. Отд. 1. Экспедиция. Д. 118. Л. 8–9.*

[5]. *Там же. Л. 10 об.*

[6]. *Там же. Л. 11–11 об.*

[7]. *Там же. Л. 13–13 об.*

[8]. *Ципперштейн С. Евреи Одессы. История культуры. 1794–1881. М.; Иерусалим, 1995.*

С. 97.

[9]. *Одесский вестник. 1863. 16 марта.*

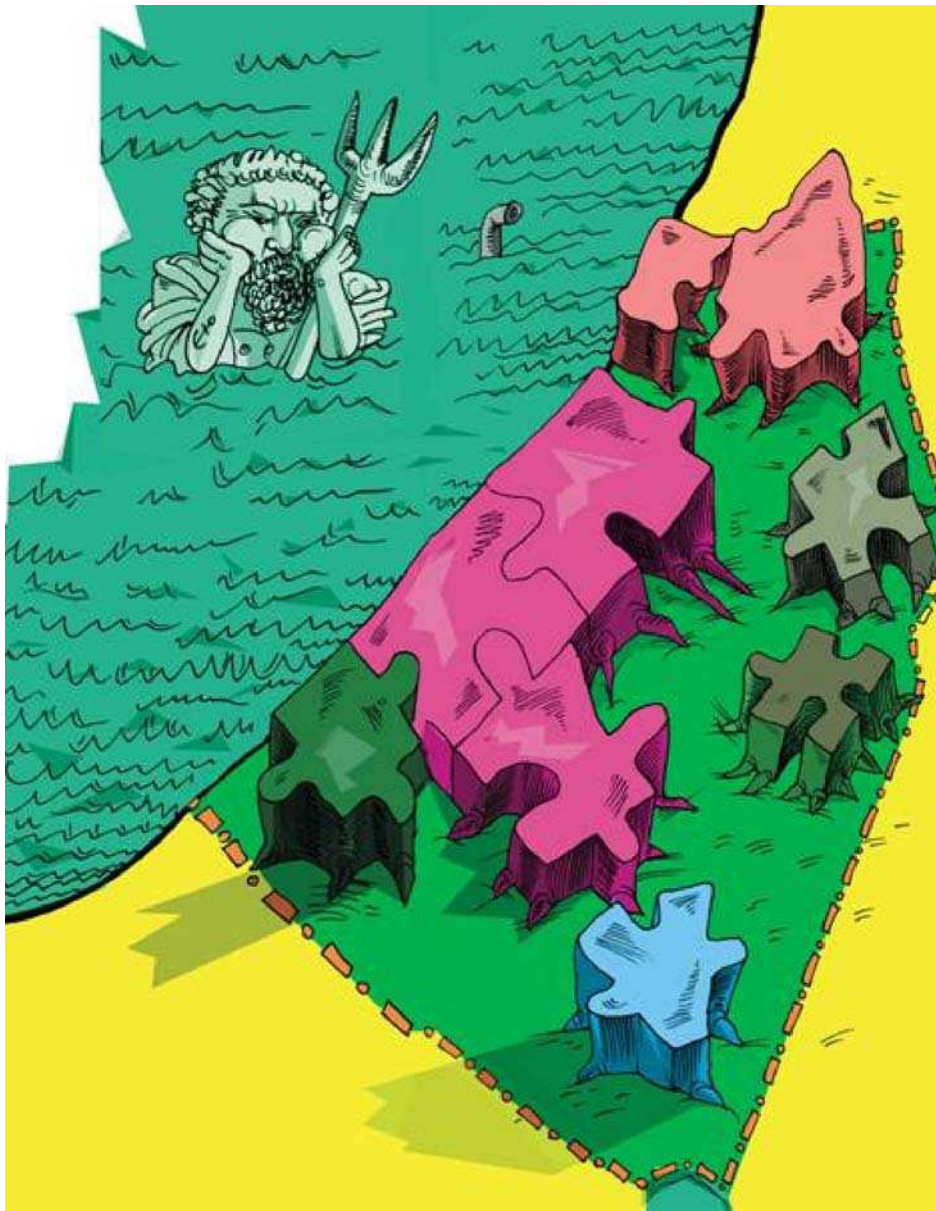
ПРАВЫЕ НАЧИНАЮТ И ВЫИГРЫВАЮТ?

Аִיטוֹ אִיטוֹ יְעֻזֵּי יְעֻזֵּי

В июле кнессет принял так называемый «Закон о бойкотах», внесенный депутатом от «Ликуда», председателем парламентской коалиции Зеэвом Элькиным. Через несколько дней в кнессете обсуждалось предложение Дани Данона («Ликуд») о создании парламентской комиссии по расследованию массовой скупки арабскими фондами земли в Иерусалиме и других районах Израиля, а также предложение генерального секретаря партии «Наш дом — Израиль» Фаины Кишненбаум о создании аналогичной комиссии, которая расследовала бы источники финансирования общественных организаций. Правда, оба эти предложения были кнессетом отвергнуты.

Правые, комментируя эти инициативы, говорят о давно назревшей необходимости разобраться с теми, кто — зачастую небескорыстно — занимается открыто антигосударственной деятельностью, тогда как левые называют все происходящее попыткой удушения оппозиции. При этом оппоненты среди прочего припомнили Элькину и Кишненбаум их происхождение — откуда, мол, несчастным выходцам из бывшего СССР понимать, что такое подлинная демократия.

В надежде разобраться мы попросили прокомментировать ситуацию Зеэва Элькина, Фаину Кишненбаум и депутата от оппозиционной партии «Кадима» Нино Абесадзе.

САУА УЕУЕЕІ: І АІ ЕЕІ ОАО Е ААА ОА

І ЕОАЕЕ І АЕЕІА В чем суть «закона о бойкотах»?

САУА УЕУЕЕІ Закон дает две возможности. Первая: если какую-то компанию или организацию бойкотируют только за то, что она израильская либо расположена на «территориях», то пострадавшая сторона может обратиться в суд и потребовать компенсации нанесенного ущерба. Вторая: если компания или организация (здесь, в отличие от первого пункта, речь не идет о частных лицах) принимает участие в бойкоте Израиля или какой-то его части, то Израиль вправе отказать ей в налоговых льготах или государственном финансировании, закрыть доступ к госзаказам.

І І То есть если израильский театр по идеологическим соображениям отказывается принять участие в фестивале, проходящем в Иудее или Самарии, то: а) организаторы фестиваля могут подать к нему иск и б) он лишается права на государственные дотации?

У Участие в бойкоте не приводит к иску, иск может быть подан к организатору или инициатору бойкота. А вот права на дотации театр действительно может лишиться — если он дотируется

государством, то не должен отказываться от выступлений перед 10% граждан Израиля, живущими за «зеленой чертой».

ММ А если это, скажем, шведский театр, у него могут быть в дальнейшем проблемы с гастролями в Израиле, с получением виз?

С Нет, никаких. Разве что с получением государственного финансирования на эти гастроли.

И Велика ли вероятность, что Верховный суд Израиля отменит закон?

С По существующей традиции БАГАЦ[1] действительно наделен правом отменять принятые кнессетом законы, хотя нигде в законодательстве это не предусмотрено. Это происходит в случае, если новый закон противоречит основным законам страны. В данном случае я такого противоречия не вижу, поэтому надеюсь, что никакой отмены не произойдет. Но обращение в суд подано, кнессету и правительству предоставлено два месяца на подготовку своей аргументации. Вообще процедура рассмотрения подобных дел достаточно длинная. Была просьба приостановить действие закона на период слушаний, но суд пока эту просьбу не удовлетворил.

И Закон на первых порах разрабатывался совместно с «кадимовцами», в частности с Далией Ицик. Почему они отказали ему в поддержке на последующих этапах?

С Леворадикальные организации, которые занимаются организацией бойкотов, через прессу очень активно давили на «Кадиму» и угрожали, что она будет лишена поддержки левого электората. В итоге глава партии Ципи Ливни из электоральных соображений надавила на своих однопартийцев. Парадокс здесь в том, что первоначальные варианты закона, поддерживавшиеся «Кадимой», намного более радикальны, чем итоговая версия. Об этом говорил, в частности, юридический советник кнессета, другие комментаторы.

И Сходный закон, насколько я знаю, существует в США?

С Абсолютно верно. В США в 1970-х годах был введен закон, защищающий дружественные Америке государства от бойкотов. Понятно, что речь шла в первую очередь об Израиле, бойкот которого тогда пытались организовать арабские страны. Согласно этому закону, глава американской компании, участвующей в бойкоте Израиля, может быть оштрафован на несколько миллионов долларов и даже заключен в тюрьму на срок от четырех до шести лет. То есть американский закон несравнимо более жесткий.

Ὁ ΔΕΙΛὸν Ἐὐδοκίᾳ Ἄοι :

Ἴ Ἰ Ἀδελῶν Ἄι Ὀνήεο Ἐἴ Ἰ Ἐννέβο Ἐ Νάι Ἀοῖ Δά Ἰ Ἀέεᾶδὸε

И Вы предлагали создать парламентскую комиссию по расследованию источников финансирования израильских общественных организаций. Какими полномочиями, по вашему мнению, должна быть наделена такая комиссия? Допустим, в ходе расследования выясняется, что очередная «Шоврим Штика» или «Махсом Уотч» (названия, разумеется, условны) существует на голландские или скандинавские деньги. И что дальше?

Ὁ ΔΕΙΛὸν Ἐὐδοκίᾳ Ἄοι Парламентские комиссии по расследованию — легитимный инструмент законодательной власти. За время существования кнессета их было более 20. В прошлую каденцию, когда у власти было правительство Ольмерта, например, была создана комиссия по расследованию деятельности организации «Кляймс Конференс», занимающейся вопросами репараций, связанных с Катастрофой европейского еврейства. Цель таких комиссий — вскрывать факты. А уж самими фактами должны заниматься соответствующие ведомства, стоящие на страже закона и порядка в государстве.

ІІ Насколько я помню, в феврале был принят инициированный Зеэвом Элькиным закон, обязывающий общественные организации декларировать источники дохода. Что нового может добавить к этому парламентское расследование?

ОЕ Мне кажется, что этот законопроект до сих пор не прошел. Но и без него общественные организации обязаны декларировать источники своих доходов. Однако есть подозрение, что указываемые источники являются лишь передаточными звеньями. Задача расследования – выявить правду, особенно в том, что касается возможного вмешательства иностранных правительств во внутренние дела нашей страны, финансирования ими организаций, ведущих борьбу с Государством Израиль.

ІІ Я почитал комментарии парламентариев и журналистов: «антигосударственная деятельность», «подрывные элементы» — лексика, не слишком характерная для демократических обществ. Не смущает ли вас неизбежная ассоциация с комиссией сенатора Маккарти или, скажем, с путинским негодованием по поводу «шакалящих у посольств»?

ОЕ Речь ведь идет не просто о проверке источников финансирования, но и о возможных попытках иностранных правительств или, хуже того, террористических организаций влиять на политические процессы в стране. Не думаю, что какое-либо демократическое государство может позволить подобное. Во всяком случае, мы обязаны знать об этом. Ну а что касается сенатора Маккарти, то в парламенте США постоянно заседают различные комиссии, расследующие деятельность тех или иных организаций.

ІІ Вы говорите о необходимости борьбы с действиями, направленными на «делегитимацию Израиля», «делегитимацию ЦАХАЛа». Но где грань между делегитимацией и обоснованной критикой?

ОЕ Грань нам подсказывает сама жизнь. Критика ошибок, их анализ и исправление есть абсолютно легитимный процесс. А вот сбор и передача заведомо ложной информации с целью подачи международных исков против солдат и офицеров ЦАХАЛа, призывы к отказу от службы в армии, дезориентация международных комиссий, вроде комиссии судьи Голдстоуна, мне легитимными не кажутся. И мы имеем право знать, на какие средства ведется подобная деятельность.

ІІ Вы готовили законопроект об отмене налоговых льгот для общественных организаций, получающих дотации от иностранных государств. Какова его судьба, когда он предполагается к рассмотрению?

ОЕ Законопроект находится в парламенте, я надеюсь на его продвижение в зимнюю сессию.

ММ Сколько я знаю, этот закон предусматривает обложение иностранных пожертвований по ставке 45%. Не кажется ли вам это дискриминацией организаций, получающих дотации из-за рубежа? Не порождает ли это в обществе психологию «осажденной крепости»: «весь мир против нас»?

ОЕ Законопроект говорит только о суммах, полученных от иностранных правительств, и только о тех организациях, которые не получают дотации от Государства Израиль. Тысячи организаций получают пожертвования из-за рубежа, и с этим не возникает никаких проблем.

ІІ Почему все-таки премьер-министр голосовал против создания вашей комиссии – ведь еще зимой и он, и большинство «ликудовцев», и даже некоторые члены «Кадимы» были «за»? Что изменилось за эти полгода?

ОЕ Я не готова обсуждать шаги премьер-министра. Могу лишь выразить сожаление, что его позиция не была последовательной.

ІІ Насколько вероятен раскол коалиции, если «Ликуд» и впредь не будет поддерживать инициативы НДИ?

ОЕ Я надеюсь, что сегодняшнее правительство, являющееся одним из самых стабильных и эффективных в истории Израиля, сможет проработать положенный ему срок. И я верю, что наши отношения не дойдут до тех красных линий, после пересечения которых возможен уже только один путь — к избирательным урнам.

ἸἼ Ἰ ἈἈΝἈἈᾶᾶᾶᾶ: ἸἼ×ἈἼ Ὁ Β Ἰ ΔἹ ὉἸἸ?

ἸἼ Нино, недавно в кнессете обсуждались «закон о бойкотах» и предложение о создании парламентской комиссии, которая занималась бы расследованием источников финансирования общественных организаций. Вы и в том и в другом случае голосовали против — почему?

ἸἼ Ἰ ἈἈΝἈἈᾶᾶᾶᾶ У Израиля достаточное количество внешних проблем для того, чтобы не заниматься поисками «внутренних врагов». Честное слово, это выглядит, я бы сказала, несолидно. Мы не должны принимать законы, наделяющие парламент полномочиями расследовать деятельность тех или иных граждан или организаций. Есть предел тому, что может позволить себе демократическая страна, даже находящаяся в таких непростых условиях, как Израиль. Парламент — это не место, где нужно что-то расследовать или тем более искать новых «врагов народа». Если кто-то кого-то финансирует незаконно, то в свободной стране есть правоохранительные органы и судебная система, которые должны заниматься подобными случаями.

ΜΜ Не кажется ли вам, что для правозащитных и пацифистских организаций, подвергающихся резкой критике справа, такая комиссия была бы выгодным шансом продемонстрировать свою открытость, прозрачность?

ΝΑ Думаю, что, коль скоро мы говорим о демократической стране, подобные предложения невыгодны никому, и прежде всего обществу в целом. На самом деле это просто политическая акция, призванная показать, что у правящей коалиции достаточно сил, чтобы делать что угодно против оппозиционных партий и оппозиционно настроенных граждан. Это, конечно, замечательно, коалиция у нас большая и устойчивая, к моему великому сожалению, но это не означает, что ситуацию надо доводить до таких крайностей. Кстати, если бы аналогичный закон, не приведи Г-сподь, выдвинули левые, пожелавшие расследовать деятельность правых, я точно так же была бы против, потому что этим в нормальной стране должен заниматься не парламент.

ἸἼ Несколько месяцев назад, когда «закон о бойкотах» только начинал свое парламентское продвижение, его называли в прессе «инициативой Элькина-Ицик». То есть депутат от «Кадимы» Далия Ицик стояла у его истоков. Почему «Кадима» перестала поддерживать этот законопроект?

ἸἈ Да, председатель нашей фракции в свое время поддержала этот закон. Но он тогда выглядел совсем иначе. На первом этапе это был проект, направленный против бойкота зарубежными фирмами той продукции, которая производится в Иудее и Самарии. В таком варианте его поддержали бы, наверное, большинство граждан Израиля, а не только депутаты от «Кадимы». Но когда он трансформировался в закон, который может быть направлен против различных пацифистских, правозащитных организаций и частных лиц в Израиле или за рубежом, Далия Ицик, конечно, не могла позволить себе поддерживать его и дальше.

ἸἼ А каким образом этот закон может быть направлен против правозащитников?

ἸἈ В законе совершенно четко прописано, что под него подпадают осознанные действия, которые могут нанести ущерб любой части Государства Израиль. Я цитирую по памяти, но, поверьте, очень близко к тексту. Предположим, израильтянин, находясь в супермаркете, скажет вслух, что он не хочет покупать сметану или вино той или иной фирмы. Согласно новому закону, это может быть расценено как призыв к бойкоту компании, работающей на территориях. То есть первоначальный вариант закона и тот вид, в каком он был принят, — это две очень-очень большие разницы.

[1]. *Верховный суд Израиля и Высший суд справедливости.*

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2011 ЭЛУЛ 5771 – 9(233)

ИСТОРИЯ ПРО ФЛАГ И ГОРОД

Аעאגיא אד עעס-אייבע

Это случилось в те времена, когда будущее еще представлялось в образе прекрасной юной особы, выходящей навстречу из нестерпимо яркой туманной дали. Это было в те времена, когда толпы шатались по городу, опьяненные временем, а люди недавно исполнившегося совершеннолетия не могли отличить смену эпохи от собственного взросления и личный возраст подменялся возрастом новой страны.

Что вспоминается из тех времен, кроме спичечных коробков по рублю, пачки «Мальборо» по полсотни, табачных бунтов, талонов и посеребренных полиэтиленовых пакетов с сублимированным картофельным пюре из стратегических запасов НАТО? Сюда можно еще что-то добавить, но немного: спирт «Рояль», рекламу «МММ», челночников и палаточников, книжные развалы на Новом Арбате, стайки девиц в подворотнях на Тверской... Фарцовщики, торгующие польскими и китайскими джинсами у израильского консульства, очереди на Международном почтамте, где люди, охваченные предотъездным безумием, отправляли на ПМЖ свои библиотеки. Вся страна превратилась в один такой аэропорт — воронку в пространстве, сквозь которую доносился аромат освобождения. Я помню ежедневные свои походы за паспортом и визой на Старую площадь, в помпезное здание с коридорами, обшитыми дубовыми панелями, где в прокуренном кабинете сидел на выдаче надменный чиновник, время от времени оравший на посетителей. Помню, как мы ездили на велосипедах из общежития в Долгопрудном в Шереметьево-2 — ужинать в рабочей столовой аэропорта и как потом сидели там же за преферансом перед огромным панорамным окном, в котором в темноте выползали на рулежку помигивающие бортовыми огнями самолеты. Там, за окном, над взлетно-посадочной полосой нас ждало будущее... Помню свои походы в Областной ОВИР и свою оторопь, когда чиновница разрезала ножницами мой советский паспорт. Помню, как возвращался после этого к метро и видел огромную очередь перед офисом «МММ»...

Но самым ярким впечатлением того времени стал концерт «Pink Floyd». И произошло это в существенной мере благодаря израильскому флагу. Точнее, значку с изображением израильского флага, который я носил в ту пору. Концерт проходил в «Олимпийском», мы купили билеты, но, уже идя от метро к спорткомплексу, все еще не верили в то, что нам предстояло увидеть. Событие было настолько грандиозным, что поверить в него было так же невозможно, как и невозможно было его пропустить. И только взойдя по ступеням в вестибюль и услышав вступление к «Shine On You Crazy Diamond», мы сомневаться перестали. В секунду у меня и моих друзей выросли крылья и мы спикировали в партер. На входе охранник потребовал билет, но я — необъяснимо — сунул ему под нос лацкан с сине-белой эмалью значка израильского флага. Ответом было: «Проходи!» — и дальше мы летели по ступеням, перемахнули

через последнюю ограду и оказались в пяти метрах от Дэвида Гилмора. До сих пор не верится, что я был на том концерте. Мы вышли после него оглушенные, и глухота славно отделила нас от реальности: тучный отпечаток на наших барабанных перепонках был свидетельством истинности происшедшего.

Дальше приключения значка продолжились. В сквере у Пушкинской площади я остановился перед сборищем каких-то чернотенных людей в черных рубашках и с какими-то самодельными хоругвями. Вскоре митингующие заметили этот значок и отвели меня в сторону. После краткой рукопашной я был отбит милиционером и изловчился подобрать сорванное знамя. В результате вскоре я попал в замечательный переплет из разряда тех историй, смысл которых не поддается словесному выражению — притом что значителен и прозрачен.

Был в нашей компании пришлый человек И. Учился он не в МФТИ, но в МИИГАиКе, однако родом был из славного городка физиков Протвино и тусовался со своими одноклассниками, поступившими в Физтех, то есть у нас в общежитии. Не знавшие подробностей принимали его за «своего, но с другого факультета». Это был славный парень, незлобный, крепкий, русоволосый и прямодушный. Я помню о нем немного, но хорошее, помню, что познакомился с ним в разгар его разрыва с одной примечательной особой. Знакомство наше и стало дружеским потому, что И. в ту пору особенно нуждался в собеседнике. Впрочем, неважно, в каких обстоятельствах знакомство наше состоялось, для нашей истории важно, чем оно закончилось.

Было лето 1991 года. Я сдал уже все экзамены и предвкушал большое путешествие, которое должно было начаться с зарубежной аспирантуры. Предотъездное настроение, особенно в свете выполненных обязательств, всегда превосходно, но тогда его подпортила случайная встреча с И.

Все поездки студентов МФТИ в Москву и обратно начинались и заканчивались на Савеловском вокзале, и студенты часто сталкивались друг с другом в электричках или на перроне. Столкнулись тогда и мы с И. Человек я доверчивый, и то, с каким озабоченным лицом И. взялся за мой рукав, меня взволновало.

«Как дела?» — говорю. «У меня беда, — сделал трагическое лицо, отвечает И. — Меня выгоняют из МИИГАиКа». — «Да ты что?» — «Вот так. Но ты можешь меня спасти». — «Каким образом?» — «Сейчас поедem ко мне в общагу, и ты решишь для меня пять заданий по теоретической механике за весь семестр, 68 задач. Идет?» — «Постой, почему я должен их решать?» — «Потому что иначе я погиб. Ты же не хочешь моей смерти? Я обеспечу тебя комнатой у нас в общаге, и у меня есть банка кофе». И. скинул с плеча рюкзак и достал банку растворимого «Реле» (помните такой кислый тошнотворный кофе из страны, где много диких обезьян?). «А может, поедem в Долгопу, и там я посмотрю на твои задачи?» — «Нет. В-первых, задачник у меня в общаге. А во-вторых... Я боюсь, что в Долгопе ты от меня сбежишь», — И. крепко взял меня за локоть.

Мы вышли на «Чистых прудах», прошли мимо «Современника» и двинулись переулками в сторону Курского вокзала. Общежитие МИИГАиКа оказалось двадцатипятиэтажной башней. Мы поднялись в лифте на последний этаж и вышли в задымленный коридор, где я обнаружил человек пять или шесть восточных мужиков в рубашках навыпуск, значительно меня старше. Они сидели на корточках вдоль стены и передавали по цепочке папиросу, которая густо пахла жженым чаем.

Оказалось, на этаже живут одни арабы, а И. делит комнату с палестинцем Махмудом — пухлым парнем, гордо выпятившим живот, демонстрируя крайнее недовольство нашим появлением. «Махмуд, — шепнул И., — платит мне 60 рублей в месяц, чтоб я не жил в нашей комнате. Но сейчас деваться некуда, мы его прогнем».

Пока И. объяснял Махмуду про свое ЧП, тот не отрываясь смотрел на мое плечо, где красовался значок. В ту пору я не был политически подкован и не представлял себе эмоций, какие мог вызвать вид израильского флага у молодого палестинского араба... Вдруг И. устал упражняться в доходчивости своей речи, обращенной к ни бельмеса не понимающему по-русски Махмуду, замахал на него руками и, пользуясь тем, что все сознание араба было парализовано кусочком сине-белой эмали на моей груди, вытолкнул его за дверь.

Дальше начался ад, в котором я уцелел только благодаря теоретической механике. Обкуренные арабы ломались в комнату. И. вел с ними переговоры и баррикадировался. Он успевал подогреть мне чайник и опорожнять пепельницу. Я был погружен в задачи и краем уха прислушивался к тому, что происходило в коридоре. Штурм арабов не смог сломить И., пригрозившего отправиться завтра к замдекана. Арабы стали совещаться, иногда выкрикивая проклятия. И. достал из рюкзака бутылку лимонной водки,

подмигнул и выставил ее за дверь с видом, будто подложил гранату. Наступила тишина, и темп решения задач удвоился. Часа в три ночи друзья Махмуда стали выяснять отношения между собой. Кончилось все битьем стекол, воплями, всхлипами и появлением наряда милиции.

В оставшийся перед рассветом тихий час я добил банку «Реле», вторую пачку «БТ» и последний десяток задач по динамике. Я встал из-за стола, подошел к двери, отодвинул шкаф и оглянулся. И. спал на подоконнике, накрыв лицо журналом «Огонек». Я хотел выйти к лифтам, но, увидав кровь на полу и вымазанную ею же стену, шарахнулся не в ту сторону, отчего открыл дверь и ступил на балкон. Здесь я застыл. То, что мне открылось с высоты 20-го этажа, есть мое личное резюме прошедшей эпохи и эпитафия к эпохе, тогда наступавшей. Высота в 50–60 метров — та высота, по достижении которой при взлете самолета окружающее пространство вдруг откидывается на диск окоема и застывает топографическим кристаллом. Мне всегда нравился этот момент в наборе высоты, и представьте: утренний сумрак, Садовое кольцо, лоскуты и скаты крыш, пучок железнодорожных путей у Курского вокзала, поливальная машина ползет с выпущенными усами водяных струй. И над всем этим встает огромное солнце, потоки лучей от которого вдруг проливаются по стеклам и мягко трогают зарозовевшие стены зданий. И тут... И тут вдруг где-то совсем рядом врубается магнитофон, и мощный, тоскливо-яростный вопль муэдзина кроет, раздирает, поглощает время... Представшая тогда предо мной Москва вдруг просквозила какой-то долей своей подлинности, какой-то своей особенной, сокровенной тайной. С тех пор я очень много знаю об этом городе, и знание это не из легких.

А ДЕЛО БЫЛО ТАК ... ИНТЕРВЬЮ С МЕИРОМ ШАЛЕВОМ

Рои Хен

Ааеї аїеї оае: І аед Оаеаа дїаеенї а іаеї аа н Аїнїаадїо аї Ердееу Іаїаеї, а іоее-еа іо Ердееу, еїоїоїе есї аїао пее оїдїїеенї, Оаеаа аїоае іа іеїаоаеїпеее іооу іої пееоаеїпї іїсїїї: аа «Дїпїеее дїї аї» аїе іїоаеееїааї а 1988 ааау Нааїаїу ії іаеї есї іаї уо аїподоаїааїїуо е іадаїаеї уо іеїаоаеае а Ердееа І аед Оаеаа — еїоаеаеаеооае пoadїа ердееуїеїа іадаїаа, аїдїпеее пїаае едаїоїїї, аїааааеае е даїаїїуе а аїр, -еоааеаее оаїао е оеодедорїуее іа еадеоа ідїеїааїаїеу дїпїео іеїаоаеае. А пїаео есїаїїуо іаїааеуо, пї пї оїаїїїе оеїаеїе, ії іаїао а пїаа -аїо еоо оїаї садїаеаарїаїїї Аїнїаадїо аа Ердееу, еїоїоїа даїїаеїпї і іїаеаїо ао іїуеїа е подоааеї іо пї іоеоїу еаїїеїае пїаааеоїїї пї аїаї іааоа аааїа І аед Оаеаа дїаеенї а І аоаеаеа — іїпїаеїе, аааоаї Ердеер есїаїоїїуо еїї аїаеодїа е сїаї аїеодїо іеїаоаеае. А іоїї іїеїоа пїоаеаеїпее-аїеїе еаїїеїае «еодеоа, еїоїоїаї іа іаїао іео, — іої еодеоа, еїоїоїаї іа пoadїаоїїї». Аїеїо аї оаеїпїор е іаї іадаї аїїї аїїадааеааї ор еадоеїо оїаї і еда, оао ерїаїе, еае аї ісїдїї іїаї еаеаарїуеод іаї есїїдїеїаї, Оаеаа е дееїао аїаїаї іїаїї дїї аїа «Ааеї аїеї оае».

Рои Хен: В издании романа «Дело было так» на иврите и в переводах на другие языки есть подлинные фотографии вашей семьи. Это еще больше стирает грань между действительностью и литературой. Насколько книга отражает вашу собственную жизнь?

І аед Оаеаа: Это не автобиография, а рассказ о моей бабушке, потому-то и я там присутствую. Но это также и часть книги о моей семье, которую я, возможно, когда-нибудь еще напишу, хотя и не уверен в этом. Если говорить о ее соответствии подлинным фактам, книга состоит из воспоминаний двух людей — моей матери, включающих события, произошедшие до моего рождения, и моих воспоминаний о бабушке и жизни с ней или возле нее. Я ручаюсь не за то, что так и было, а за то, что именно так я запомнил эти события. Например, я действительно пришел домой с американской девушкой, как описано в книге, и бабушка отправила нас принять душ в коровнике во дворе, чтобы мы не испачкали ванну. Повествование вообще сфокусировано на одной особенности моей бабушки, а именно на ее мании чистоты. И таких историй в книге немало.

Д: В романах «Голубь и мальчик», «Фантанелла» вы также с симпатией описываете истории, связанные с «душем на улице».

Іо: Да, это моя тоска по воспоминаниям детства. Моя дочь даже специально для меня построила душ во дворе, и я с наслаждением там моюсь. Как вы понимаете, соседи тоже получают удовольствие.

Д: Важна ли вообще правдивость в литературе?

Іо: Не то чтобы очень. Я оставлял оригинальные названия мест, показывая, что рассказ имеет отношение к действительности. В нашей деревне считают, что я еще сжалился над бабушкой. Смешно, но многие соседи в Нахалале говорили мне потом: «И в нашей семье есть чудесные истории!» Мне ничего не оставалось, как отвечать им: «Ну так опишите их!»

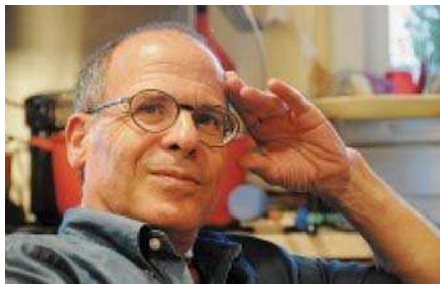
ВН: А что бы бабушка Тоня сказала обо всем этом?

ІО: Прочтя книгу в первый раз, она бы наверняка меня убила, но потом бы успокоилась. Вокруг бабушки ходило много споров в деревне. Она не была хорошей матерью приемным детям, поэтому им не хотелось снова ворошить прошлое. Мой дядя Яир, прочитавший рукопись, заявил, что близок к самоубийству. Но я помню бабушку не только с неприглядной стороны, были и забавные случаи. Правда, родственники мне возражали: «Ты проводил с ней каникулы, а мы жили целый год». Я был терпелив к ее рассказам и причудам. Мы были как корова и теленок: она рассказывала мне истории, а я питался ими. Это повлияло на мое писательство. Уверен, что русский читатель оценит мою связь с бабушкой. (Слово «бабушка» Шалев произнес по-русски. — Р. Х.)

ВН: Мне кажется, многие фразы из романа, особенно те, которые произносит бабушка Тоня, имеют русское происхождение, как и само название книги, которое по-русски звучит гораздо естественнее, чем на иврите. Или, например, то, как бабушка Тоня употребляет слово «смерть» — в женском роде (*lā eadēōā pēlāṯ «mī adōū» i oēfēlāṯ dīāā — В. Ū*). Вмешиваетесь ли вы в процесс перевода книги?

ІО: Только если сами переводчики меня о чем-то спрашивают. В этот раз Рафи и Аелет Нудельман практически не задавали мне вопросов. Они исключительно профессиональные переводчики, случается, даже ловят меня на ошибках, жаль только, уже после того, как книга издана на иврите. Вместе с моим переводчиком на голландский язык они мои лучшие эксперты.

ВН: У вас особая связь с Танахом. Мне даже кажется, он является для вас неисчерпаемым источником вдохновения и познания. Вы написали две отличные книги о Танахе: «Танах сейчас» и «Начало» (*ā dāpēlī i adāṯāā eīeā ālōēē i lā faqāṯeyī ē «Leśeēy māṯāy» ē «Aī adāṯā ā Leśeēē»*. — *ВН*). Расскажите немного об этом.

ІО: После того как я начал писать романы, я заметил, что читаю Танах по-другому. Я разделяю тех людей, кто его писал, на гениев и на тех, кто получал за текст большие деньги. С детства я чувствую неразрывную связь с языком Танаха и очарован самой мыслью, что сегодняшний ивритский читатель может читать текст, написанный три тысячи лет назад, и понимать большую его часть. Но есть и кое-что в самой технике танахического изложения, что меня завораживает. Я терпеть не могу избыток психологии, а Танах представляет собой минималистский текст, состоящий из событий и диалогов. Читатель должен дофантазировать, что происходит в душах героев. Не то чтобы я сам был минималистом, но, в отличие от других писателей, я не люблю описания метаний человеческой души.

ВН: Возможно, именно по этой причине вы больше любите Гоголя, чем Достоевского?

ІО: Да, и еще из-за его потрясающего чувства юмора.

ВН: Кто первый читает ваши книги?

ІО: Мои дочь, жена и сестра.

ВН: Каков распорядок вашего рабочего дня?

ІО: Просыпаюсь в 4.30 утра без будильника и работаю до 12 дня: дома или в редакции газеты «Последние известия» («Йедиот ахаронот») в Иерусалиме. У меня два дома: в Иерусалиме и в Изреэльской долине. После обеда я иду подремать и ближе к вечеру еще два-три часа работаю, в основном редактирую уже написанное, а не пишу новое. Романы я печатаю на компьютере, а детские книги пишу от руки, поскольку ставлю огласовки. Один день в неделю я работаю над колонкой в газете.

ВН: Как же в вас сочетаются пронизательный журналист и практически аполитичный писатель?

ІО: Я не люблю ни политические, ни поучительные книги. Я не хочу быть инструментом для достижения каких-либо политических целей. В книгах для меня важна их художественная ценность. В детских книгах я также не стремлюсь поучать. В детстве я ненавидел басни Крылова, Эзопа и Лафонтена. Гораздо больше мне нравилась «Красная Шапочка», в которой есть захватывающий сюжет. Кстати, однажды я читал лекцию об этой сказке. Задумывался ли кто-то, куда подевались мужчины, где отец Красной Шапочки? И зачем ее мать, зная, что в лесу водится волк, отправила ее к бабушке только ради того, чтобы передать ей несколько пирожков? Набоков утверждает, что Гоголь сжег вторую часть «Мертвых душ» от страха, что текст получился дидактичным. Хотя я полагаю, что это Иерусалим свел его с ума, — и говорю это, хорошо зная этот город.

ВН: Что «русского» осталось в вашей семье?

ІО: В основном — любовь к холодцу и мир ярко выраженных эмоций. Мои родители родились уже в Израиле. Когда я приехал в Москву, мне не раз говорили, что я «русский писатель». Это был для меня очень приятный комплимент, хотя не знаю, правильно ли я понял, что именно имелось в виду.

Àäääèì èð Áóááèèíáñéé
Ì Í ÛÒ — Ì Ó Ø È Ì , ì à ò à ì à ò è è — Ì Á Ð Ä Ë Û Ì Á Ì

ÀÈÁÁÈÌ ÈÐÁÓÁÁÈÈÌÁÑÈÈÈ,
ÌÁÓ×ÌÛÈÈØÌÁÈÈÑÒ,ÌÍÛÒ

Áóááèèè Ì àì ááá Пуанкаре был универсалистом, как утверждают — последним. Получается, гипотезу, созданную универсалистом, смог доказать только подобный ему?

Àäääèì èð Áóááèèíáñéé Пуанкаре был действительно универсальным гением, но все-таки не последним. Андрей Колмогоров тоже обладал универсальными познаниями от логики до гидродинамики, от теории динамических систем до стиховедения. Перельман безусловно универсален. Это хорошо сформулировал математик Анатолий Вершик. Он заметил, что «по-настоящему трудные и ключевые проблемы никогда не решаются только средствами той науки, в терминах которой они сформулированы». Так было и в случае проблемы Пуанкаре — будучи топологической, она упрямо не давалась при попытке решить ее чисто топологическими методами. Пришлось сделать шаг в сторону и посмотреть на проблему из другой области.

ÁÌ Существует ли некая предопределенность научного открытия: в это время, в этой стране, этим человеком, родившимся не позже и не раньше?

ÁÁ Математические открытия, как и браки, совершаются на небесах. Я думаю, родился Перельман на 10 лет раньше или позже, в России или в Америке — если бы это был именно он — все было бы в порядке. Он бы свое сделал. Другое дело, что его путь мог быть совершенно другим, представления о внешнем (за пределами математики) мире могли быть другими, и он был бы более защищен и, может быть, более счастлив, не профессионально, а по-человечески. Когда-то, на заре перестройки, Михаил Шемякин поразил меня фразой, которой так охарактеризовал родной «совок»: «Мы выросли в кефире». Я даже возмутился. Как же так? В проклятом, тоталитарном, застойном и так далее, мы же задохнулись без глотка свободы, а он — «в кефире». А ведь так и было. Советский человек был в массе своей защищен от самого трудного — от свободы выбора. И Перельман в этом же кефире вырос. А потом столкнулся с жесткой и не всегда честной конкуренцией. И где! В чистейшей из наук! И обиделся. Если бы он вырос в Америке, он бы реагировал куда спокойнее. Может быть, и Филдсовскую медаль бы принял, и от премии Клэя не отказался. Как ни странно, это те степени свободы, которые Перельману оказались не нужны и даже опасны.

ÁÌ У нас заговорили о Перельмане как о гении как раз после того, как он отказался от славы и миллиона долларов. Так кто же гений: чудак, взорвавший российское общество патологической честностью, или математик, совершивший мировое открытие?

ÁÁ От славы-то как раз Перельман не отказался. Он отказался принимать внешние знаки славы. Это другое. Если бы он поставил перед собой задачу стать максимально известным, то лучшей стратегии поведения он просто не смог бы придумать. Именно отказ принимать почести и премии сделал его самым знаменитым математиком в мире и вообще одним из самых знаменитых наших современников. Есть такой тест: назовите первую ассоциацию со словом. Фрукт — яблоко. Поэт — Пушкин. Математик — сегодня и надолго — это Перельман. Слава Эндрю Уайлса, доказавшего куда более знаменитую проблему, великую теорему Ферма, с известностью Перельмана просто несравнима. Да и Пуанкаре известен сегодня широкой публике только в связи с Перельманом. То, что публика заговорила о Перельмане только тогда, когда запахло миллионом долларов, — это естественно и нормально. Почти никто не знает, что он там доказал, и зачем это нужно было доказывать, и даже что такое «доказательство». А про миллион — тут все понятно. Отказался — значит, идиот. Но ведь ему же этот миллион дают, потому что он самый умный. Что-то не вяжется. Ситуация парадоксальная. И это еще больше раздражает и будит любопытство. Григорий Перельман — это математический гений, такие рождаются лишь несколько раз за столетие.

ÁÌ «Совершенную строгость» Маши Гессен вы читали и на английском, и в переводе. Есть разница? Ваше отношение к теме антисемитизма, которой оказалась «прошита» книга?

ВГ Разница есть, хотя и неприципиальная. В английском тексте ошибок меньше, хотя тоже хватает, — когда речь заходит о математике, Гессен очевидно «плывет». Но переводчик «плывет» еще сильнее,

и к тем неточностям, которые есть в английском тексте, щедро добавляет свои: часто он просто не понимает, о чем идет речь. И тогда возникают откровенные ляпы. Вот чисто переводческий ляп. Название известной статьи Сильвии Назар и Дэвида Грубера, посвященной Григорию Перельману и опубликованной в «Нью-Йоркере», — «Manifold destiny». На русский название переведено как «Многоликая судьба». Это никуда не годится. Manifold — в том числе и математический термин, который переводится как «многообразия». Этими «многообразиями» и занимается топология, и о них идет речь в проблеме Пуанкаре. Ясно, что название статьи построено на игре слов. И эту игру очень просто перевести на русский: «Многообразие судьбы». Зачем понадобилась эта «многоликость»? Подозреваю, что переводчик просто не знал, что manifold — математический термин. Но я не понимаю, почему его не поправил автор. А вот то, что касается антисемитизма, о котором пишет Гессен, у меня не вызвало никаких возражений. Да, так и было. Евреев не брали на мехмат, матмех, физтех. В разные времена список таких вузов был различным. Причем это часто не было «политикой партии», это была такая «инициатива на местах». Самая большая подлость заключалась в том, что делалось это втихую, и многие евреи, особенно из провинции, просто не верили, что такое возможно в самой справедливой в мире советской стране. Если описанный у Гессен академический антисемитизм на кого-то произвел отрицательное впечатление — ну что же делать, очень плохо, что мы не знаем и не хотим знать нашу же совсем близкую историю. Я учился на мехмате в конце 1970-х — начале 1980-х и видел все это безобразие своими глазами.

Ἀλέξανδρος Ἰλιτσεβσκι

Ὁ ΧΑΙΤΕΡΙΑ ΝΑΑΕΑΑὸ ἸΑὸ ἈΝὸΑἰ ἰ ὉΑΔΑ...

Александр Иличевский, писатель

Ἀἰ В конце фильма «Иноходец. Урок Перельмана» Михаил Громов, защищавший младшего коллегу на протяжении всего фильма, вдруг меняет тон: «На него была потрачена огромная энергия... люди учили его... А он?... Его поведение неэтично». Будто обращаясь напрямую к самому Перельману, стараюсь вытянуть его из тьмы одиночества...

Александр Иличевский Сложилось впечатление, что российская математическая школа делала ставку на Перельмана, сознавая, что только ему по плечу задача Пуанкаре. Это был определенный вклад выдающихся математиков в одну конкретную личность. И разумно было бы предположить, что вклад этот должен быть возвращен. Однако сказать, что Перельман может сознательно допустить хоть толику неэтичности в своем поведении, невозможно. Иначе бы он не сделал того, что сделал, то есть не был бы человеком, с именем которого сейчас ассоциируется современная математика. Громов, скорее всего, применяет к Перельману педагогический прием, пытается предостеречь его от замыкания в себе. Тем более что Громову, наверное, известно больше, чем остальным.

AM В твоём романе «Математик» в конце истории герой возвращается к матери. Для Перельмана его «а идише маме», видимо, тоже поважнее гипотезы Пуанкаре. Это совпадение?

AI Меня в романе интересовала прежде всего драма личного начала versus научно-творческое начало. В моем герое слишком много математики, не оставляющей места человеческому. И на фоне развернутой метафоры вершины — научного или физического достижения — мне был интересен путь человека, состоящего не просто из науки, а науки, совершенно недоступной социуму. Недоступная наука еще более подчеркивает оторванность и непостижимость личности, которая ею занимается. Исключительность зачастую оборачивается трагедией. Личность должна быть понята, есть у нее такая страсть — время от времени устанавливать наличие отношения подобия между ней и другими. Для моего героя мать становится последней опорой в мире, потому что она есть его начало и он сильно задолжал и ей, и своей совести. По сути, возвращение к несчастной матери и составляет его подлинную вершину. Математическая вершина оказалась хоть и настоящей, но не главной. Мне кажется, очень хорошо, что рядом с Перельманом есть мама. Она может оказаться проводником к новой жизни.

АМ В «Совершенной строгости» Гессен для понимания личности Перельмана предлагает воспользоваться теорией британского психолога Саймона Бэрон-Козна. Так что, одаренность — это диагноз?

АИ Прежде всего нужно понимать, что понятие нормы в психологии имеет смысл только для того, чтобы нащупать границу, за которой требуется клиническое вмешательство. Честно говоря, все те прекрасные, сильные ученые, с которыми мне доводилось общаться, были на зависть нормальными людьми, без каких-либо трудностей с социализацией. Они пили спирт с грейпфрутовым соком, ходили в байдарочные походы, выступали на семинарах и играли в футбол и теннис. То есть никак не обнаруживали замкнутость и отстраненность от мира. В определенном смысле ученому просто необходимо ощущать твердую связь с обыденностью — ходить по грибы и на концерты классической музыки. Без этого успешная работа невозможна.

АМ И все же сложности в установлении коммуникаций между обществом и наукой существуют. Несмотря на то что научные достижения с помощью технических новинок внедрились в язык повседневности.

АИ История с Перельманом ставит вопрос о том, что необходимо пересмотреть язык взаимодействия социума с научным сообществом. Современная наука вплотную подошла к пределу способностей человеческого мозга, и когнитивная пропасть между миром ученого и социумом мало когда была столь широка. Шаг навстречу ученым должно сделать общество. Ученый не может сделать общество умнее, облегчить ему понимание себя самого. Общество не должно укорять ученого в том, что он ему, обществу, непонятен. Напротив, гора сама должна сделать все возможное, чтобы приблизиться к герою, определившему суть своей жизни в служении цивилизации.

Ааааа Еаеааа

Е ААИ ЕЕУОИ І О І ААДААО!..

ДАВИД КАЗДАН,

МАТЕМАТИК, ПРОФЕССОР ЕВРЕЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА, ЧЛЕН ИЗРАИЛЬСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК, НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУКИ (США) и АКАДЕМИИ ИСКУССТВ И НАУК (США)

АИ Может, конформизм в целом характерен для математиков и именно поэтому Перельман явился исключением?

Ааааа Еаеааа Нет, не характерен. Но в то же время Григорий Перельман — исключение.

АИ Григорий Перельман отказался от премии, сказав, что ему не понравилось решение совета. Что могло Перельману не понравиться? Он хотел, чтобы награду присудили и ему, и Гамильтону?

АЕ Насколько я знаю, это так. Григорий Перельман придерживается мнения, что неправильно давать премии за научные достижения. Но в то же время он счел, что если такая награда будет присуждаться, то Гамильтон также должен был ее получить.

АИ Американские ученые говорят, что это открытие оказалось по силам российскому ученому потому, что Перельман — яркий представитель советской математической школы. Колмогоровская школа с ее негласным уставом, сознательным аскетизмом, отношением к искусству, обращенностью к античности способствует рождению гения?

ДК Никогда не слышал об аскетизме колмогоровской школы. В любом случае Григорий Перельман не является ее продуктом.

АИ Открытие Перельмана может повлиять на современную физику, на дальнейшее развитие представлений о Вселенной? Можно ли сравнивать вклад Перельмана с вкладом Эйнштейна?

АЕ Нет. Нет, не думаю.

Ἰ εὐαῖ Ἰ δειῖαῖ

Ἰ ἈΟἶ ἈΟἶἔἔἔ ἘἈἔ Ἐῖῖ ἈἔἈΒ ἈΟἶἈΟἶἔἔἔἔἔ

Ἰ ΕὐἈἈ Ἰ ΔΕἸ ἈἈ

Ἰ ἈΟ×Ἰ Ὑἔ ἘΟΔἸ Ἀἔἔἔἔἔ, οἶἔ-δειῖἔἔἔἔἔ ὈἈἔἈἔἔἔἔἔ Ἰ Ἰ ἔ Ἰ ΔἸ ἈΔἈἸ Ἰ Ὑ «ὈἈἶ Ἰ Ἰ ἈΔἔ» ἔἔ-Ἰ Ὑἔ ἔἔἔἔἔἔἔἔ, οἶἔ-δειῖἔἔἔἔἔ ὈἈἔἈἔἔἔἔἔ Ἰ Ἰ ἔ Ἰ ΔἸ ἈΔἈἸ Ἰ Ὑ «ὈἈἶ Ἰ Ἰ ἈΔἔ»

ἸἸ Чтобы о человеке заговорили как о гении, должно пройти как минимум пятьдесят лет после его смерти, а то, как показывает история, и все сто. Сегодня никто не сомневается в гении Перельмана. Справедливо ли опираться на мнение узких специалистов, которые тоже ведь «играют в свою игру»?

Ἰ εὐαῖ Ἰ δειῖαῖ Не только «драматического писателя надо судить по законам, им самим над собою признанным», как считал Пушкин, но и всех остальных тоже. Область, в которой работает Перельман, крайне сложная, и, например, мне как журналисту интересно мнение только тех людей, которые способны оценить масштаб сделанного Перельманом. И кто, кроме специалистов, может это сделать? Никто.

ἸἸ Ландау говорил, что родился на пять лет позже, чем надо, — все главное в физике уже сделано. После доказательства Перельмана сегодняшнее поколение математиков тоже может так сказать?

ἸἸ Замечу, что Ландау сказал лишь о себе, а не о поколении физиков. Видимо, каждый ученый с возрастом осознает предел своих возможностей. И вероятно, на тот момент, когда Ландау свой предел осознал, его утверждение было справедливо. Но лишь по отношению к нему самому. Как бы «зелен виноград». Однако Ландау умер в 1968 году. С тех пор сделано много замечательных открытий в космологии, астрофизике, физике низких температур, физике высоких энергий... И теперь очевидно: если Ландау не видел задач, которые были бы ему по зубам, это не значит, что задачи кончились. Что касается доказательства Перельмана, то оно (сошлось на суммарное мнение его коллег) открывает такие перспективы, что в математике скорее стоит ожидать множества новых задач, которые предстоит решить будущим поколениям. Да и вообще, математика с физикой — это не шахматы, где есть абсолютный чемпион мира, известный всем. Это скорее легкая атлетика. И если один прыгун осознал, что в этом году он взять планку уже не сможет, то это не значит, что метатель копья в то же самое время откажется от своих амбициозных целей. Гипотезой Пуанкаре математика не ограничивается и тем более не заканчивается.

ἸἸ Позиция «отказника» Перельмана — большая редкость в научных кругах? Иначе откуда такая «шумиха»?

ἸἸ По моим представлениям, характер и поведение Перельмана близки и понятны многим ученым, особенно тем, кто сформировался в СССР или России. Есть профессиональные сообщества, в большей степени склонные к конформизму. Журналисты, например. А если бы конформизм в математике был нормой, то либо бескомпромиссный Перельман не «дожил» бы до доказательства (он был бы «съеден» административной научной системой), либо Перельман не возмущался бы конформизмом так остро. А поскольку личный опыт Перельмана был совсем иным, судьба чаще сталкивала его с теми, кто математику любит больше, чем деньги, славу и другие бонусы, видимо, он и правда почувствовал в поведении коллег нечто неприродное математическому сообществу.

ἸἸ Присуждая Перельману премию, Джон Болл так определил его научные заслуги: «за вклад в геометрию», «за принципиально новый взгляд». И ни слова о Пуанкаре. «Это было признание, походившее на попытку замолчать авторство», — высказались после некоторые математики.

ἸἸ Думаю, Филдсовский комитет все-таки заботится о своей репутации. И формулировка была придумана не для того, чтобы кого-то обидеть, а чтобы отразить реальность заслуги лауреата. Часто эти заслуги больше, чем доказательство конкретной задачи. Скажем, старшему коллеге Перельмана Михаилу Громову была вручена премия Абеля с формулировкой: «За революционный вклад в геометрию». В случае с Перельманом, видимо, тоже было понятно, что он сделал больше, чем доказал одну из задач тысячелетия. В подтверждение вспоминаю фрагмент моей беседы с Жаном-Мишелем Бисмутом о вкладе Перельмана: «Поражает то, что метод его решения даже более интересен, чем само решение проблемы. Конечно, решение гипотезы Пуанкаре было

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2011 ЭЛУЛ 5771 – 9(233)

ПРАЙС-ЛИСТ НА НОВУЮ ЖИЗНЬ

Àðñáí Ðáááçá

NATALIní: ó ì áíÿ ñáááíÿ òðááð

NATALIní: (((

Leprikon4ik: ÷òí ñéó-èèíñí?

NATALIní: ì èøà óí áððððð

NATALIní: ì íé èþáèì èí òíì ùÿé

Leprikon4ik: ìé, òí

NATALIní: äÿÿÿ

NATALIní: òáé ÿ áñ ìíøèà òíðíì èòü

NATALIní: è çááúèà áññòÿð

*(Çà áñá ÿí èáñáóú ñí áñèáí
© bash.org.ru è èð ááòíðàì.)*

1.

www.escapeartist.com. Я, усталая и опытная, лезу на сайт, торгующий новой жизнью. Паспорт парагвайский — 20 тыс. долларов. Паспорт Уганды — 5 тыс. долларов. Полный комплект документов гражданина Белиза (где это?). Паспорт, автомобильные права, свидетельство о рождении, свидетельство о браке (можно с вымышленным супругом), диплом, счет в банке, кредитная карточка. За все про все — 15 тыс. долларов.

А с меня? Так, с меня: цифровое фото, мои данные, которые я бы хотела вставить: имя, место рождения, имя супруга... Понятно... И все? Хм, так где все-таки этот Белиз?

Лезу в Яндекс, оттуда в Википедию.

Белиз (англ. Belize) — государство в Центральной Америке, на юго-востоке полуострова Юкатан. До 1973 года носил название Британский Гондурас.

Официальный язык — английский. Столица — Бельмопан (Belmopan). Форма правления — конституционная монархия. Валюта — белизский доллар (BZD). Интернет-домен — .bz. Телефонный код — +501. Часовой пояс — UTC-6.

Граничит на севере с Мексикой и на западе с Гватемалой. Восточное побережье Белиза омывается Карибским морем.

Население разделяется на следующие группы: креолы (39,7%), метисы (33,1%), майя (9,5%), гарифуна (7,6%), индейцы (2,1%) и прочие (8,0%).

Более половины населения являются католиками.

В Белизе распространено несколько языков. Среди них английский, английско-креольский, испанский, гарифуна и языки майя.

Ну, что, пора в Белиз? Он же Британский Гондурас. Или все-таки в Израиль?

Вот удивительное дело: надоела тебе Россия, отлично, пошел в «Сохнут», оформил все — и вперед. А почему ж так тянет в Гондурас? Кажется, современному Израилю определенно не хватает романтики. Вот если б у нас на дворе был 1967 год или, скажем, 1973-й, то я бы даже не задумывалась... А в 2011-м, даже в самом бешеном припадке эскапизма, об Израиле как-то не задумываешься. Какой-то он стал классичный.

Dashutka: Nēūō ōū! B īī-:āēīāā-āēē īīīōīēēā m āē ē ēē, ŷ īā yōīī ōāā āāāī Āāōōēā Ōū -ā āīāāēī ūāāōūīī, ēīçà?!

Dashuta: ī ēy, ŷ ōy īīēīōāēyēā? ōā -ā nōō-ēī ī āēī āōīī? īāī ā ī āīyē ēēē!!!

Dashutka: Ōū ī āīy çāēī āēā ōāā!!!! B ōāy ā ōēīēā ī āēāō ōīp ī āāāā!!!!

Dashuta: āīāāē āīāāē, ī āīāīīīīīī ōīēā..

-Dashutka-: Āāāōōēē, ŷ āī ō īōyī -ōāīōāōp, -ōī çy āīōōāāp ā āāīāā..

2

Если сказать честно, меня достало все. Буквально все. Гондурас. Работа — нервная. Офисный планктон. Тоже нервный. И закомплексованный. Подруги. Нервирующие. Мужики. Вообще достали. Все, а особенно Руслан. Город грязный и нервный. Собственная машина, собственные шмотки и, разумеется, собственное отражение в зеркале. Сериалы меня тоже достали, а книги я читать, кажется, разучилась. Ну и слава Б-гу. Хотя бы от книг я не психую. Стыдно все-таки на книги наезжать...

Ну а тут скоро Новый год. И настроение у меня по всем приметам городским и народным должно быть праздничное. Приподнятое. А у меня оно — нет. Не праздничное. Душа не раскрывается в предвосхищении чего-то нового, светлого, как положено перед Новым годом, и как она раскрывалась совсем недавно. Каких-то пять лет назад. И не потому, что кризис на носу, не то личный, не то мировой, а вообще.

Поэтому я переписываю с сайта телефоны, звоню в Белиз (код +501) и понимаю, что сейчас продам свою квартиру, потрачу 15 штук на паспорт, а на остальные поеду начинать новую жизнь в Британский (не путать с настоящим) Гондурас. А что? Открою бар на Карибском пляже. Буду загадочно и романтично заворачиваться в тропические тряпки, пока мои креолы будут обслуживать высоких американских ковбоев.

И звоню по этому длинному телефону, и мне там, вы не поверите, рады. Говорят, причем английский у них еще хуже, чем мой:

— Да, мисс, конечно, все сделаем! Давайте, мисс, переводите нам деньги, реквизиты на сайте — и вперед.

Я говорю:

— Ребята, все супер, но какие гарантии?

Они говорят:

— Мисс, ну а какие гарантии? У нас правило: предоплата 100%. А как еще? Зато знаете, какие клиенты к нам обращаются?!

— Нет, — говорю. — Хорошая идея. Расскажите. Предъявите ваши рекомендации, тасс'казать.

— Да вы че? — говорят. — Ща мы вот так взяли и всех наших клиентов сдали. Вам, кстати, какие нужны имена, подлинные или новые гондурасские? Ха-ха...

— Да, — говорю, — понимаю... Но, может, вы для начала плодотворного сотрудничества долларов за 300 мне права сделаете? А то свои вторую неделю из ГАИ забрать не могу. Времени нет... А если с правами у нас все пройдет, ну тогда и паспорт можно. И свидетельство о браке. А имя вымышленного супруга, доунт ворри, я пришлю.

— Не, — говорят, — мисс. Так не можем.

Я цепляюсь за последнюю надежду.

— А давайте я к вам сама приеду за паспортом. Дайте адрес. У меня сейчас как раз новогодние каникулы. Делать мне нечего. Заодно выберу место на берегу для бара. Ну и вообще посмотрю, что у вас за страна.

— Не, — говорят, — мисс. Сорри. Так тоже не можем. У нас строгая анонимность.

И я понимаю, что это лохотрон. Нет никакого Белиза, белого песчаного пляжа, ни моего бара на нем, нет ни креолов, ни американцев. Ничего нет. Точнее, ничего хорошего.

И тут мне становится совсем плохо, потому что звонит Руслан. Тут надо поподробнее.

Át ář òù àÿ Æt i à (15:52:18 15/08/2007)

B ò ááÿ á áññéá çáí èññéá èàé «Í óóèñò èé» :) à òù ì áí ÿ èàé?

SliGhTeR (15:52:52 15/08/2007)

Ñáéðáò :P

3

Руслан — толстый (110 кг), старый (за 40), похотливый, недоделанный олигарх, специализирующийся на оптовой торговле предметами личной гигиены. У него на гладко выбритой голове торчат большие волосатые уши.

Он трахает всех подряд, а я, по его словам, в ряду его телок (ихс...) выделяюсь тем, что он хочет на мне жениться. И в этом, надо сказать, его единственное и, как ни крути, серьезное преимущество. Тем

более что остальные мужики за последнее время как-то подрассосались. Ну а уж жениться-то точно никто не хочет.

Руслан мне объясняет это просто: я над всеми остальными мужиками смеюсь, а его побаиваюсь. Поэтому терплю.

А когда я ему говорю, что я над остальными смеюсь, а его просто ненавижу, то он говорит, что от любви до ненависти один шаг.

Нет, я, конечно, немного уважаю его. За народную мудрость (она же солдатская смекалка), за непривычную в других мужиках жесткость, за деловую хватку, за спортивный образ мысли, за сложное полубандитское прошлое. Но всего этого я ему не говорю. Говорю, что он тупой и неблагородный, и предлагаю побрить уши и снять темные очки, хотя бы в помещении. Он не бреет и не снимает.

Словом, звонит Руслан. И говорит про Новый год и про дайвинг на Мальдивах. И естественно, он все оплачивает, потому что при невероятной гамме недостатков Руслан не жадный.

А я после облома с Гондурасом и новой жизнью решила, что я теперь — не гордая. Тем более что об акваланге, честно говоря, мечтала. Поэтому решаю его на этот раз не фачить, а оттянуться по полной.

— Ладно, — говорю, — Русланчик. Только к черту Мальдивы. Давай в Белиз! Карибское море, сам понимаешь! Красота!

— А, — говорит. — Гондурас! Круто. Там Ди Каприо остров купил. Поехали. Я тоже себе присмотрю.

И я понимаю, что я его ненавижу. За понты и за внимательное чтение глянцевого журналов. Ну и за отсутствие вкуса. И прямо воображаю, как в наших журналах будет написано: Руслан Байсултанов, лидер рынка поставок туалетной бумаги, собирается купить остров в Карибском море у берегов Белиза рядом с островом BlackDoge Caue, принадлежащим знаменитому актеру Леонардо Ди Каприо.

На фото олигарх со своей подругой, копирайтером из рекламного агентства «Young&Rubicam».

Но и что теперь отказываться? Поехали, Руслан! Искупаемся!

Crow: ý ïá òî î òîáèè

x X: éðíò

Crow: ì òááîá æá ó ì óçîéáî ò îá ää?

x X: Í àò, Ó ìááèéîá)

Crow: ÷ááááòò

Crow: áèÿÿÿÿÿ

4

Ну, отель, конечно, был крут! Семь звезд плюс. Коридорные — глянецовые негры в черных камзолах с золотыми пуговицами. Номер сто метров плюс балкон пятьдесят. Бронзовые пепельницы. Плазма в полстены, а стены в шелках. Свечи в канделябрах. Шампанское в ледяном ведре. Не сказать, что дешевая романтика.

— На фига, — говорю, — Руслан, такие деньги на понты выбрасывать?

— А какая тебе разница, — говорит. — Были бы у тебя такие деньги — поняла бы. Но у тебя их нет и не будет. Так дурой и помрешь со своим еврейским умом и счастьем. Ха-ха!

В том смысле, если не выйду за него. Ну что ж... Смешно...

Ладно, думаю. Мы здесь не для разборок. У нас сегодня вечером дайвинг. С яхты.

Сначала короткий инструктаж прямо в отеле в бассейне. А ближе к вечеру — яхта. А потом — настоящая новогодняя ночь в тропиках!

Яхта — супер! Красивая. Белая, стройная. Капитан стройный. Белый. В белой фуражке. И снова роскошь. Глянцевые журналы на инкрустированном столике, привинченном к полу. Молодец, Руслан! Спасибо!

Опять шампанское. Надо торопиться, пока не стемнело. Красное нежное низкое солнце. Метрах в ста берег. Скалы, гроты.

Акваланг — новый. Модный красный гидрокостюм с иголки, хотя вода-то теплая, но так положено. Чтобы не переохладиться. Полный комплект снаряжения, включая портативную подводную видеокамеру, часы с глубиномером, сумку-сетку для рыбы, флягу с водой, нож и фонарик. Все это деловито прикреплено к поясу со свинцовыми грузами. И даже грузы новые.

Красивое черное подводное ружье. Гарпун на резинке.

ya_frosia: Nâyçèà èîî íâ èàè í òààèéí, òííàò.

alexé: ya_frosia: Í í á òòòò è í òàèòàíí í í èààààò.

zoogenic: alexé: Í í àíèè èîî ù òàí íàíá, òí è àí òòòò è òííòò.

alexé: zoogenic: íàì òíí è òàí íàíá èîî ù á òòòò è.

5

И вот — спуск! Г-споди, настоящая подводная охота. Рыбки: красные, белые, золотые. Даже жалко в них стрелять. Да и мелкие они какие-то для ранней смерти! Кораллы, звезды, морские ежи. И все под тобой. Дух захватывает. Как будто паришь над бездной сумасшедшей красоты. А хочешь — опустилась и подлетела к ним. А потом опять взмыла вверх. Б-жественно! Молодец Руслан! При своих недостатках... Я оглядываюсь на Руслана, чтобы показать ему, как все круто и какой он классный и вообще! А вместо Руслана в метре от меня, а то и ближе морда акулы.

Здоровая такая морда, размером с очень большой телевизор. И где-то боковым зрением я вижу уплывающего с хорошей дельфиньей скоростью Руслана.

Вот и все.

И посреди такого величия? А может, так и надо? Не в трущобах же городских умирать? Не на свалке же? Мысли у меня понеслись с такой скоростью, что их даже отфиксировать было непросто. Хотя мне как копирайтеру не привыкать. Сначала что-то про Руслана. Недоброе. Потом что-то про предсмертную красоту. Потом я почему-то начала думать про то, что я в конце концов оказалась неудачницей. Один мой друг, к сожалению потерянный где-то в Алабаме, объяснял мне, что если повезет, то можно умирать под любимую музыку. Под «Doors» или под «Beatles». Под «Light My Fire» или под «Golden Slumbers». И тогда вроде и умирать не страшно. Нет, ну понятно, что в это время легко может быть вообще не до этого. И дай Б-г, чтобы хоть что-нибудь в голове звучало. А то, может, что и вообще, когда умираешь, не до этого. Но апувай... Хоть думать об этом стало чуть-чуть можно. А что Леннон чувствовал в это время? А Моррисон? Все равно ужас. Но не ужас-ужас...

А ужаса у меня, кстати, не было. Я даже подумала, каким забавным образом начинается новая жизнь. И даже не сказать, что было очень жалко того, что старая кончается. Еще проскользнула мысль, что на моих похоронах никто не заплачет, хотя бы потому, что их, собственно, и не будет.

Все эти мысли длились не более секунды-двух, за время которых я аккуратно отгребала ногами от акулы.

HawkEye: Зато благодаря онеме я выучил много фраз на японском.

Теперь я знаю как сказать «Привет», «спасибо», «приятного аппетита» и «Выньте у меня из жопы это щупальце!!!»

И тут я вдруг начала надеяться, что все обойдется. И сейчас я доплыву до яхты. Я специально отложила мысли о том, что я сделаю с Русланом, если все-таки доплыву, чтобы не сглазить, и продолжала отгребать. Но идея всадить Руслану в яйца гарпун из моего ружья все-таки появилась, и появилась к лучшему. Я поняла, что у меня есть оружие и почувствовала себя немного уверенней. Расстояние между мной и акулой увеличилось метров до трех-четырёх, хотя под водой расстояния обманчивы. Все кажется ближе, чем есть на самом деле. Ближе раза в полтора.

Но тут акула сделала подводный прыжок в мою сторону и раскрыла рот. Типа зевнула.

Я бы, конечно, завизжала. Потому что увидеть рот, полный жутких зубов, рот не просто животного, а древнего, совершенно неэмоционального, бессмысленного, безмолвного, страшного животного, с которым ты оказываешься один на один, — это не просто страшно. Это очень страшно. Тебя пробирает точно такой же древний, животный, очень глубокий ужас. Просто кошмар настоящий, только наяву. Но я не завизжала, потому что акваланг и трубка визгу не способствуют. Я, полулежа на спине, взмахнула ластами и попыталась уйти в сторону. Я потеряла ориентацию и не знала, где яхта и где, на худой конец, берег.

Впрочем, это было совершенно неважно. От акулы до меня было не больше 1–2 секунд. Еще один прыжок. Тогда я подняла ружье и попыталась прицелиться. Рот у акулы был уже закрыт. Ясно было: в следующий раз она откроет его не для разминки. Глаза у акулы были маленькие, в них не попасть, тем более что выстрел в глаз был бы сделан под углом и гарпун, скорее всего, отприкошетит бы. Не то чтобы я об этом думала. Это было просто интуитивно ясно, и все. Оставались очень покатый лоб, переходящий в нос, переходящий в верхнюю челюсть, плоский, вытянутый, как половинка летающей тарелки. Но можно ли было его пробить? И не срикошетит ли гарпун ото лба?

Дальше счет вообще пошел на миллисекунды. Эта сука еще раз открыла рот, в этот раз уже для броска, и собственно бросилась. Я выстрелила в страшный скалистый рот, надеясь, что гарпун добьет до мозгов и абсолютно рефлекторно увернулась вперед и вверх. Мои ласты скользнули по летающей тарелке акулы и тут же ружье вырвалось из рук. Это был хороший признак. Значит, гарпун, привязанный к ружью,

попал во что-то конкретное. Я не стала разбираться, и через два взмаха ластами моя голова оказалась над водой. Берег был явно ближе яхты, и я понеслась к берегу со всей силы рук и ног. Через несколько секунд я оглянулась. Проклятая акула шла за мной. Не то чтобы очень быстро, а примерно с моей скоростью. То ли она не хотела нападать, а ждала, пока я устану и сбавлю ход, то ли ранение лишило ее всей ее акульей скорости?

Десять метров до берега. Пять взмахов ластами. Но скала! Гладкая. Толком не уцепиться. И потом... НА МНЕ ЖЕ АКВАЛАНГ! С ГРУЗОМ И БАЛЛОНАМИ. НЕТ. ВЫБРАТЬСЯ НАВЕРХ ШАНСОВ НЕТ.

Б-же, это конец.

Озарение? Провидение? Рука Б-га? Я оглянулась. В метре от меня в темной скале темнела еще более темная дыра. Грот? Я подплыла к ней, боком не сводя глаз с акулы. Акула развернулась в мою сторону, но приближаться не стала. Хотя куда ближе? Два метра? Я осторожно, задом начала вливаться в грот. Он оказался довольно длинным и, что самое главное, узким. Вдвое уже акулы. Я сама еле протискивалась, помогая себе руками.

На секунду меня охватили сомнения. А куда я лезу? И как выберусь? Но страх перед акулой пересилил. Я отстегнула от пояса фонарик и включила его. Ну, скалистый подводный грот. Какие-то зеленоватые водоросли на стенах. Я повернулась на спину и поползла дальше вперед ногами. Грот по всем законам жанра должен кончиться пещерой. Еще минут через пять занимательной спелеологии грот кончился пещерой. Стены просто раздвинулись и исчезли в темноте.

Я вдруг заинтересовалась, как в пещере с воздухом, и попыталась всплыть. Воздух в пещере есть. Неплохо. А есть ли в пещере берег? Фонарик почти сразу выхватил берег, причем берег достаточно пологий, чтобы выкатиться на него боком вместе с аквалангом.

Betty: Сходим завтра в кино?

Sokol: Ó ì áÿ ääááéà áñòüü!!

Betty: B ò áÿ ääááéà ì ðèäüüé ì áéüüáí ì üé!!!!

7.

Уф! Неплохо. Есть воздух. Есть суша. Как мало нужно человеку для счастья! Ура!!! Я жива! Я здорова! Я спасена! Ура!!! Я орала, и пещера радостно гудела вместе со мной. Ура!!!

Я скинула акваланг и отстегнула пояс с грузами. Размялась. Попыталась встать. Упс. Низковато. Но, согнувшись, вполне можно ходить. Конечно, если нет клаустрофобии. Так. А что делать дальше? Подождать, пока акула уплывет? Но этого ждать до утра. А почему бы и нет? Вот он — Новый год! Я просто родилась заново сегодня! Новый год в пещере. Как романтично! От жажды я не умру — у меня с собой на поясе фляга с водой. Буду пить ее вместо шампанского и праздновать второе рождение в пещере. Помолиться, что ли, во спасение?

Я помолилась как сумела. Сначала «Шма Израэль», потом что-то от себя.

А что завтра? К утру акула или сохнет, или смоеется. И завтра я выплыву из этого грота и доплыву до нормального берега! А там... Ну уж там мы разберемся. И с Русланом, и со всем остальным отстоем, которого было так много в последние годы моей жизни!

А пока надо осмотреться на новом месте. И я, пригибаясь, пошла осматривать свои новые владения. Вокруг меня опять стало красиво. Стены пещеры были слоистые и белые, совершенно фантастических оттенков белого, кремового, пепельного, сахарного и светло-песочного. Дизайн стен был такой, что не приснится самому гениальному художнику. Со сводов свисали сталактиты, некоторые из которых были просто хрустальными. Все это великолепие, выхваченное мощным подводным фонарем, отражалось в абсолютно зеркальной прозрачной воде. Всемогущество Б-га, создавшего этот прекрасный мир, и Его безупречный вкус наполнили мою душу такой светлой радостью, что я чуть не заплакала.

В любом случае я опустила голову, чтоб не ослепнуть от этой красоты. И увидела прямо перед собой некое бесформенное образование. Явно инородное. Не местное. Оно вполне могло бы быть ящиком, но от времени все бывшие прямые линии настолько покосились и искривились, все стенки прогнули и заросли не то мхом, не то водорослями, что цвет у них был зелено-коричневый, а форма бугристая и неправильная. Я побоялась, что на ощупь этот ящик будет скользкий и противный, и толкнула его ногой.

И ахнула. Ящик развалился и оказался сундуком. В сундуке оказались золотые монеты и драгоценные камни. Много монет и много камней. Разных. Ограненных. Оправленных. Серьги, кольца. Брошки. Цепи. Много цепей. Браслеты. Ожерелья. Я опустила на колени и поднесла фонарик.

Пираты Карибского моря.

Офигеть.

Я взяла горсть золотых монет. Они оказались не очень крупными, размером в 1–2 евро. Но чистого золота. Почти светящегося, но немного винтажного. Не окисленного. Не запыленного. Дублоны? Флорины? Пиастры? Талеры? Много разных монет. Совсем не похожих на современные. Не очень аккуратные, с нетвердым, хотя очень выпуклым рисунком и совершенно нечитаемыми, хотя очень большими буквами. Клад.

С ума сойти.

пт: если бы ты мог написать мне только 4 сообщения, что бы ты написал?

Immortal: í ó ÷ ò î ò ú î ÷ á í ü é é á ñ ñ ä ý

Immortal: á é è í, á ñ ñ ò ò è î ñ ò á é î ñ ñ

Immortal: ò î á ñ ò ü ä ä à

Immortal: á é ý

8.

Я, покачиваясь, пошла обратно. К аквалангу и поясу. Не знаю зачем. За видеокамерой? За сеткой для рыбы? Ни монеты, ни драгоценности в ней было не унести — слишком крупные ячейки. Ну, просто так пошла, чтобы прогуляться.

И мой взгляд упал на акваланг. И вдруг мне показалось, что он мертвый. И я сразу, ну совсем сразу поняла, что так оно и есть.

Я бросилась и проверила вентиль. Вентиль был открыт. Я вставила трубку в рот и попыталась дышать. Воздуха не было. Совсем. И кончился он минут пять назад. Или семь. Пока я любовалась кладом.

Мне показалось, что со мной случилась самая назидательная история в жизни. История про Новый год, предательство, красоту и деньги. Жалко, что последняя.

Я сразу поняла, что умру. Выбраться по пятидесятиметровому гроту, по которому я еле протискивалась с запасом воздуха в легких, нельзя.

Но я не поняла, от чего я умру. От жажды? От того, что кончится кислород в пещере? От голода, если я вдруг отыщу в пещере источник с водой, а воздуха здесь хватит надолго? А может, мне ускорить процесс? Просто чтоб не ждать и не мучиться?

И тогда я решила, что лучше всего ничего не ускорять. Лучше всего записать эту мою историю. Куда записать? Да очень просто — на мою подводную видеокамеру. Надеюсь, она пишет звук? Под водой же бывают звуки?

Да, микрофон есть. Значит, пишет.

И вот я отправилась в угол пещеры, самый дальний от сокровищ, потому что те мысли, которые я хотела записать, не вязались с золотом, даже старинным и винтажным. Я села, кое-как устроила камеру на камень, включила режим ночной съемки, чтобы зажегся фонарик, и стала думать, что же я скажу?

О том, что все мужики сволочи и иногда настолько, что из-за одного из них мне сейчас приходится умереть?

О том, что мир прекрасен, а деньги не приносят счастья? И что за деньги нельзя купить даже такой относительно простой и естественной штуки, как новая жизнь? Которая, вообще говоря, дается бесплатно?

О том, что биться надо до конца? Просто биться до конца, и все?

О том, что умирать не страшно, а скорее грустно и как-то очень сосредоточенно и отрешенно?

Препод: «Недоделанный отчет — это не беда. Главное, когда будете делать детей — доделайте их! А то потом приходят недоделанные дети и приносят недоделанные отчеты. И никак не прервать этот замкнутый круг».

2

И я начала говорить. А камера начала записывать.

И когда дошла до тех слов, что надо биться до конца, я вдруг перегнулась и выключила камеру. Во-первых, я решила, что это прекрасный конец фильма. А во-вторых, попробовать еще раз.

Ведь не из-под воды же был доставлен этот клад 400 или 500 лет назад? А если вход в пещеру снаружи сохранился? Я включила фонарик и осветила им тот самый угол, в котором сидела. Самую его дальнюю часть. И увидела какую-то полукруглую щель. Или лаз. Подтянулась к нему и услышала тихий-тихий звук прибоя.

Еще через пятнадцать минут я с тремя золотыми кольцами и двумя цепочками пробиралась к прибрежной дороге, чтобы поймать самое дорогое в жизни такси.

До Нового года оставалось около пяти часов. Надо успеть доехать до соседнего городка, поселиться в настолько приличном отеле, чтобы там был ювелирный бутик, продать в нем кольцо, снять номер и успеть купить офигенное платье на новогодний вечер.

А завтра? Завтра выходной. А потом www.escapeartist.com. А еще потом — вернуться за сокровищами. Вернуться не одной — что слабой одинокой девушке делать в прекрасной и ужасной пещере?! Хотя, возможно, на то, чтобы найти достойного попутчика для этой экспедиции, у меня уйдет серьезная часть жизни.

И теперь единственное, что меня беспокоит, это тот простой факт, что о моей смерти, в которой уж конечно не сомневаются теперь ни капитан яхты, ни Руслан, кажется, никто на свете не пожалеет. А жаль. Мне начинает казаться, что слезы о тебе после смерти — знак твоей правильной жизни при жизни.

POST SSRIPTUM

-!- Ì èèàÿ0àíÿ is now known as àõÿæ:àò ðàòí óò àÿí àòáàð

Áíò, ìááòááí íí, è áñá The End

ИЗ НАШЕЙ СЕНТЯБРЬСКОЙ ПОЧТЫ

ЧИТАЛИ?

[ЕВГЕНИЙ САТАНОВСКИЙ: «ГРАНИЦ 1967 ГОДА НА САМОМ ДЕЛЕ НЕТ». БЕСЕДУ ВЕДЕТ МИХАИЛ ЭДЕЛЬШТЕЙН](#)

2011.7

НУРБУЛАТ, ntugelbaev@mail.ru Г-н Сатановский, Вы признанный эксперт. Зачем Вы откровенно лукавите, если не сказать больше? Границы 1967 года определены требованиями резолюций ООН. И откройте Устав ООН. Где там сказано, что эта организация — правопреемник Лиги Наций?

ЧИТАЛИ?

[ЕВРЕИ И ДЕСЯТИЛИТИЕ. БЕСЕДУ ВЕДЕТ МАТВЕЙ ГАНАПОЛЬСКИЙ](#)

2010.2

ИИА, ilbas02@gmail.com Высказывания, до некоторой степени схожие с тем, о чем говорил Юрий Магаршак, можно встретить в сочинениях Лиона Фейхтвангера и более поздних писателей и философов. Смысл их сводится к тому положению, что евреи, как правило, не возвращаются в страны, откуда уже состоялся Исход. Последний абзац интервью, как мне кажется, совершенно не имеет перспективы, так как нет никаких предпосылок для возвращения евреев в РФ. Евреи нужны, чтобы созидать для кого-то, однако пользоваться своими достижениями они не смогут, им просто не дадут это сделать. <...> Магаршак не прав: антисемитизм и ксенофобия есть, они расцветают в тех же правительствах, в которых были отставки. Достаточно вспомнить проарабскую позицию МИД РФ... А в парламенте, СМИ, на местном уровне власти стало еще хуже! Вы, г-н Магаршак, в этом интервью все равно что сколковский «Сохнут», и думаете, Вам поверят? Ради чего умные головы приедут поднимать целину? Чтобы их сделали «козлами отпущения», чтобы отвечать за ошибки элиты РФ?

ЧИТАЛИ?

[ЛЕОНИД КАЦИС. «ДОКТОР ЖИВАГО» ВСТРЕЧАЕТСЯ С ЕВРЕЯМИ](#)

2011.6

ВИКТОР КАГАН, vikagan@yahoo.com Спасибо автору — это одна из сравнительно немногих беспристрастных и корректных статей на тему, где в центре внимания оказывается личность самого Пастернака, а не якобы совершенный над ним без его ведома и понимания обряд. Что касается еврейских споров на эту тему, то они никогда не кончатся, поскольку на 99% мотивированы не темой пастернаковедения, не реальной и достаточной осведомленностью и не стремлением к истинному пониманию, но самоутверждением и амбициями спорящих.

ЧИТАЛИ?

[ПОЗА — ОТ ЖИЦКОГО. «КНИЖОНКИ» — ОТ «ЭКСМО». БЕСЕДУ ВЕДЕТ АФАНАСИЙ МАМЕДОВ](#)

2011.7

ЛЕОНИД КАЦИС, katsis@gesharim.msk.ru Жицкий делает вид, что не призывал никого к бойкоту «Эксмо». Это лукавство. Любая сеть — обращение к миллионам людей. И если этот человек хоть какой-то авторитет, то его личное заявление о личном бойкоте (по умолчанию) — сообщение о подобной возможности для его читателей. А если даже не бойкотировать, а просто прополоскать в сети «Эксмо», то это PR-кампания. Дискуссия в сетях — это и есть цель инициатора. Недаром, хотя сети сейчас и не признаны СМИ, Дума готовится принять закон об ответственности за тексты дискуссантов. То есть отвечает модератор или провайдер. А вот отвечает ли издательство за что-то кроме своего доброго имени, я не знаю. Насчет писателей — что у них есть кроме имен и места в литературе? Забыли, как Солженицын призывал к

осторожности, а то сделаешь что-то непотребное — раз, и ты вне литературы. Он же сам и попробовал, как это было в истории с «200 лет вместе». Хотя в издательстве «Русский путь» печатаются приличные люди, а те же «200 лет» явно войдут в собрание, которое издает Борис Пастернак во «Времени». Так что выбор здесь всегда за человеком: какую репутацию хочет, такую и получит.

ЧИТАЛИ?

[ЕВГЕНИЙ САТАНОВСКИЙ: «ЕВРЕЙСКИЙ Б-Г ЩЕДР НА ЧУДЕСА». БЕСЕДУ ВЕДЕТ МИХАИЛ ЭДЕЛЬШТЕЙН](#)

2011.4

SOCIOLOG_TATAR, sociolog-tatar.livejournal.com Шайтановский в своем репертуаре: пугает исламизацией всея Руси. Я же думаю, что в свободном развитии ислама — спасение России как великой и независимой державы. И вообще, чем экстремальнее будет исламофобия, тем радикальнее будет «исламизм». Тут я с православным патриотом державы в лице Максима Шевченко полностью согласен.

ФЕЙТ ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ

Адаם ו תאבב

Если тебе, независимому мыслителю из Западного блока^[1], есть что сказать вразумительное, не держи это в себе. Немедленно ори во весь голос. Лет через двадцать — плюс-минус годик — твои внуки будут валяться в песочницах по всему миру, приложив ухо к земле, — ловить сигналы из далекого прошлого. Да и сам ты, стоя сейчас на коленях и глотая пыль Великих равнин, что ты слышишь? Хрюкают свиньи, картофель растет, индейцы скачут, зима надвигается?

Почти каждую ночь Фейт спит, накрыв голову подушкой, вся в поту от изнурительных снов, где рокочет приливом океан, воеет, ловя себя за хвост, ветер.

Все потому, что ее дед бороздил соленое море, долгие мили катился на коньках по обледеневшим берегам Балтики с мороженой селедкой в кармане. А она — вся слух — родилась на Кони-Айленде.

Кто ее предки? Разумеется, мама с папой. С кем росла? С братом и сестрой, в которых вцепится их собственное горе и тащит из жизни. Вместе — мерзкий четвероногий двуязычный гермафродит. Однако они, подтверждая свое совершенство, зла на нее не держат, всегда рады повидать и ее, и ее сыновей, взять мальчишек, что растут без отца, на пикник со своими мальчиками, сводить на прогулку, к океану, ой, да, мы были у мамы в «Детях Иудей», она передает привет... И никогда не съехидничают, как часто бывает у братьев-сестер, мол, Фейт, от тебя не убудет — что стоит сесть в подземку и съездить...

Хоуп с Фейт и даже Чарльз (он появляется где-то раз в год проверить, как там Фейт — ведь она не умеет за себя постоять) умоляли родителей не вкладывать деньги в «Детей Иудей» и не переезжать туда.

— Мама, — сказала Хоуп, сняв очки, — не хотела, чтобы даже стеклышко разделяло ее и мать, — мама, ну как ты уживешься с этими йентами?^[2] Там не все и по-английски говорят.

— Я до сыта по-английски наговорила, — ответила миссис Дарвин. — Если бы мне так уж нравился ваш английский, я бы в Англию переехала.

— Может, тебе в Израиль поехать? — предложил Чарльз. — Это люди хоть поняли бы.

— Вас бросить? — спросила она, и на глазах ее выступили слезы: она представила их в полном одиночестве, гибнущих под градом жизненных неурядиц, без ее заботливого присмотра.

Когда Фейт думает про маму с папой — в любом возрасте, молодыми, или обезличенно состарившимися — она видит, как они прогуливаются по берегу, смотрят светлым взглядом на белую пену волн. А потом Фейт чувствует, что ее так захватил поток всего, что даже прикидывает, не пересечь ли ей Ла-Манши да Геллеспонты или даже получить магистра по педагогике, чтобы занять наконец профессию, а не заниматься черт-те чем в этой надменной стране.

Факты бывают и полезные. Дарвины переехали на Кони-Айленд потому, что там воздух лучше. В Йорквилле, где бабушку дедушка положил среди немецких нацистов и ирландских лоботрясов, а вскоре и сам в одиночку в синей пижаме встретил смерть, дышать было нечем.

Бабушка притворялась немкой — точно так же, как Фейт притворялась американкой. Мать Фейт плевала на все это с высокой колокольни и как только оказалась на Кони-Айленде, среди своих, выучила идиш и помогала отцу Фейт, который в иностранных языках был не силен, а как только все глаголы и нужные существительные собрались у нее в голове, поклялась впредь горевать и жаловаться только на идише, и клятву эту блюдет по сей день.

С тех пор как Фейт поняла, что из-за Рикардо она будет какое-то время несчастна, родителей она посетила только однажды. Фейт и взаправду американка, воспитана она была как все: верила, что нужно стремиться к счастью.

Только, как она ни изворачивайся, она кругом несчастна. И ей стыдно за это перед родителями.

— Тебе нужна помощь, — говорит Хоуп.

— Психиатрию придумали специально для таких, как ты, Фейтфул, — говорит Чарльз.

— Жизнь коротка, златовласка моя. Я дам тебе немножко денег, — говорит отец.

— Когда же ты наконец станешь нормальным человеком? — говорит мать.

Они размышляют о важных вещах. О разделе Иерусалима, о второй мировой, об использовании атомной энергии в мирных целях (так ли уж это необходимо?); изредка до их тихой заводи докатываются легкие волны антисемитизма.

Они с отвращением смотрят на Фейт, которая среди всеобщего процветания оказалась вдруг в таком положении. Им стыдно за то, что она несчастна и не может положить этому конец.

Ну и пусть! Пусть им будет стыдно! Пусть им всем будет стыдно!

Рикардо, первый муж Фейт, был человек непростой. Он был горд и счастлив тем, что его ценят мужчины. «Мужчины меня уважают!» — говорил он. И, как это принято у тех мужчин, которых другие мужчины уважают, он был ходок. Видели, как он гонялся за какой-нибудь дамочкой на Западной Восьмой улице и сигал ради какой-нибудь киски через изгородь где-нибудь в Бедфорд-Мьюз.

Он придумывал им прозвища — обычно связанные с каким-нибудь их недостатком. Фейт он называл Лысухой, хотя она вовсе не лысая и никогда не облысеет. У нее тонкие светлые волосы, она считает, что это полностью соответствует ее почти воздушному облику: когда она собирает волосы в пучок, выбившиеся локоны обрамляют лицо и дымка оттеняет ее смущенный румянец. Сейчас он живет с полной женщиной, у которой белые пухлые руки, ее он зовет Толстухой.

В Нью-Йорке первый муж Фейт старается жить неподалеку от «Зеленого петуха», весьма популярного бара, где его знают и, когда он входит, галантно пропуская вперед свою очередную спутницу, бурно приветствуют. Он представляет даму — знакомьтесь, это Толстуха (или Лысуха). Была когда-то и Жучиха — он вытащил ее из навозной кучи, где та катала шары с барменом Расселом. Рикардо, чтобы она не превратилась в жеваную жвачку (так он выражался), поднял ее уровень, заставив взобраться на холм макулатурного чтива, и смотрел, как она, бедняга, управляется.

Жучиха до сих пор живет в самом сексуально озабоченном уголке сознания Фейт: страшная судьба, была самой что ни на есть обычной оторвой, но после того, как Рикардо помог ей пережить два

аборта и одну студеную зиму, стала алкоголичкой и настоящей — за деньги — шлюхой. Обычным вознаграждением — вечером вдвоем и поздним завтраком в выходной — она быстро перестала довольствоваться.

Жучиха была до Фейт. Рикардо согласился пару лет побыть мужем Фейт, потому что она от счастья так перестаралась, что забеременела. Почти тут же случился выкидыш, но было поздно. Выкидыш случился, когда они уже шесть недель как зарегистрировались в мэрии, и он — мог ведь быть джентльменом — отдался ее любви; среднего роста, с мощными плечами, черными как смоль волосами, сиреневыми глазами, до кончиков пальцев мужик — Фейт любому, кто готов выслушать, скажет: она любила Рикардо. Она и себя стала любить — то в себе, что хоть пару лет побуждало его на бережливые сердце ласки.

Если кто говорит: «Фейт, да о чем ты? Ну какая любовь?» — Фейт всегда возражает. Не могла она не любить Рикардо. Она родила ему двоих сыновей. Приучила их уважать его: ведь он, когда был трезв, любил их по-своему. Он часто орал, причем искренне, в «Зеленом петухе» — куда он приплетался чуть ли не на бровях, — что она родила мальчишек, только чтобы заставить его пахать с девяти до пяти.

В те бесхитростные времена, говорила Фейт, у нее и в мыслях подобного не было. В свою защиту она высказывалась публично — на детской площадке и в очереди в кассу супермаркета, — объясняла, что все эти временные работы — отличный способ выяснить, согласны ли оба супруга на такую скудную жизнь. Потому что, спрашивала она дам, которым поведала всю свою жизнь, когда же мужчине общаться с детьми, если он все время на работе? Именно так, вот в чем корень всех бед нынешних детей, соглашались дамы, которые хотели ее по-дружески поддержать, ведь они совсем не видят своих отцов.

— Мама, — сказала Фейт, когда в последний раз приезжала навестить ее в «Детях Иудей», — мы с Рикардо больше не будем жить вместе.

— Фейти! — сказала мать. — У тебя кошмарный характер. Нет-нет, ты уж послушай. Такое со многими случается. Через пару дней вернется. Все-таки у вас дети... ты просто скажи, что больше так не будешь. Это же такая мелочь. Полная ерунда. Когда он пару месяцев назад был здесь, мне показалось, что он стал гораздо лучше. Выбрось ты это из головы. Убери дом, приготовь мяса. Вели детям не шуметь или отправь их к соседям смотреть телевизор. Глазом моргнуть не успеешь, а он уже дома. Не думай ты об этом. Прическу сделай. Папа с радостью подкинет тебе денег. Ты же знаешь, мы не нищие. Только скажи, что тебе нужна помощь. И не переживай. Он завтра же придет. Вернешься домой, а он колонки у проигрывателя настраивает.

— Мам, ему же медведь на ухо наступил.

— Ой, Фейти, надо тебе половчее управляться с жизнью.

Они посидели рядом — не подымая от стыда глаз. Кто-то подергал за дверную ручку.

— Г-споди, это же Гегель-Штейн, — шепнула миссис Дарвин. — Тсс! Фейт, Гегель-Штейн не говори. Она во все свой нос сует. Так что ни словечка.

Миссис Гегель-Штейн, президент ассоциации «Бабушкины шерстяные носки» прикатила на отлично смазанной инвалидной коляске. С собой она прихватила множество разноцветной пряжи. Она была дама старая. Миссис Дарвин на самом деле старой не была. Миссис Гегель-Штейн основала свою ассоциацию, потому что нынче дети всю зиму ходят в хлопчатобумажных носках. У бабушек конечности замерзают в мгновение ока, поэтому они куда внимательнее к таким вещам, чем нынешнее поколение матерей, вечно встающих на защиту того-сего.

— Шалом, дорогая моя, — поприветствовала миссис Дарвин миссис Гегель-Штейн. — Ну, как дела? — Она решительно взялась направлять разговор.

— Ах, — ответила миссис Гегель-Штейн, — миссис Эсси Шифер отказалась участвовать — запястья болят.

— Неужели? Так пусть приходит просто с нами посидеть. В компании веселее.

— Да будет вам! Что пользы ей просто так сидеть? Фу-у, — сказала миссис Гегель-Штейн. — Прошу прощения, неужели это Фейт? Подумать только! Хоуп-то я знаю, а это и в самом деле Фейт. Смотрите, нашла-таки время навестить маму... Повезло ей, что у тебя в кои-то веки выпал свободный часок.

— Гитл, умоляю, не надо. — Мать Фейт была в ужасе. — Очень вас прошу. Фейт приходит, когда может. Она мать. У нее два сыночка. Она работает. Гитл, вы что, забыли, каково это — управляться с детьми? На первом месте кто? Детки, вот кто.

— Ну да, да, на первом. Мне ли не знать? Арчи всегда был на первом месте. Я получила на Рождество открытку из Флориды — от мистера и миссис Первых. Вы меня послушайте, дурочки. Я приехала провести лето у них за городом, там лес, река. Только никакой вентиляции, весь дом провонял термитами и собакой. Я его прошу: мистер Первый, я старая женщина, пожалейте меня, мне нужен воздух, не закрывайте вашу дверь. Прошу, прошу — в ответ ни слова. И каждый вечер в одиннадцать — ба-бах, дверь закрывают наглухо. Делов-то на десять минут, а они на всю ночь запираются. Мне будет лучше — так я им сказала — в доме престарелых. Здесь никто сквозняков не боится.

Миссис Дарвин покраснела.

— Миссис Гегель-Штейн, дайте людям пожить, как они хотят, — сказала Фейт.

Миссис Гегель-Штейн, а она неизменно знала Фейт лучше, чем Фейт знала миссис Гегель-Штейн, сказала:

— Ну ладно, ладно. Раз уж ты здесь, Фейт, давай, помогай, не ленись. Вот так. Надень моток на руки, а твоя мама смотает шерсть в клубок.

Фейт была не против помочь. Она надела пряжу на руки, а миссис Дарвин стала ее сматывать. Миссис Гегель-Штейн громким голосом давала указания, катаясь вокруг них в своем кресле и указывая на серьезные недочеты.

— Селия, Селия, — кричала она, — клубок должен быть круглый, а у тебя он квадратный. Фейт, держи руки ровнее. Так, наклони чуть-чуть. У тебя что, ДЦП?

— Еще пряжи, еще, — сказала миссис Дарвин, отправляя готовый клубок в пакет. Они трудились как пчелки и болтали о жизнях и жизни. Они работали. Они узнавали друг от друга о насущном и выглядели воодушевленными — как кибуцники.

Дверь в комнату мистера и миссис Дарвин оставалась открытой. Мимо проходили бородатые старики со сцепленными за спиной руками — остатки воинства Г-споднего. Утренние газеты они засовывали под матрац, а ввиду печальных текущих событий спешили в синагогу Иудеи на шестом этаже, откуда им было проще общаться с Б-гом. Дамы цеплялись за свои палки, суставы у них не гнулись. Они стучали в открытую дверь и говорили:

— Ой, вы заняты...

Или:

— Миссис Гегель-Штейн, когда ж вы отдыхаете?

К матери Фейт, вице-президенту Ассоциации, почти не обращались.

Хоуп ее укоряла:

— Мама, тебе всего шестьдесят пять. А выглядишь ты вообще на пятьдесят пять.

— Молодость, она в душе, Хоупи. Я чувствую себя старше нашей бабушки. Так уж я устроена. Вот папе почти семьдесят, он заслужил отдых. Наше преимущество в том, что мы сравнительно молоды, успеем приспособиться. А когда станем старыми и немощными, уже будем здесь как дома.

— Мама, к тебе все будут относиться с подозрением, ты будешь чужой, наживешь себе врагов.

Хоуп в детстве часто отправляли в лагеря, она отлично знала, что такое жизнь в коллективе.

Мать сидела напротив Фейт и сматывала бирюзовую пряжу в бирюзовые клубки. Фейт, держа пряжу на вытянутых руках, покачивалась взад-вперед. Ее дочерние чувства оскорбляло то, что в этом регламентированном мире нужно подстраиваться под миссис Гегель-Штейн, восхищаться ей, угождать.

— Ну, мам, какие новости? — спросила Фейт. Она решила немного отвлечься, пока тень Рикардо не нависла над ней.

— Да ничего особенного, — сказала миссис Дарвин.

— Ничего особенного? — переспросила миссис Гегель-Штейн. — Я не ослышалась? Ты же сегодня получила письмо от Словинских. Селия, у тебя аж сердце зашлось, и ты хочешь скрыть это от невинной детки Фейт? Малышка Фейт! Тсс! Не надо рассказывать этого детям? Ха!

— Гитл, я вас настоятельно прошу. У меня на это свои причины. Настоятельно прошу, не суйтесь в это. Гитл, я очень прошу, не педалируйте. Мне на эту тему сказать считать нечего.

— Идиоты! — хрипло прошипела миссис Гегель-Штейн.

— Мама, ты правда получила письмо от Словинских? Знаешь, меня всегда тянуло к Тесси. Помнишь, как мы с Тесси играли в детстве? Она мне очень нравилась. Я никогда к ней плохо не относилась. — Фейт почему-то обратилась к миссис Гегель-Штейн: — Она была такая красивая девочка.

— Ну да, красивая. Юная и красивая. Давно это было. Естественно. Селия, что ж ты перестала мотать? Вечером у нас собрание. Расскажи Фейти про ее подружку Словински. Слишком уж Фейт избалована своей жизнью.

— Гитл, я же сказала, заткнитесь! — сказала миссис Дарвин. — Заткнитесь!

(И тут все заинтересованные лица вспомнили дорогой сердцу эпизод. Однажды днем в субботу полицейский, топавший за мистером Дарвином с дубинкой, арестовал его. Мистер Дарвин распространял листовки школы Шолом-Алейхема и заспорил со своим троюродным братом — они разошлись во мнениях относительно прошлого и будущего. На листовках было написано на идише: «Родители! Дитя спрашивает вас: “Папа, мама, что такое сегодня быть евреем?”» Миссис Дарвин наблюдала за ними со скамейки, где сидела с полной сумкой листовок. Полицейский наорал на мистера и миссис Дарвин и на троюродного брата за то, что ходят где не положено. И тогда мать Фейт с таким прононсом, какого теперь и не услышишь, — можно подумать она только-только сошла с «Мэйфлауэра», — сказала ему: «Заткнись, казак!» «Видите ли, — объяснял мистер Дарвин, — у евреев слово “заткнись” считается очень грубым, грязным ругательством, какое и произносить грешно, потому что в начале, если я правильно помню, было слово. Так что это звучит оскорбительно. Понятно?»)

— Селия, если ты тут же все не расскажешь, я сейчас уеду и приеду очень нескоро. Жизнь есть жизнь. Нынче всех слишком балуют.

— Мама, мне про Тесс все интересно. Расскажи, ну пожалуйста, — попросила Фейт. — Если ты не расскажешь, я позвоню Хоуп, она мне расскажет.

— Вот упрямые! — сказала миссис Дарвин. — Ну ладно. Тесс Словински. Про первую трагедию ты, Фейт, знаешь? Первой трагедией было то, что она родила чудовище. Настоящее чудовище. Ребенка никто не видел. Его отдали в приют. Ну ладно. Потом второй ребенок. У него оказалась аллергия почти на все. От апельсинового сока он покрывался сыпью. От молока начинал задыхаться. За городом у него слезились глаза. Ну ладно. Потом у ее мужа — очень милый мальчик, Арнольд Левер — нашли рак. Отрезали ему палец. Стало хуже. Отрезали руку. Не помогло. Милому мальчику, Фейт, пришел конец. Вот такое письмо я получила сегодня утром, как раз перед твоим приходом.

Миссис Дарвин замолчала. Потом посмотрела на миссис Гегель-Штейн и Фейт.

— Он был единственный сын, — сказала она.

— Говоришь, единственный сын? — выдохнула миссис Гегель-Штейн. По морщинистым щекам покатались слезы. Но слезы покатались прямо к ушам и застыли на мочках капельками росы — так она причудливо улыбалась все свои семьдесят семь лет.

Фейт смотрела, как она плачет, совершенно равнодушно. И тут ей пришла в голову дикая мысль. Она подумала, что, если бы Рикардо потерял, например, ногу, он бы никуда не ушел. Это ее немного приободрило, но ненадолго.

— Ой, мама, мама... Тесс и не догадывалась, что ей уготовано. Мы с ней играли в дочки-матери, а она и не догадывалась.

— А кто догадывается? — завизжала миссис Гегель-Штейн. — Арчи сейчас залег у себя во Флориде. Греется на солнышке. Он разве догадывается?

Миссис Гегель-Штейн тронула сердце Фейт. Разбередила ей душу. Она выдавливала свое горе так, словно это яд, хоть и наименее опасный из всех.

И тем не менее первой приняла эту новость как данность именно миссис Гегель-Штейн.

Слезы ее высохли, и она спросила:

— А что Брауны? Старик Браун, их дядя, полный идиот, состоял в «Иргуне»^[3], так он здесь.

— Джун Браун? — спросила Фейт. — Вы о моей подруге Джун Браун? С Брайтон-Бич-авеню? Вы про этих Браунов?

— Разумеется, только там все не так плохо, — сказала миссис Дарвин, потихоньку воодушевляясь. — Муж Джун — авиаинженер. Очень серьезный парень. Папа его до сих пор терпеть не может. Он в своей компании был на самой верхушке. Они купили дом в Хантингтон-Харбор, с катером, гаражом, гаражом для катера. Выглядела она потрясающе. Трое сыновей. Все умницы. Муж играл в гольф с вице-президентом, гоем. Будущее — лучше и пожелать нельзя. Она буквально все успевала. И вот однажды утром просыпаются... Кругом мрак. Кто-то что-то сказал — про то, про се. (Я говорила, что он был на самом верху, где все деньги?) Через сорок восемь часов он в черном списке. Прощай, Хантингтон-Харбор. Теперь все они живут с Браунами в четырех комнатах. Стариков жалко.

— Какой ужас, мама! — воскликнула Фейт. — У всей страны что-нибудь да плохо.

— И все же, Фейт, времена меняются. Это необычная страна. Можешь пять раз объехать весь земной шар, второй такой не найдешь. То она на подъеме, то на спаде. Так странно.

— Ну, мам, что еще? — спросила Фейт. История Джун Браун ее несколько не огорчила. Что Джун Браун знает про боль? Погружаешься в морскую пучину, так будь готова пойти ко дну. Фейт была уверена, что Джун Браун и ее муж, как там его, запустили руку в карман американской авиапромышленности, нахватили всяких подачек, ну им и перекрыли кислород — ей-то что.

— Так что еще, мама? Как насчет Аниты Франклин? С ней что? Б-же мой, она в школе была такая бойкая. По ней все старшекласники с ума сходили. Грудастая такая. Помнишь ее, у нее еще месячные пришли, когда ей и десяти лет не было? Ты хорошо знала ее мать. Вы с ней вечно что-то вместе затевали, с миссис Франклин. Мама!

— Ты точно хочешь про это знать? Тебе плохо не станет? — Она уже вошла во вкус, но эту историю ей особо не хотелось рассказывать. Впрочем, Фейт она предупредила. — Ну ладно. Так вот, Анита Франклин. Анита Франклин тоже ни о чем не догадывалась. Помнишь, она вышла замуж, задолго до того, как поженились вы с Рикардо, за красавчика из Гарварда? Гитл, вы и представить не можете, какие на нее возлагали надежды мать с отцом! Артур Маццано, из сефардов. Жили они в Бостоне, общались с умнейшими людьми. Преподаватели, врачи — самые сливки. Ученые-историки, американские интеллектуалы. Ой, Фейти, дорогая... Они меня несколько раз приглашали. На Рождество, на Пасху. Я видела их деток. Все такие светленькие — ты, Фейт, была такой же. У него было чуть ли не две докторские степени — в разных областях. Если у кого были вопросы — из любой области — обращались к Артуру. Ребенок у них пошел в восемь месяцев. Я своими глазами видела. Он писал статьи в еврейские журналы, о которых вы, Гитл, даже не слыхивали. И вот однажды Анита узнает из самых надежных источников, что он путается с первокурсницами. С несовершеннолетними. Все вмиг попало в газеты, дошло до суда, говорили кто что — кто да, кто нет, мол, он только флиртовал — ну, как мужчины флиртуют с молоденькими девушками. Но оказалось, что одна из этих дурочек забеременела.

— Ох уж эти испанцы! — задумчиво сказала миссис Гегель-Штейн. — Не любят они своих жен как следует. Женятся, только если выгодно.

Фейт опустила голову — ей было жалко Аниту Франклин, из которой в неполных десять лет хлынула кровь, что вселило надежду в озабоченные головы девочек из пятого и шестого классов. Анита Франклин, мысленно произнесла она, думаешь, ты справишься с этим в одиночку? Как ты спишь по ночам, Анита Франклин, самая сексуальная девочка средней школы Нью-Утрехта? Каково тебе теперь, когда тебя уже не ласкает сефард Артур Маццано, блестящий ученый и преподаватель? Теперь на тебя навалилось время, а не светловолосый красавец Артур, и его трепетные бойскаутские пальцы больше тебя не ласкают.

В этот самый миг мрачная тень Рикардо зависла над ней, ткнула ее пальцем в левый глаз, и всему миру открылось, сколь хрупка ее броня. У нее на щеках можно было хоть рис выращивать — слезы, которые она сдерживала столько часов, брызнули из глаз и полились потоками. Фейт, склонив голову, рыдала о себе и об Аните Франклин.

— Уже уходишь, Фейт? — спросил отец. Он сунул свою такую родную птичью голову в залитую солнечным светом комнату, посмотрел на дочь бледными выпученными глазами. Красавцем его никак не назовешь. Он урод. Фейт не раз благодарила бога эмбрионов и богиню генов, а также всех повелителей нуклеиновой кислоты, что из троих детей ни один на него не похож, даже Чарльз, для которого это было бы без разницы, потому что при таком росте лицо уже не так важно. В них во всех есть что-то

тевтонское — как в бабушке, которая считает себя немкой: они светловолосые, с правильными чертами, и у Чарльза внушительный подбородок. Из-за этого подбородка все ждут от Чарльза решительных шагов, и он их предпринимает — умело ставит диагноз, находит единственно верное лечение, за которым следует скорейшее выздоровление. Даже его опытниейшие коллеги часто отправляют своих жен с проблемами ниже живота к Чарльзу. Он прославится еще при жизни. Мистер Дарвин надеется, что он прославится скоро, потому что в этой семье долго не живут.

Так вот, отец Фейт, пучеглазый, с крючковатым бледным носом, заглянув в комнату и попав под атаку послеполуденного солнца, увидел только, что Фейт пошла к шкафу, где висел ее жакет, а ни слез, ни прикушенных губ не разглядел.

— Фейти, если тебе действительно пора, я тебя провожу. Радость моя, я так давно тебя не видел, — сказал он. Ждать ее он отступил в коридор — чтобы не подпасть под магнетическую власть миссис Гегель-Штейн.

Фейт поцеловала мать, и та шепнула ей в мокрое ухо:

— Возьми себя в руки, не будь размазней. Тебе двоих детей поднимать.

Она поцеловала и миссис Гегель-Штейн, потому что ее так воспитали — не обижать никого, особенно тех, кого терпеть не можешь и кто старше.

Фейт с отцом молча прошли светло-зелеными коридорами в холл, где бурлила жизнь: цветущие, хорошо одетые родственники продолжали прибывать — посидеть минут по двадцать со своими уже никчемными стариками. Рядом со справочной шли жаркие споры о судьбах евреев в России. Фейт не обращала ни на что внимания — она, часто дыша, шагала к двери. Старалась идти впереди отца — требовалось время, чтобы согнать с лица тоску.

— Не торопись так, радость моя, — попросил он. — Не беги. Я, конечно, не такой, как эти старые развалины, но я и не мальчик.

Он галантно взял ее под руку.

— Ну, что хорошего? — спросил он. — Впрочем, если новостей нет, это уже неплохо, так ведь?

— Привет, Чак! — крикнул он, когда они выходили из ворот, на которых сварщик изобразил витую надпись «Дети Иудеи». — Чак-чак, — сказал отец, крепче сжав ее локоть, — разве это имя для взрослого мужчины?

Она обернулась к нему, широко улыбнулась. Он заслуживал широченной, но на такую она была неспособна.

— Фейт, знаешь, я сочинил стихи и очень хочу их тебе прочитать. Я написал их на идише, но тебе переведу.

Ààò ò àí ì ðí òí à è ò

Þ í ì ò ù ì ðí òí à è ò

Ì ðí òí à è ò è ð à è ì ò ù

Ì ðí òí à è ò ò à ð ì ò ù

Ñ ÷ à à à ù à ç ý è è, à ì ÷ è è ì ì è,

× ò ì ò à ð ì ò ù — ý ò ì ì à ÷ ò ì è ì ì à?

— Что скажешь, Фейт? У тебя такая прорва знакомых художников и писателей.

— Что я скажу? Папа... — Она остановилась. — Ты великолепен. Это как псалом Давида, но в японском стиле.

— Считаешь, неплохо получилось?

— Папа, я в восторге. Это великолепно.

— Знаешь... я ведь могу, если тебе правда понравилось, плюнуть на всю эту политику. Я сейчас никак не могу определиться. У меня сейчас переходный период. Фейти, ты только не смейся. Когда-нибудь и с тобой такое случится. Учись на опыте. На моем. Я вот собирался как-то помочь всяким охранникам, лифтерам, они же не хотят оставаться на дне. Да вот боюсь, выберутся оттуда они уже не при моей жизни.. Думаю, все это из-за войны. Фейт, что скажешь? Из-за войны евреи стали американцами, а негры заняли место евреев. Ха-ха-ха. Как тебе такое название статьи: «Негры. Наконец наизнанку»?

— Кажется, у кого-то было нечто похожее.

— Точно? Да это просто витает в воздухе. Ты не представляешь, сколько у меня идей! А поделиться толком не с кем. Я очень привык к твоей матери, Фейти, только она стала такая странная. Мы раньше были так близки. Не пойми неправильно, у нас и сейчас отношения хорошие, только вот что странно: она в последнее время предпочитает общество женщин. Обожает общаться с этой психованной, с манией величия, параноидальной миссис Гегель-Штейн. Я ее терпеть не могу. Да ни один мужчина такую терпеть не станет. Однако замуж она каким-то образом вышла. Твоя мать говорит: Сид, ты с ней повежливее, и я с ней повежливее. Я всегда питал слабость к женщинам, но миссис Гегель-Штейн стучит к нам в дверь в девять утра, и до обеда я один как перст. Она просто какая-то колдунья. И нарочно смазывает колеса своего кресла, чтобы подглядывать да подслушивать. Да инвалидные кресла всегда за версту слышно, а ее — нет! Доченька, поверь, что твоя мать в ней нашла — загадка из загадок! Как бы поточнее выразиться? Эту женщину лучшим умам планеты не раскусить. И жизнь она отравить может тоже всей планете.

Они подошли ко входу в подземку.

— Пап, ну, мне пора. Я мальчиков оставила у приятельницы.

Он прикрыл рот рукой. И рассмеялся.

— Ах, совсем я тебя заболтал...

— Да что ты, папа! Я очень люблю с тобой разговаривать, просто мальчиков надо забрать.

— Я знаю, Фейт, каково это, когда дети маленькие и ты связан по рукам и ногам. Мы сколько лет никуда сходить не могли. Я только на собрания выбирался, больше никуда. Никогда не любил без твоей мамы в кино ходить, развлекаться в одиночку. А бэбиситтеров в те времена не было. Гениальное

изобретение, эти бэбиситтеры. Как они появились — так теперь супруги могут оставаться любовниками хоть всю жизнь.

— Ой! — оборвал себя он. — Доченька моя любимая, прости...

Фейт эти его слова застали врасплох: боли она еще и почувствовать не успела, а слезы из глаз хлынули.

— Теперь я понимаю, как все обстоит. Понимаю, как тебе тяжело. Трудно в этом жестоком мире поднимать детей.

— Пап, мне пора.

— Да, конечно, иди.

Она поцеловала его и пошла вниз по лестнице.

— Фейт! — окликнул ее он. — Ты уж приезжай поскорее, если сможешь.

— Ой, папа... — Она, спустившись на четыре ступеньки, обернулась к нему. — Не могу я приехать, пока не стану хоть немного посчастливее.

— Посчастливее! — Он ухватился за перила, попробовал заглянуть ей в глаза. Это трудно — глаза увертливые, знают, как не смотреть туда, куда не хочется. — Фейт, не будь эгоисткой, бери мальчиков и приезжай.

— Пап, они такие беспокойные.

— Привози мальчиков, дочка. Обожаю их гойские мордашки.

— Хорошо, хорошо, привезу. — Ей хотелось одного — уйти поскорее. — Обязательно привезу, папа.

Мистер Дарвин протянул к ней руку через перила, дотронулся пальцами до ее мокрой щеки. А потом надрывно застонал: — Ааааа, — словно его выворачивало наизнанку, словно крик вырвался из него помимо воли.

И прежде, чем она успела отвести взгляд от его стариковского, огорченного лица, он отпустил ее влажную руку и отвернулся.

[1]. *Западный блок — военно-политическая организация, созданная в Западной Европе в 1948 году и вошедшая в 1949 году в состав НАТО.*

[2]. *Йента — болтушка, сплетница (идиш).*

[3]. *«Иргун цваи леуми», сокращенное название «Иргун» — еврейская подпольная вооруженная организация в подмандатной Палестине. Основана в Иерусалиме в 1931 году.*

ФЕЙТ ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ

Адайн І'аеёе

Если тебе, независимому мыслителю из Западного блока^[1], есть что сказать вразумительное, не держи это в себе. Немедленно ори во весь голос. Лет через двадцать — плюс-минус годик — твои внуки будут валяться в песочницах по всему миру, приложив ухо к земле, — ловить сигналы из далекого прошлого. Да и сам ты, стоя сейчас на коленях и глотая пыль Великих равнин, что ты слышишь? Хрюкают свиньи, картофель растет, индейцы скачут, зима надвигается?

Почти каждую ночь Фейт спит, накрыв голову подушкой, вся в поту от изнурительных снов, где рокочет приливом океан, воет, ловя себя за хвост, ветер.

Все потому, что ее дед бороздил соленое море, долгие мили катился на коньках по обледеневшим берегам Балтики с мороженой селедкой в кармане. А она — вся слух — родилась на Кони-Айленде.

Кто ее предки? Разумеется, мама с папой. С кем росла? С братом и сестрой, в которых вцепится их собственное горе и тащит из жизни. Вместе — мерзкий четвероногий двуязычный гермафродит. Однако они, подтверждая свое совершенство, зла на нее не держат, всегда рады повидать и ее, и ее сыновей, взять мальчишек, что растут без отца, на пикник со своими мальчиками, сводить на прогулку, к океану, ой, да, мы были у мамы в «Детях Иудеи», она передает привет... И никогда не съехидничают, как часто бывает у братьев-сестер, мол, Фейт, от тебя не убудет — что стоит сесть в подземку и съездить...

Хоуп с Фейт и даже Чарльз (он появляется где-то раз в год проверить, как там Фейт — ведь она не умеет за себя постоять) умоляли родителей не вкладывать деньги в «Детей Иудеи» и не переезжать туда.

— Мама, — сказала Хоуп, сняв очки, — не хотела, чтобы даже стеклышко разделяло ее и мать, — мама, ну как ты уживешься с этими йентами?^[2] Там не все и по-английски говорят.

— Я до сыта по-английски наговорила, — ответила миссис Дарвин. — Если бы мне так уж нравился ваш английский, я бы в Англию переехала.

— Может, тебе в Израиль поехать? — предложил Чарльз. — Это люди хоть поняли бы.

— Вас бросить? — спросила она, и на глазах ее выступили слезы: она представила их в полном одиночестве, гибнущих под градом жизненных неурядиц, без ее заботливого присмотра.

Когда Фейт думает про маму с папой — в любом возрасте, молодыми, или обезличенно состарившимися — она видит, как они прогуливаются по берегу, смотрят светлым взглядом на белую пену волн. А потом Фейт чувствует, что ее так захватил поток всего, что даже прикидывает, не пересечь ли ей Ла-Манши да Геллеспонты или даже получить магистра по педагогике, чтобы занять наконец профессию, а не заниматься черт-те чем в этой надменной стране.

Факты бывают и полезные. Дарвины переехали на Кони-Айленд потому, что там воздух лучше. В Йорквилле, где бабушку дедушка положил среди немецких нацистов и ирландских лоботрясов, а вскоре и сам в одиночку в синей пижаме встретил смерть, дышать было нечем.

Бабушка притворялась немкой — точно так же, как Фейт притворялась американкой. Мать Фейт плевала на все это с высокой колокольни и как только оказалась на Кони-Айленде, среди своих, выучила идиш и помогала отцу Фейт, который в иностранных языках был не силен, а как только все глаголы и нужные существительные собрались у нее в голове, поклялась впредь горевать и жаловаться только на идише, и клятву эту блюдет по сей день.

С тех пор как Фейт поняла, что из-за Рикардо она будет какое-то время несчастна, родителей она посетила только однажды. Фейт и взаправду американка, воспитана она была как все: верила, что нужно стремиться к счастью.

Только, как она ни изворачивайся, она кругом несчастна. И ей стыдно за это перед родителями.

— Тебе нужна помощь, — говорит Хоуп.

— Психиатрию придумали специально для таких, как ты, Фейтфул, — говорит Чарльз.

— Жизнь коротка, златовласка моя. Я дам тебе немножко денег, — говорит отец.

— Когда же ты наконец станешь нормальным человеком? — говорит мать.

Они размышляют о важных вещах. О разделе Иерусалима, о второй мировой, об использовании атомной энергии в мирных целях (так ли уж это необходимо?); изредка до их тихой заводи докатываются легкие волны антисемитизма.

Они с отвращением смотрят на Фейт, которая среди всеобщего процветания оказалась вдруг в таком положении. Им стыдно за то, что она несчастна и не может положить этому конец.

Ну и пусть! Пусть им будет стыдно! Пусть им всем будет стыдно!

Рикардо, первый муж Фейт, был человек непростой. Он был горд и счастлив тем, что его ценят мужчины. «Мужчины меня уважают!» — говорил он. И, как это принято у тех мужчин, которых другие мужчины уважают, он был ходок. Видели, как он гонялся за какой-нибудь дамочкой на Западной Восьмой улице и сигал ради какой-нибудь киски через изгородь где-нибудь в Бедфорд-Мьюз.

Он придумывал им прозвища — обычно связанные с каким-нибудь их недостатком. Фейт он называл Лысухой, хотя она вовсе не лысая и никогда не облысеет. У нее тонкие светлые волосы, она считает, что это полностью соответствует ее почти воздушному облику: когда она собирает волосы в пучок, выбившиеся локоны обрамляют лицо и дымка оттеняет ее смущенный румянец. Сейчас он живет с полной женщиной, у которой белые пухлые руки, ее он зовет Толстухой.

В Нью-Йорке первый муж Фейт старается жить неподалеку от «Зеленого петуха», весьма популярного бара, где его знают и, когда он входит, галантно пропуская вперед свою очередную спутницу, бурно приветствуют. Он представляет даму — знакомьтесь, это Толстуха (или Лысуха). Была когда-то и Жучиха — он вытащил ее из навозной кучи, где та катала шары с барменом Расселом. Рикардо, чтобы она не превратилась в жеваную жвачку (так он выражался), поднял ее уровень, заставив взобраться на холм макулатурного чтива, и смотрел, как она, бедняга, управляется.

Жучиха до сих пор живет в самом сексуально озабоченном уголке сознания Фейт: страшная судьба, была самой что ни на есть обычной оторвой, но после того, как Рикардо помог ей пережить два

аборта и одну студеную зиму, стала алкоголичкой и настоящей — за деньги — шлюхой. Обычным вознаграждением — вечером вдвоем и поздним завтраком в выходной — она быстро перестала довольствоваться.

Жучиха была до Фейт. Рикардо согласился пару лет побыть мужем Фейт, потому что она от счастья так перестаралась, что забеременела. Почти тут же случился выкидыш, но было поздно. Выкидыш случился, когда они уже шесть недель как зарегистрировались в мэрии, и он — мог ведь быть джентльменом — отдался ее любви; среднего роста, с мощными плечами, черными как смоль волосами, сиреневыми глазами, до кончиков пальцев мужик — Фейт любому, кто готов выслушать, скажет: она любила Рикардо. Она и себя стала любить — то в себе, что хоть пару лет побуждало его на бередающие сердце ласки.

Если кто говорит: «Фейт, да о чем ты? Ну какая любовь?» — Фейт всегда возражает. Не могла она не любить Рикардо. Она родила ему двоих сыновей. Приучила их уважать его: ведь он, когда был трезв, любил их по-своему. Он часто орал, причем искренне, в «Зеленом петухе» — куда он приплетался чуть ли не на бровях, — что она родила мальчишек, только чтобы заставить его пахать с девяти до пяти.

В те бесхитростные времена, говорила Фейт, у нее и в мыслях подобного не было. В свою защиту она высказывалась публично — на детской площадке и в очереди в кассу супермаркета, — объясняла, что все эти временные работы — отличный способ выяснить, согласны ли оба супруга на такую скудную жизнь. Потому что, спрашивала она дам, которым поведала всю свою жизнь, когда же мужчине общаться с детьми, если он все время на работе? Именно так, вот в чем корень всех бед нынешних детей, соглашались дамы, которые хотели ее по-дружески поддержать, ведь они совсем не видят своих отцов.

— Мама, — сказала Фейт, когда в последний раз приезжала навестить ее в «Детях Иудей», — мы с Рикардо больше не будем жить вместе.

— Фейти! — сказала мать. — У тебя кошмарный характер. Нет-нет, ты уж послушай. Такое со многими случается. Через пару дней вернется. Все-таки у вас дети... ты просто скажи, что больше так не будешь. Это же такая мелочь. Полная ерунда. Когда он пару месяцев назад был здесь, мне показалось, что он стал гораздо лучше. Выбрось ты это из головы. Убери дом, приготовь мяса. Вели детям не шуметь или отправь их к соседям смотреть телевизор. Глазом моргнуть не успеешь, а он уже дома. Не думай ты об этом. Прическу сделай. Папа с радостью подкинет тебе денег. Ты же знаешь, мы не нищие. Только скажи, что тебе нужна помощь. И не переживай. Он завтра же придет. Вернешься домой, а он колонки у проигрывателя настраивает.

— Мам, ему же медведь на ухо наступил.

— Ой, Фейти, надо тебе половчее управляться с жизнью.

Они посидели рядом — не подымая от стыда глаз. Кто-то подергал за дверную ручку.

— Г-споди, это же Гегель-Штейн, — шепнула миссис Дарвин. — Тсс! Фейт, Гегель-Штейн не говори. Она во все свой нос сует. Так что ни словечка.

Миссис Гегель-Штейн, президент ассоциации «Бабушкины шерстяные носки» прикатила на отлично смазанной инвалидной коляске. С собой она прихватила множество разноцветной пряжи. Она была дама старая. Миссис Дарвин на самом деле старой не была. Миссис Гегель-Штейн основала свою ассоциацию, потому что нынче дети всю зиму ходят в хлопчатобумажных носках. У бабушек конечности замерзают в мгновение ока, поэтому они куда внимательнее к таким вещам, чем нынешнее поколение матерей, вечно встающих на защиту того-сего.

— Шалом, дорогая моя, — поприветствовала миссис Дарвин миссис Гегель-Штейн. — Ну, как дела? — Она решительно взялась направлять разговор.

— Ах, — ответила миссис Гегель-Штейн, — миссис Эсси Шифер отказалась участвовать — запястья болят.

— Неужели? Так пусть приходит просто с нами посидеть. В компании веселее.

— Да будет вам! Что пользы ей просто так сидеть? Фу-у, — сказала миссис Гегель-Штейн. — Прошу прощения, неужели это Фейт? Подумать только! Хоуп-то я знаю, а это и в самом деле Фейт. Смотрите, нашла-таки время навестить маму... Повезло ей, что у тебя в кои-то веки выпал свободный часок.

— Гитл, умоляю, не надо. — Мать Фейт была в ужасе. — Очень вас прошу. Фейт приходит, когда может. Она мать. У нее два сыночка. Она работает. Гитл, вы что, забыли, каково это — управляться с детьми? На первом месте кто? Детки, вот кто.

— Ну да, да, на первом. Мне ли не знать? Арчи всегда был на первом месте. Я получила на Рождество открытку из Флориды — от мистера и миссис Первых. Вы меня послушайте, дурочки. Я приехала провести лето у них за городом, там лес, река. Только никакой вентиляции, весь дом провонял термитами и собакой. Я его прошу: мистер Первый, я старая женщина, пожалейте меня, мне нужен воздух, не закрывайте вашу дверь. Прошу, прошу — в ответ ни слова. И каждый вечер в одиннадцать — ба-бах, дверь закрывают наглухо. Делов-то на десять минут, а они на всю ночь запираются. Мне будет лучше — так я им сказала — в доме престарелых. Здесь никто сквозняков не боится.

Миссис Дарвин покраснела.

— Миссис Гегель-Штейн, дайте людям пожить, как они хотят, — сказала Фейт.

Миссис Гегель-Штейн, а она неизменно знала Фейт лучше, чем Фейт знала миссис Гегель-Штейн, сказала:

— Ну ладно, ладно. Раз уж ты здесь, Фейт, давай, помогай, не ленись. Вот так. Надень моток на руки, а твоя мама смотает шерсть в клубок.

Фейт была не против помочь. Она надела пряжу на руки, а миссис Дарвин стала ее сматывать. Миссис Гегель-Штейн громким голосом давала указания, катаясь вокруг них в своем кресле и указывая на серьезные недочеты.

— Селия, Селия, — кричала она, — клубок должен быть круглый, а у тебя он квадратный. Фейт, держи руки ровнее. Так, наклони чуть-чуть. У тебя что, ДЦП?

— Еще пряжи, еще, — сказала миссис Дарвин, отправляя готовый клубок в пакет. Они трудились как пчелки и болтали о жизнях и жизни. Они работали. Они узнавали друг от друга о насущном и выглядели воодушевленными — как кибуцники.

Дверь в комнату мистера и миссис Дарвин оставалась открытой. Мимо проходили бородатые старики со сцепленными за спиной руками — остатки воинства Г-споднего. Утренние газеты они засовывали под матрац, а ввиду печальных текущих событий спешили в синагогу Иудеи на шестом этаже, откуда им было проще общаться с Б-гом. Дамы цеплялись за свои палки, суставы у них не гнулись. Они стучали в открытую дверь и говорили:

— Ой, вы заняты...

Или:

— Миссис Гегель-Штейн, когда ж вы отдыхаете?

К матери Фейт, вице-президенту Ассоциации, почти не обращались.

Хоуп ее укоряла:

— Мама, тебе всего шестьдесят пять. А выглядишь ты вообще на пятьдесят пять.

— Молодость, она в душе, Хоупи. Я чувствую себя старше нашей бабушки. Так уж я устроена. Вот папе почти семьдесят, он заслужил отдых. Наше преимущество в том, что мы сравнительно молоды, успеем приспособиться. А когда станем старыми и немощными, уже будем здесь как дома.

— Мама, к тебе все будут относиться с подозрением, ты будешь чужой, наживешь себе врагов.

Хоуп в детстве часто отправляли в лагеря, она отлично знала, что такое жизнь в коллективе.

Мать сидела напротив Фейт и сматывала бирюзовую пряжу в бирюзовые клубки. Фейт, держа пряжу на вытянутых руках, покачивалась взад-вперед. Ее дочерние чувства оскорбляло то, что в этом регламентированном мире нужно подстраиваться под миссис Гегель-Штейн, восхищаться ей, угождать.

— Ну, мам, какие новости? — спросила Фейт. Она решила немного отвлечься, пока тень Рикардо не нависла над ней.

— Да ничего особенного, — сказала миссис Дарвин.

— Ничего особенного? — переспросила миссис Гегель-Штейн. — Я не ослышалась? Ты же сегодня получила письмо от Словинских. Селия, у тебя аж сердце зашлось, и ты хочешь скрыть это от невинной детки Фейт? Малышка Фейт! Тсс! Не надо рассказывать этого детям? Ха!

— Гитл, я вас настоятельно прошу. У меня на это свои причины. Настоятельно прошу, не суйтесь в это. Гитл, я очень прошу, не педалируйте. Мне на эту тему сказать считать нечего.

— Идиоты! — хрипло прошипела миссис Гегель-Штейн.

— Мама, ты правда получила письмо от Словинских? Знаешь, меня всегда тянуло к Тесси. Помнишь, как мы с Тесси играли в детстве? Она мне очень нравилась. Я никогда к ней плохо не относилась. — Фейт почему-то обратилась к миссис Гегель-Штейн: — Она была такая красивая девочка.

— Ну да, красивая. Юная и красивая. Давно это было. Естественно. Селия, что ж ты перестала мотать? Вечером у нас собрание. Расскажи Фейти про ее подружку Словински. Слишком уж Фейт избалована своей жизнью.

— Гитл, я же сказала, заткнитесь! — сказала миссис Дарвин. — Заткнитесь!

(И тут все заинтересованные лица вспомнили дорогой сердцу эпизод. Однажды днем в субботу полицейский, топавший за мистером Дарвином с дубинкой, арестовал его. Мистер Дарвин распространял листовки школы Шолом-Алейхема и заспорил со своим троюродным братом — они разошлись во мнениях относительно прошлого и будущего. На листовках было написано на идише: «Родители! Дитя спрашивает вас: “Папа, мама, что такое сегодня быть евреем?”» Миссис Дарвин наблюдала за ними со скамейки, где сидела с полной сумкой листовок. Полицейский наорал на мистера и миссис Дарвин и на троюродного брата за то, что ходят где не положено. И тогда мать Фейт с таким прононсом, какого теперь и не услышишь, — можно подумать она только-только сошла с «Мэйфлауэра», — сказала ему: «Заткнись, казак!» «Видите ли, — объяснял мистер Дарвин, — у евреев слово “заткнись” считается очень грубым, грязным ругательством, какое и произносить грешно, потому что в начале, если я правильно помню, было слово. Так что это звучит оскорбительно. Понятно?»)

— Селия, если ты тут же все не расскажешь, я сейчас уеду и приеду очень нескоро. Жизнь есть жизнь. Нынче всех слишком балуют.

— Мама, мне про Тесс все интересно. Расскажи, ну пожалуйста, — попросила Фейт. — Если ты не расскажешь, я позвоню Хоуп, она мне расскажет.

— Вот упрямые! — сказала миссис Дарвин. — Ну ладно. Тесс Словински. Про первую трагедию ты, Фейт, знаешь? Первой трагедией было то, что она родила чудовище. Настоящее чудовище. Ребенка никто не видел. Его отдали в приют. Ну ладно. Потом второй ребенок. У него оказалась аллергия почти на все. От апельсинового сока он покрывался сыпью. От молока начинал задыхаться. За городом у него слезились глаза. Ну ладно. Потом у ее мужа — очень милый мальчик, Арнольд Левер — нашли рак. Отрезали ему палец. Стало хуже. Отрезали руку. Не помогло. Милому мальчику, Фейт, пришел конец. Вот такое письмо я получила сегодня утром, как раз перед твоим приходом.

Миссис Дарвин замолчала. Потом посмотрела на миссис Гегель-Штейн и Фейт.

— Он был единственный сын, — сказала она.

— Говоришь, единственный сын? — выдохнула миссис Гегель-Штейн. По морщинистым щекам покатались слезы. Но слезы покатались прямо к ушам и застыли на мочках капельками росы — так она причудливо улыбалась все свои семьдесят семь лет.

Фейт смотрела, как она плачет, совершенно равнодушно. И тут ей пришла в голову дикая мысль. Она подумала, что, если бы Рикардо потерял, например, ногу, он бы никуда не ушел. Это ее немного приободрило, но ненадолго.

— Ой, мама, мама... Тесс и не догадывалась, что ей уготовано. Мы с ней играли в дочки-матери, а она и не догадывалась.

— А кто догадывается? — завизжала миссис Гегель-Штейн. — Арчи сейчас залег у себя во Флориде. Греется на солнышке. Он разве догадывается?

Миссис Гегель-Штейн тронула сердце Фейт. Разбередила ей душу. Она выдавливала свое горе так, словно это яд, хоть и наименее опасный из всех.

И тем не менее первой приняла эту новость как данность именно миссис Гегель-Штейн.

Слезы ее высохли, и она спросила:

— А что Брауны? Старик Браун, их дядя, полный идиот, состоял в «Иргуне»^[3], так он здесь.

— Джун Браун? — спросила Фейт. — Вы о моей подруге Джун Браун? С Брайтон-Бич-авеню? Вы про этих Браунов?

— Разумеется, только там все не так плохо, — сказала миссис Дарвин, потихоньку воодушевляясь. — Муж Джун — авиаинженер. Очень серьезный парень. Папа его до сих пор терпеть не может. Он в своей компании был на самой верхушке. Они купили дом в Хантингтон-Харбор, с катером, гаражом, гаражом для катера. Выглядела она потрясающе. Трое сыновей. Все умницы. Муж играл в гольф с вице-президентом, гоем. Будущее — лучше и пожелать нельзя. Она буквально все успевала. И вот однажды утром просыпаются... Кругом мрак. Кто-то что-то сказал — про то, про се. (Я говорила, что он был на самом верху, где все деньги?) Через сорок восемь часов он в черном списке. Прощай, Хантингтон-Харбор. Теперь все они живут с Браунами в четырех комнатах. Стариков жалко.

— Какой ужас, мама! — воскликнула Фейт. — У всей страны что-нибудь да плохо.

— И все же, Фейт, времена меняются. Это необычная страна. Можешь пять раз объехать весь земной шар, второй такой не найдешь. То она на подъеме, то на спаде. Так странно.

— Ну, мам, что еще? — спросила Фейт. История Джун Браун ее несколько не огорчила. Что Джун Браун знает про боль? Погружаешься в морскую пучину, так будь готова пойти ко дну. Фейт была уверена, что Джун Браун и ее муж, как там его, запустили руку в карман американской авиапромышленности, нахватили всяких подачек, ну им и перекрыли кислород — ей-то что.

— Так что еще, мама? Как насчет Аниты Франклин? С ней что? Б-же мой, она в школе была такая бойкая. По ней все старшекласники с ума сходили. Грудастая такая. Помнишь ее, у нее еще месячные пришли, когда ей и десяти лет не было? Ты хорошо знала ее мать. Вы с ней вечно что-то вместе затевали, с миссис Франклин. Мама!

— Ты точно хочешь про это знать? Тебе плохо не станет? — Она уже вошла во вкус, но эту историю ей особо не хотелось рассказывать. Впрочем, Фейт она предупредила. — Ну ладно. Так вот, Анита Франклин. Анита Франклин тоже ни о чем не догадывалась. Помнишь, она вышла замуж, задолго до того, как поженились вы с Рикардо, за красавчика из Гарварда? Гитл, вы и представить не можете, какие на нее возлагали надежды мать с отцом! Артур Маццано, из сефардов. Жили они в Бостоне, общались с умнейшими людьми. Преподаватели, врачи — самые сливки. Ученые-историки, американские интеллектуалы. Ой, Фейти, дорогая... Они меня несколько раз приглашали. На Рождество, на Пасху. Я видела их деток. Все такие светленькие — ты, Фейт, была такой же. У него было чуть ли не две докторские степени — в разных областях. Если у кого были вопросы — из любой области — обращались к Артуру. Ребенок у них пошел в восемь месяцев. Я своими глазами видела. Он писал статьи в еврейские журналы, о которых вы, Гитл, даже не слыхивали. И вот однажды Анита узнает из самых надежных источников, что он путается с первокурсницами. С несовершеннолетними. Все вмиг попало в газеты, дошло до суда, говорили кто что — кто да, кто нет, мол, он только флиртовал — ну, как мужчины флиртуют с молоденькими девушками. Но оказалось, что одна из этих дурочек забеременела.

— Ох уж эти испанцы! — задумчиво сказала миссис Гегель-Штейн. — Не любят они своих жен как следует. Женятся, только если выгодно.

Фейт опустила голову — ей было жалко Аниту Франклин, из которой в неполных десять лет хлынула кровь, что вселило надежду в озабоченные головы девочек из пятого и шестого классов. Анита Франклин, мысленно произнесла она, думаешь, ты справишься с этим в одиночку? Как ты спишь по ночам, Анита Франклин, самая сексуальная девочка средней школы Нью-Утрехта? Каково тебе теперь, когда тебя уже не ласкает сефард Артур Маццано, блестящий ученый и преподаватель? Теперь на тебя навалилось время, а не светловолосый красавец Артур, и его трепетные бойскаутские пальцы больше тебя не ласкают.

В этот самый миг мрачная тень Рикардо зависла над ней, ткнула ее пальцем в левый глаз, и всему миру открылось, сколь хрупка ее броня. У нее на щеках можно было хоть рис выращивать — слезы, которые она сдерживала столько часов, брызнули из глаз и полились потоками. Фейт, склонив голову, рыдала о себе и об Аните Франклин.

— Уже уходишь, Фейт? — спросил отец. Он сунул свою такую родную птичью голову в залитую солнечным светом комнату, посмотрел на дочь бледными выпученными глазами. Красавцем его никак не назовешь. Он урод. Фейт не раз благодарила бога эмбрионов и богиню генов, а также всех повелителей нуклеиновой кислоты, что из троих детей ни один на него не похож, даже Чарльз, для которого это было бы без разницы, потому что при таком росте лицо уже не так важно. В них во всех есть что-то

тевтонское — как в бабушке, которая считает себя немкой: они светловолосые, с правильными чертами, и у Чарльза внушительный подбородок. Из-за этого подбородка все ждут от Чарльза решительных шагов, и он их предпринимает — умело ставит диагноз, находит единственно верное лечение, за которым следует скорейшее выздоровление. Даже его опытниейшие коллеги часто отправляют своих жен с проблемами ниже живота к Чарльзу. Он прославится еще при жизни. Мистер Дарвин надеется, что он прославится скоро, потому что в этой семье долго не живут.

Так вот, отец Фейт, пучеглазый, с крючковатым бледным носом, заглянув в комнату и попав под атаку послеполуденного солнца, увидел только, что Фейт пошла к шкафу, где висел ее жакет, а ни слез, ни прикушенных губ не разглядел.

— Фейти, если тебе действительно пора, я тебя провожу. Радость моя, я так давно тебя не видел, — сказал он. Ждать ее он отступил в коридор — чтобы не подпасть под магнетическую власть миссис Гегель-Штейн.

Фейт поцеловала мать, и та шепнула ей в мокрое ухо:

— Возьми себя в руки, не будь размазней. Тебе двоих детей поднимать.

Она поцеловала и миссис Гегель-Штейн, потому что ее так воспитали — не обижать никого, особенно тех, кого терпеть не можешь и кто старше.

Фейт с отцом молча прошли светло-зелеными коридорами в холл, где бурлила жизнь: цветущие, хорошо одетые родственники продолжали прибывать — посидеть минут по двадцать со своими уже никчемными стариками. Рядом со справочной шли жаркие споры о судьбах евреев в России. Фейт не обращала ни на что внимания — она, часто дыша, шагала к двери. Старалась идти впереди отца — требовалось время, чтобы согнать с лица тоску.

— Не торопись так, радость моя, — попросил он. — Не беги. Я, конечно, не такой, как эти старые развалины, но я и не мальчик.

Он галантно взял ее под руку.

— Ну, что хорошего? — спросил он. — Впрочем, если новостей нет, это уже неплохо, так ведь?

— Привет, Чак! — крикнул он, когда они выходили из ворот, на которых сварщик изобразил витую надпись «Дети Иудеи». — Чак-чак, — сказал отец, крепче сжав ее локоть, — разве это имя для взрослого мужчины?

Она обернулась к нему, широко улыбнулась. Он заслуживал широченной, но на такую она была неспособна.

— Фейт, знаешь, я сочинил стихи и очень хочу их тебе прочитать. Я написал их на идише, но тебе переведу.

Ààò ò àí ì ðí òí àè ò

Þ í ì ò ù ì ðí òí àè ò

Ì ðí òí àè ò è ð à è ì ò ù

Ì ðí òí àè ò ò à ð ì ò ù

Ñ ÷ à à à ù à ç ý è è, à ì ÷ è è ì ì è,

× ò ì ò à ð ì ò ù — ý ò ì ì à ÷ ò ì è ì ì à?

— Что скажешь, Фейт? У тебя такая прорва знакомых художников и писателей.

— Что я скажу? Папа... — Она остановилась. — Ты великолепен. Это как псалом Давида, но в японском стиле.

— Считаешь, неплохо получилось?

— Папа, я в восторге. Это великолепно.

— Знаешь... я ведь могу, если тебе правда понравилось, плюнуть на всю эту политику. Я сейчас никак не могу определиться. У меня сейчас переходный период. Фейти, ты только не смейся. Когда-нибудь и с тобой такое случится. Учись на опыте. На моем. Я вот собирался как-то помочь всяким охранникам, лифтерам, они же не хотят оставаться на дне. Да вот боюсь, выберутся оттуда они уже не при моей жизни.. Думаю, все это из-за войны. Фейт, что скажешь? Из-за войны евреи стали американцами, а негры заняли место евреев. Ха-ха-ха. Как тебе такое название статьи: «Негры. Наконец наизнанку»?

— Кажется, у кого-то было нечто похожее.

— Точно? Да это просто витает в воздухе. Ты не представляешь, сколько у меня идей! А поделиться толком не с кем. Я очень привык к твоей матери, Фейти, только она стала такая странная. Мы раньше были так близки. Не пойми неправильно, у нас и сейчас отношения хорошие, только вот что странно: она в последнее время предпочитает общество женщин. Обожает общаться с этой психованной, с манией величия, параноидальной миссис Гегель-Штейн. Я ее терпеть не могу. Да ни один мужчина такую терпеть не станет. Однако замуж она каким-то образом вышла. Твоя мать говорит: Сид, ты с ней повежливее, и я с ней повежливее. Я всегда питал слабость к женщинам, но миссис Гегель-Штейн стучит к нам в дверь в девять утра, и до обеда я один как перст. Она просто какая-то колдунья. И нарочно смазывает колеса своего кресла, чтобы подглядывать да подслушивать. Да инвалидные кресла всегда за версту слышно, а ее — нет! Доченька, поверь, что твоя мать в ней нашла — загадка из загадок! Как бы поточнее выразиться? Эту женщину лучшим умам планеты не раскусить. И жизнь она отравить может тоже всей планете.

Они подошли ко входу в подземку.

— Пап, ну, мне пора. Я мальчиков оставила у приятельницы.

Он прикрыл рот рукой. И рассмеялся.

— Ах, совсем я тебя заболтал...

— Да что ты, папа! Я очень люблю с тобой разговаривать, просто мальчиков надо забрать.

— Я знаю, Фейт, каково это, когда дети маленькие и ты связан по рукам и ногам. Мы сколько лет никуда сходить не могли. Я только на собрания выбирался, больше никуда. Никогда не любил без твоей мамы в кино ходить, развлекаться в одиночку. А бэбиситтеров в те времена не было. Гениальное

изобретение, эти бэбиситтеры. Как они появились — так теперь супруги могут оставаться любовниками хоть всю жизнь.

— Ой! — оборвал себя он. — Доченька моя любимая, прости...

Фейт эти его слова застали врасплох: боли она еще и почувствовать не успела, а слезы из глаз хлынули.

— Теперь я понимаю, как все обстоит. Понимаю, как тебе тяжело. Трудно в этом жестоком мире поднимать детей.

— Пап, мне пора.

— Да, конечно, иди.

Она поцеловала его и пошла вниз по лестнице.

— Фейт! — окликнул ее он. — Ты уж приезжай поскорее, если сможешь.

— Ой, папа... — Она, спустившись на четыре ступеньки, обернулась к нему. — Не могу я приехать, пока не стану хоть немного посчастливее.

— Посчастливее! — Он ухватился за перила, попробовал заглянуть ей в глаза. Это трудно — глаза увертливые, знают, как не смотреть туда, куда не хочется. — Фейт, не будь эгоисткой, бери мальчиков и приезжай.

— Пап, они такие беспокойные.

— Привози мальчиков, дочка. Обожаю их гойские мордашки.

— Хорошо, хорошо, привезу. — Ей хотелось одного — уйти поскорее. — Обязательно привезу, папа.

Мистер Дарвин протянул к ней руку через перила, дотронулся пальцами до ее мокрой щеки. А потом надрывно застонал: — Ааааа, — словно его выворачивало наизнанку, словно крик вырвался из него помимо воли.

И прежде, чем она успела отвести взгляд от его стариковского, огорченного лица, он отпустил ее влажную руку и отвернулся.

Í adará nái áééféá Áadú Í óíóíáé

[1]. *Западный блок — военно-политическая организация, созданная в Западной Европе в 1948 году и вошедшая в 1949 году в состав НАТО.*

[2]. *Йента — болтушка, сплетница (идиш).*

[3]. *«Иргун цваи леуми», сокращенное название «Иргун» — еврейская подпольная вооруженная организация в подмандатной Палестине. Основана в Иерусалиме в 1931 году.*

ИСТОРИЯ ПРО МИШУ, ДАНЮ И БУМАЖНОГО ЗМЕЯ

Nāōēāī à Ōāī āōī ī

Ā āōōēēēēī ēēēāīāāōā Īīāīē āā īōēōīāēōīy īā īīāīū Ā āōāīīīōē āōīāīēēō ēēōāēēē āūēī īāīīā, āīēīōēīīōāī īāīēēēēy çāīēīāēīīū īīēīīēēī ōīçēīōāīī. Īīāīy çāēāī+ēāēēēīī īīēāāīā āāīōū, ōōīāēēē āūē īāāāī, īāāçāī ā āī āāōū ē çāīīīāī ā çāēōīī ā Ēēāē ē çāī ēy ī īāēē īōāīōīōōū Īāçūī āāōīy, ōīīāōīīā çāāāōōāī ēā āāā īēāāīāēēī īōīōāçāīīāōū

Īī īā ōīēēēī īōīōāçāīīāōū ā āūā ē īōēīīī īēōū ēāē āūē īōīāēō ōōīāyīēēē āā ×ōī āūēī īāēēāīī īōāēēēīī ē ōīōīōī, ā ÷ōī ē īā ī:āīū Ā-ā çāēēp+ēē īīpç ū Ēçōāēēāī, īōēçāē āāōēēēēē īāōīā Nāīēī īāāāīōāī, ēīīīēīēōāēāī Ā-āāīōāāīīē āīēē īā çāī ēā, ē ōāī īāī ūī āīçēīāēēē īā īāī āēēēēōp īōāāōīōāāīīīōū

Īāōāīā āāyōū āīāē īīāīā āāā īāçāīāpōīy Bī ēī īīōāēī — Āōīçīūāāīē. Ā çōī āāī y ī ū āīēēā ÷āī ēīāā-ēēāī īūōīāāī īā īīāā āçāyā Ā-āā Īōāīēāy īāīē īīīōōīēē, ī ū īāāīāāī ā āōāōīāī īōāōūēē:ōā īīōāāīēēāī, āīāāīā ē āīāāīā īīī īēōūī çāīīāāyō Ōīōū. Āāāū ēīīīēīāī ēā çōēō çāīīāāīāē īōēāēēāāō īāīē Ā-āī

Āāyōūē ēç Āōīçīūō āīāē — Ēīī Ēēīōā, Nōāīūē āāīū — īāī ūē āēāīūē ā āāā Ā çōīō āāī ū īīōāāyāōīy īīāīāā ēāēāīā ÷āēīāēēā Ā-āī ēēīīōēā ē āīēē ī ū ēīēōāīīā āāēāēāāī īy ā īāīēō āāāāō ē īōēāēāō. Īī āōīāīōīīōēōūīāī Īīyōīī ō āāōyō, ÷ōī ā Nōāīūē āāīū Ā-āī āōīāāēēāāōīy ū īōāīōīēā Nōāīā īā īōāīōīē Īōīāīēy.

Все началось с того, что Миша и его лучший друг Даня решили смастерить бумажного змея. Сказано — сделано. Замечательный вышел змей, настоящий красавец: половина синяя, половина белая и длинный пушистый голубой хвост.

Мише и Дане, конечно, очень хотелось посмотреть, как их змей будет летать, но потом они все-таки решили отложить это дело до Рош а-Шана. Так на иврите называется Новый год. Взрослые пойдут в

синагогу, ребята соберутся на детской площадке возле синагоги, тут-то они и запустят своего змея. Пускай кружит в небе над синагогой всем на удивление!

Даня заявил, что это он будет держать змея за веревку, потому что его папа помог им закрепить замечательного змея на деревянных планочках. Но Миша не согласился. «Так нечестно, — сказал он, — я тоже мастерил и раскрашивал змея и приклеивал ему хвост. Я тоже имею право тащить его за веревку». Тут они немного поспорили, Даня сказал: ладно, я буду первым держать за веревку, а ты потом. Но Миша не захотел быть вторым.

— Тогда вообще не получишь! — сказал Даня.

— Тогда и ты не получишь! — разозлился Миша и так дернул змея за хвост, что хвост оторвался вместе с куском бумаги.

Миша чуть не заплакал, бросил хвост и убежал домой, а порванный змей остался у Дани.

Дома Миша нашел своего старенького плюшевого медвежонка и рассказал ему, какой Даня нечестный друг. Вообще-то Миша уже не играет с медвежонком, потому что он большой мальчик, но все-таки медвежонку разрешается иногда спать в Мишиной постели. И медвежонок, уткнувшись в подушку, шепнул потихоньку:

— А ты сделай другого змея.

Миша подумал и решил, что медвежонок прав. Что ему стоит сделать еще одного змея? Его змей будет даже лучше, чем тот, которого он сломал.

Сказано — сделано. Замечательный вышел змей, настоящий красавец: половина красная, половина белая и длинный пушистый розовый хвост. Ну и папа немножко помог Мише закрепить этого замечательного змея на деревянных планочках.

В Рош а-Шана Миша пришел к синагоге со своим красно-белым змеем, а Даня — с бело-голубым. Наверно, они с папой починили того змея. Даня запустил своего змея, и тот взмыл под самые небеса. Миша тоже запустил своего змея, но тот кувырнулся разок-другой, покачался с боку на бок, сделал в воздухе небольшой круг и уткнулся носом в землю. А потом перевернулся и угодил прямо в лужу. И все ребята засмеялись. А Даня закричал:

— Мой змей летит, а твой на брюхе ползет!

И тут Миша, конечно, не выдержал, догнал своего бывшего друга и с разбегу так толкнул его, что тот полетел кувырком на землю не хуже Мишиного змея. И выпустил веревку. А бело-голубой змей только того и ждал — упорхнул в поднебесье и не вернулся.

Ты и сам догадываешься, что было дальше.

Ночью Миша долго не мог уснуть, очень уж ему было досадно и обидно. А когда наконец уснул, то увидел сон.

Ему приснилось, как будто он идет к синагоге искать своего несчастного, плавающего в луже змея. Но нигде не находит. Зато на стене синагоги вдруг вспыхивает чудесное сияние. Миша подходит поближе и видит, что в стене открылась небольшая дверца, а из нее льется удивительный волшебный свет. Он хочет шагнуть навстречу этому дивному свету, но дверца становится ниже и уже, и печальный голос за ней говорит: «Нет, Миша, ты не можешь войти сюда. Сюда можно войти только вдвоем с другом, это ворота дружбы». «Нет у меня никакого друга! — говорит Миша. — Мой друг — он мне больше не друг, он дурак и обманщик. Я с ним больше не вожусь!» «А все-таки попробуйте помириться», — посоветовал голос. «Как, как я могу помириться с ним? — возмутился Миша. — После всего, что он мне сделал!» «Но и ты ведь тоже был немножко не прав», — сказал голос, и тут Миша проснулся.

Проснулся и стал думать: в чем же я был не прав? В том, что толкнул его? Да я еще мало ему напощал! Нужно было как следует его отколошматить!

На следующий день он подумал: может, я был не прав, когда разорвал нашего первого змея?.. Но ведь половина была моя... Я просто хотел забрать свою половину.

А еще через день он вспомнил, что скоро Йом Кипур, и до его наступления следует попросить прощения у всех, кого ты обидел. Иначе наступающий год будет не добрым и сладким, а злым и горьким. Но, во-первых, Даня даже хуже обидел его, а во-вторых, просить прощения — это так противно...

Потом Миша подумал: хорошо, так и быть, пойду попрошу у него прощения. А вдруг он не простит меня? Что тогда?

И тут он услышал, что кто-то стучится в дверь. Представь себе: за дверью стоял Даня. Как только Миша открыл ему, Даня сразу выпалил:

— Прости меня, что я смеялся над тобой!

— Это ты прости меня, что я толкнул тебя! — сказал Миша.

И они, конечно, тут же простили друг другу все обиды и снова стали лучшими друзьями.

А вечером в Йом Кипур вместе пошли к синагоге. Никакой таинственной дверцы в стене Миша не обнаружил, но зато когда они вошли внутрь здания и услышали величественную и нежную мелодию молитвы Коль нидрей, на душе у них стало так хорошо и радостно, как будто они на самом деле вошли в сияющие золотым светом ворота милосердия и дружбы.

В ближайшее время в серии «Кешет / Радуга» издательство «Текст / Книжники» выпускает в свет книгу Светланы Шенбрунн «История про Мишу, Даню и бумажного змея».

СЕДЬМОЙ РОМАН МЕИРА ШАЛЕВА

Ádeai Éadeá

Á mādai áifé eḡaeéuḡé eēḡadaḡḡá Íaēḡ Óaēáá ḡáei áaḡ íḡáaéuḡá í áḡḡí. Íaḡḡeḡéí íḡáaéuḡá, ḡḡí áaḡ íḡáaéuḡé eḡaeéuḡé eēḡadaḡḡḡí í íaéí áuḡéí áu áaḡá é íaḡeḡeḡí Éaé íaḡḡáei íḡí í ú ḡáaé áḡaḡ eḡeḡí aḡeḡeḡé íeḡaḡáaé íaḡéí eēḡuÁaáḡeḡeai Áaḡḡeá Í aḡeáḡí.

Óaēáá í ḡeíḡḡí ḡáaí eáḡḡí ḡí Í aḡeáḡí, é áaḡḡáeḡáeḡí ó íeḡ í ííá íaḡáá: ḡḡáaí eá ḡáḡáaííé ḡíaéíé íeḡeííaé, íḡáaḡaḡaíeá íḡáeíḡeáeḡíá á ííe-áḡeíá, áuḡíáíá — á í áaḡ-áḡeíá, áuḡíá ḡáeḡeíáíeá áḡáí aḡé íaí ḡḡḡḡ. Óaí ía í aḡáí íḡí Óaēáá íaéḡḡ ḡeáḡḡḡḡ ḡḡí íí «eḡaeéuḡeé Í aḡeáḡí», íḡḡí ḡḡḡḡ, áḡíáḡáeḡeḡíá íeá-é aḡáí ḡá, íí ííḡáé áaḡeḡá áḡaḡáí áaḡeḡá. Á ḡeá íí áaḡeḡḡ Óaíáḡ, á ḡáaḡ ḡeḡéí áaḡ í aḡíé ía íḡeḡ, eḡáaé, íaḡeḡí úḡ é íḡí-ḡḡ aḡeáí íḡḡí Íeḡaḡáeḡ-áaḡáaííeé, ḡḡáeḡ é áuḡeḡá, íḡḡḡḡíá é áaḡeḡ-ḡaḡeíeé. «B ííḡáḡeḡḡ ḡáaí áuḡḡí íḡeḡḡáííuḡí ḡíeḡeíí ḡḡ-áeḡéí é. Éí ḡííáaḡḡḡ ḡáḡḡ ḡáí ḡḡ íḡeḡḡáí íḡḡ eḡáeḡ».

Á í íḡáá Í aḡáeḡeḡí 194ḡ-á ḡááú

Все его романы написаны от первого лица. На Востоке рассказчик — это профессия, и Шалев, стремясь, чтобы все фокусы были честными, щедро делится с читателями секретами мастерства. Откуда берутся истории? Они берутся из памяти и воображения. Шалев играет с памятью — своей и чужой. В одном романе герой с детства подслушивает, собирая истории; в другом — опирается на память сестры, признаваясь: «Слова и факты протекают сквозь меня, словно медяки сквозь дырявый карман. Зачем помнить

то, что можно придумать? Но запахи и картины, но вкусы и прикосновения — эти врезаны в меня, как надпись в надгробный камень».

Свой первый роман под названием «Русский роман» Шалев представил читателям в 1988 году. Ничего подобного в литературе — не только израильской, но и мировой — не случилось с момента появления «Ста лет одиночества», написанных за 21 год до этого.

Действие происходит главным образом в мошаве Нахалаль, реально существующем на карте Израиля населенном пункте, где автор, собственно, и рос. Будучи чрезвычайно благодарным читателем, я все же не стал совершать в Нахалаль паломничество. Было бы наивно питать надежду обнаружить там что-нибудь или кого-нибудь из того мира, который описан в романе. Все прототипы уже умерли, все дома перестроены, вряд ли сохранилась даже та водонапорная башня, с которой на первой странице неуловимый любовник кричал: «Я трахнул дочку Либерзона!»

Если посмотреть на «Русский роман» глазами одного из идеологических лицемеров и социалистических ханжей, которые в изрядном количестве выведены на его страницах, то Шалев написал возмутительную сатиру на первых (а заодно на вторых и третьих) еврейских поселенцев — тех самых, которые строили бараки и осушали болота. Собственно, сама фабула «Русского романа» может показаться кошунственной: дедушка рассказчика завещает похоронить себя не на кладбище, а в саду собственного дома, намереваясь таким образом отомстить деревне за нанесенную ему когда-то обиду. Мечь удастся на славу. Внук начинает хоронить в саду всех, кто когда-либо жил в мошаве и принадлежит к первому поколению поселенцев. Места на «Кладбище пионеров» покупают за бешеные деньги старики и старухи, которые в молодости, не выдержав непосильного труда, сбежали из Нахалала в Тель-Авив или Америку. Деревня возмущена, но ничего не может поделать. Разбогатец, герой покидает ее. Впрочем, не только он.

Шалев заботливо следит за тем, чтобы все актеры по окончании действия покинули сцену. Кто не смылся загодя, если и выживает, то только чудом. Даже сам рассказчик часто находится в группе повышенного риска. Держа жизнь за руку, смерть свободно разгуливает по романам Шалева с первой страницы до последней, выкашивая людей, как в греческой трагедии. Чем дольше тот или иной персонаж продержался в повествовании, тем значительнее его кончина. Все по справедливости, и есть над кем лить очистительные слезы.

Есть, есть над кем! Потому что о каждом мы успели услышать такое количество историй, анекдотов и сплетен, какого не слышали о своей родной тете. Шалев, бытописатель прошлого и изобретатель новейших литературных технологий, дорисовывает героев на протяжении всей их нелегкой жизни, дополняя новыми чертами, мыслями, болью.

Метод, который изобрел Шалев, я назову, за неимением лучшего термина, «голографической литературой». Эффект достигается за счет того, что на протяжении всего неторопливого на первый взгляд повествования автор, как иголка в швейной машинке, мечется между прошлым, настоящим и future-in-the-past, и все три времени незаметно для читателя оказываются намертво сшитыми суровой нитью судьбы. Намеки, указания и предсказания того, что произойдет на странице 447 можно обнаружить на страницах 8, 17, 23 и далее вплоть до страницы 412. Откройте наугад любую из книг Шалева, прочтите с полглавы, и вы, хоть и на скорую руку, познакомитесь со всеми ее обитателями, узнаете, кто кого любит и кто кого ненавидит, что было и что будет, однако останетесь в таком же неведении относительно финала, как и читатель, подобравшийся к нему через всю толщу романа. Время у Шалева — греческое, кольцевое, держащее курс на Итаку. Но, как сказал совсем другой автор: «В наш век на Итаку ведут по этапу». Мучительный этап продолжается ровно столько, сколько нужно, чтобы рассказать все истории или ответить на почти все вопросы женщины, к которой обращено повествование. «Я кончаю, потому что я так или иначе ответил тебе на большинство твоих вопросов».

Гетеросексуальный писатель, как правило, выбирает мысленным адресатом женщину — реальную или воображаемую. Она вовсе не обязательно должна быть его возлюбленной. Роман «В доме своем в пустыне» обращен к сестре, которая сама присутствует в романе и, кроме того что поддерживает худую память рассказчика, создает вдобавок некий противовес четырем женщинам старшего поколения — бабушке, маме, черной тете и рыжей тете. В этом романе Шалев поставил один из самых дерзких своих экспериментов, приговорив героя быть возвращенным пятью женщинами в доме, где нет других мужчин, кроме него самого, потому что все мужчины в их роду погибают дурацкой смертью в самом расцвете сил. Герою 52 года, он возмутительно старше покойных дедушки, отца и дядей, и бабушка, дожившая до ста одного, обещает ему, что не покинет этот мир, пока не увидит его похороны. «Когда ты уже умрешь, Рафинька?»

Еврейский юмор и самоирония — вот тот трамплин, с которого Шалев прыгнул выше Маркеса. Еврей пролез в «Любовь во время холеры», прокрался в «Сто лет одиночества». Притаранил свою Сказку Сказок и смех сквозь слезы. Интересно, если бы Габриэль Гарсиа вырос не в Колумбии, а в Израиле, что бы он написал? Впрочем, на этот вопрос есть ответ, который в переводе с идиша звучит так: «Если бы у бабушки были яйца, она была бы дедушкой».

Но кроме шуток израильские писатели располагают еще и таким мощным орудием, как Танах, идущий в одном пакете с Землей Израиля. Поколение первой алии шагало по Изреэльской долине, нажимая одной рукой на плуг и сжимая Библию другой. Про Шалева, приходящегося первой алии внуком, можно сказать то же самое, но уже в фигуральном смысле. Бабушке и дедушке Танах дал право на эту землю, внуку — право писать об этой земле на возрожденном иврите.

«У нее было твердое русское “р”, глубокие влажные “л”. Когда-то все отцы-основатели говорили так, но воздух Страны разбавил густую слюну в их ртах, приподнял их нёба и расширил горла». Все верно — разбавил и расширил, но произошло это в третьем поколении. Даже у второго слюна была еще густовата, и музыка в их языке появлялась, только когда они пели. Возрожденный иврит требовал больше игр, больше легкости, больше носителей.

Современный язык, как и общество, существует в рамках нации, и для здорового развития ему необходимы флаг, армия и флот. 29 ноября 1947 года, почти за год до рождения Шалева, Генеральная Ассамблея ООН проголосовала за создание Государства Израиль. А через несколько месяцев после того, как Меир родился, окончилась победой Война за независимость, которую называют также Войной за выживание. У иврита теперь было не только богатое славное прошлое, но и уверенный взгляд в будущее.

Что такое писатель-классик? Это писатель, которого с живым интересом будут читать следующие поколения. Шалева потомки читать, безусловно, будут, и мне даже трудно себе представить то будущее, в котором он перестанет быть востребованным. В этом будущем либо нет литературы, либо кончился спрос на истории любви, что для нас, сегодняшних, непостижимо.

Рассуждая за рамками своей прозы о современном иврите, Шалев отмечает разнообразие нажитых языком пластов, от Танаха до городского сленга. Про себя самого он утверждает, что пользуется «высоким стилем». Русского читателя такая самооценка должна приводить в некоторое замешательство, потому что он держит в руках безупречно европейский роман, написанный насыщенным и точным языком, в то время как «высокий стиль» ассоциируется с чем-то торжественным и даже пафосным. Такая разница в восприятии имеет объяснение: израильская художественная литература долго боролась за то, чтобы стать современной, и в результате разделилась на сложно-вычурную на одном краю и подростковую — на другом. Вот эта подростковая и считается современной. Ей удалось вырваться из пут тяжеловесной библейской традиции, но замены этой традиции она не нашла. Знаю, что мое мнение может показаться слишком категоричным, и все же не могу заставить себя признать А. Б. Иегошуа и Давида Гроссмана взрослыми писателями.

Шалев не только не отказался от традиции — он опирается на нее как на фундамент. Традиция не помешала, а помогла ему совершить в израильской литературе настоящий прорыв. Библейский язык, которого бегут модернисты, под его пером сбросил тяжеловесность, став легким, изящным. Читатель в романах Шалева чувствует себя комфортно.

Отношение автора к своему читателю существенно определяет весь стиль произведения. Для Шалева вопрос об отношении к читателю очень важен. Он сравнивает Филдинга с Гоголем. Филдинг от читателя дистанцируется и всячески его снобировать, как умеют снобировать только английские аристократы. Гоголь заботится о том, чтобы читателю было уютно. «Гоголь мне, конечно же, ближе», — говорит Шалев.

Израильскому классику и русской читающей публике чрезвычайно повезло с переводчиком, а вернее, с переводчиками. Рафаил Нудельман и его супруга, Алла Фурман, проделывают гигантскую скрупулезную работу, относясь к тексту не менее бережно, чем автор.

Седьмой по счету роман Шалева, «Дело было так», увидел свет совсем недавно, что, собственно, и явилось поводом поговорить о творчестве писателя. Однако новый роман к этому разговору едва ли может что-нибудь добавить. Ощущение от него такое, как если бы, сев послушать новый альбом любимой группы, вы обнаружили, что на диске — сплошные ремиксы. Седьмой роман отсылает нас к первому, и мы вновь попадаем в старый добрый Нахалаль со старыми новыми действующими лицами, перетасованными и переименованными, с перекроенными на новый лад интригой и временной перспективой.

Проза Шалева вообще отличается ровностью: как он написал в 1988-м «Русский роман», так с тех пор пишет и остальные, не опуская планки, не изменяя интонации. Но, хотя некоторые истории и кочуют у него из одного произведения в другое, Шалев еще никогда так откровенно не возвращался на старое место. Неужели у него, заявлявшего, что «факты гораздо легче изобрести, чем обнаружить», иссякла изобретательность? Только дочитав новый роман до конца (с неизменным, важно отметить, удовольствием), мы понимаем, в чем дело.

Ἐὰν εἰρήνῃ γοῖ ἐ ἀαεῖν: αὐτοῦ ἀδῖτι ἰδαῖα ἀαεῖ ἀπὲ ἰτὰ ἰαῖαδῖα δαῖα, ἐ ἀπὲδὸ-εἰαοῦ ἀα, εἰε ἡεῖαοῦ αὐοῦ, οἱ ἀπὸ ἰα δαε, εἰε ἀπὲδὸ-εἰαοῦ ἰ αε-εἰ ἰ, ἀ εἰε ἀπὲδὸ-εἰαοῦ αεἰ ἰεἰ ἰ, ἐ ἰαῖαεἰαοῦ γοῖ ἰδαῖα ἀ ἡεῖδ δαῖαεαοῦ, ἐ οἱ οἱ οἱ αἰεἰ-οἱ οἱ οἱ αἰεἰ δαῖα ἀοδεῖαοῦ γοῖ ἡεῖ δαῖαεαοῦ ἰ οἱ οἱ εἰ ἡεῖα, ἐ αἰα δαε, ἰεἰα ἰεἰ ἰα ἡεἰαοῦ, εἰε ἡεῖαοῦ αὐοῦ — ἀπὲδὸ ἰ ἰ οἱ οἱ-ἰ ἰ ἰ, ἡεἰ ἰ ἰ ἰ ἐ ἐ-εἰοῦ ἰ.

Эта декларация звучит тревожно, в ней есть намек на то, что автор честно отжал правду до последней капли и подвел итог. Но отжать правду до конца невозможно, а Шалев вряд ли успокоится и перестанет рассказывать истории. Подождем, я уверен: он еще заставит нас снова развесить уши.

НЕПОНЯТНЫЙ ЖАНР

Данила Давыдов

Книга Наума Ваймана и его соавтора, скрывшегося под псевдонимом Матвей Рувин^[1] (для раскрытия какового, впрочем, достаточно минутного поиска в Гугле — и в иерусалимском еженедельнике «Окна», и в тель-авивском журнале «Зеркало» препринты шли под настоящими фамилиями обоих авторов), уже вызвала, мягко говоря, споры в филологическом и критическом сообществе. Специфический жанр ее отчасти заслоняет тематику; меж тем авторы попытались заняться важным делом — вдумчиво вчитаться в поэзию Осипа Мандельштама, разобраться в смысле говорения поэта. К сожалению, высокие задачи не нашли убедительного разрешения. Это особенно обидно: всякий провокационный проект ценен лишь в случае успешности провокации, в ином любом он тотально уязвим.

Но почему же проект провокационен?

Перед нами переписка двух корреспондентов, начинающаяся с интерпретации мандельштамовского стихотворения «Сохрани мою речь навсегда...» и затрагивающая самые различные аспекты творчества и художественного мировоззрения Мандельштама — но и иные, связанные как со словесностью той эпохи, так и с национальной идентичностью героя и авторов и с состоянием современного гуманитарного сообщества. Именно последним пунктом порождены основные недоумения, возникающие по прочтении тома.

Недоумения эти в значительной степени связаны с тем тоном, который соавторы избрали для разговора о столь серьезной теме. Характеристики проблем и персонажей, даваемые в частной переписке, — разумеется, дело хозяйское, но проблема-то в том, что здесь частная переписка (или подражание ей) становится фактом публичного высказывания. Причем статус этого высказывания до конца неясен. Чем-то он напоминает проблематичность блогов, которые, с одной стороны, остаются частными дневниковыми записями, с другой — вполне себе играют на поле СМИ; в результате нередко блогеры позволяют себе такой тон, который немислим ни в каком ином типе публичной письменной речи. Кажется, Вайман и соавтор (чей уход под псевдоним можно объяснять причинами идейными, эстетическими и т. д., но выглядит этот жест в любом случае сомнительно) сознательно имитируют такой «неуловимый» способ письма. Вообще-то это должно было бы вызвать мою симпатию: разного рода транспонирование приемов non-fiction на fiction и наоборот всегда представлялось мне художественно продуктивным. Но на сей раз недобросовестность отношения к материалу, контрастирующая с максималистски поставленной задачей, вызывает изрядные сомнения.

Критикуя мандельштамоведческие штудии Григория Амелина и Валентины Мордерер (попутно соавторы проходятся по поводу личной жизни исследователей и семантики фамилии второй из них), Вайман пишет: «...должен признаться, что как простой читатель, к тому же по простоте душевной очень уважающий “ученых людей”, я нахожу для себя интересными, а местами даже увлекательными всякие копания в текстах. С единственной поправкой: определитесь с жанром. Я готов с интересом читать такие

Рувина. Главный редактор «Аграф» Алексей Парин не сожалеет об издании «Шатров страха», так как, по его мнению, там содержится много ценных наблюдений над творчеством Мандельштама и русской поэзией вообще. В то же время он от имени издательства приносит извинения всем людям, задетым в книге, и считает, что изъятие из нее личных выпадов и большая академичность тона пошли бы ей на пользу. Сам Наум Вайман полагает, что «личности» в книге оправданы жанром разговоров «вокруг» Мандельштама: «Когда ведется свободный разговор, то люди, кроме разбора текстов, позволяют себе и личные эмоции и, хочу заметить, должны позволять, если они не синие фуляры. Мне уже говорили, что одно дело личная переписка, а другое — публичное высказывание. Да, верно. Но тут есть и некая “ловушка политкорректности”: нельзя высказывать свои чувства. То есть шептаться по кухням — это можно, а кричать: “А король-то голый!” — ни-ни. Вот так и получается, что только наивный мальчик может себе такое позволить. Что ж, будем считать, что я взял на себя роль такого мальчика». Вместе с тем Вайман выражает сожаление по поводу «вмешательства персонажей книги в личные дела» Ирины Сурат.

[1]. Вайман Н., Рувин М. *Шатры страха. Разговоры о Мандельштаме*. М.: Аграф, 2011. —

640 с.

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2011 ЭЛУЛ 5771 – 9(233)

НЕДЕЛЯ ИВРИТСКОЙ КНИГИ

Зоя Копельман

Ежегодно в Израиле выпускается более четырех тысяч наименований новых книг совокупным тиражом 34 млн экземпляров. Около половины — учебники и пособия, остальное — художественная литература, наука и публицистика, поваренные книги, словари, путеводители, энциклопедии. Впервые Неделя ивритской книги прошла в Тель-Авиве в 1926 году, а с 1961-го она проводится ежегодно. На центральных площадях и в парках городов и населенных пунктов Израиля выставляются лотки, где издательства продают новые и старые книги с определенной скидкой.

В этом году книгами торговали 100 издательств, от огромных «А-Кибуц а-меухад», «Ам овед» и «Йедиот ахаронот» до маленьких частных «Кармель» или «Бавель». Неделя книги собирает у книжных рядов тысячи людей всех возрастов. Приходят семьями, как на народное гулянье. Мероприятие совпадает с концом учебного года, впереди каникулы, когда наконец-то можно почитать.

Правда, интеллектуалы сетуют, что Неделя книги превращается в сугубо торговое мероприятие: резко снижая цены, крупные книготорговцы стимулируют случайные продажи. Люди покупают без разбору, привлеченные красочными обложками, ярлыком «бестселлер» и завлекательными аннотациями на задней обложке. Горькие плоды коммерческого успеха Недели пожирают букинисты. Знакомый жалуется: «И месяца не проходит, как люди несут купленные по случаю ненужные книги. И ладно бы что-то стоящее, а то ведь больше макулатура».

Я хожу по Парку колокола Свободы (Ган а-паамон) в Иерусалиме. У лотка издательства «Модан» вижу пожилую женщину, отобравшую несколько книг для детей разного возраста. Спрашиваю: «Для внуков?» «Да, — отвечает она и добавляет: — Детские книги дороги, и я всегда жду эту ярмарку, чтобы купить побольше впрок. Знаете, на дни рождения, праздники и просто...» Она забирает покупку, а глазами уже высматривает новый прилавок.

Среди покупателей немало знатоков, которые не просто разглядывают выложенный товар, но спрашивают конкретную книгу, определенного автора. Ясно, что они следят за новинками по книжным приложениям к газетам и заглядывают на специализированные сайты. Как правило, там печатают незамысловатые сообщения о теме и авторе книги, реже — рецензии. Но перед Неделей книги приложения выходят в гораздо большем объеме и серьезно анонсируют новинки на все вкусы.

Дабы сориентировать читателей-покупателей, газета «Маарив» обратилась к ведущим издателям и литературным критикам с просьбой составить список из 40 наиболее достойных книг израильских авторов. Результаты удивили многих: в списке преобладали сложные, отнюдь не коммерческие произведения, а «Русский роман» еще недавно самого рейтингового в Израиле Меира Шалева оказался на 40-м месте. Из того, что можно прочесть в переводе на русский, в список попали «Повесть о любви и тьме» (5) и «Мой Михаэль» (15) Амоса Оза, «Смотри статью “любовь”» (6) Давида Гроссмана, «Господин Мани» (11) и «Смерть старика» (34) А. Б. Иегошуа, «Эпилог» (22) Якова Шабтая, чей не переведенный пока роман «Памятная записка» оказался на 1-м месте. Авторитетные ценители назвали и давно лишившиеся читателей книги: почти тысячестраничное повествование о Войне за независимость «Дни града Циклаг» (1958) С.

Изхара и роман об Александре Янае «Царь тоже смертен» (1954) Моше Шамира. Они написаны на невероятно богатом иврите, который нынешняя молодежь называет «словами из психометрического теста».

Как и прежде, успеху продаж способствовали авторские автограф-сессии и готовность книгопродавцев, часто студентов, вступить в диалог с покупателем касательно того или иного произведения. Приятно было слышать, как к такому диалогу примешиваются реплики других покупателей, — и вот уже возле прилавка возникает настоящая литературная беседа...

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2011 ЭЛУЛ 5771 – 9(233)

ПРОЦЕСС «МИР ПРОТИВ ИЗРАИЛЯ»

Àëáí Ááðîíáëö

ÑËÎÁÎ ÄËß ÈÇÐÄËËß

ÏÁÐ ÑÁÍÁËË. Ë ×ÁÐÍËËËË

Ì.: ÕÁËËÒ; ËÍ ÈÄËÍ ÈËË, 2011. — 480 ñ (ÑÁÐËß «×ÁËËÎÁÑËËß ÈÍ ÈÁËËËß».)

Ни для кого не секрет, что Израиль в целом успешно обеспечивает свою безопасность, но при этом безнадежно проигрывает в информационной войне. Его клеймят за неправомерность военных акций, излишнюю жестокость, систематическое нарушение прав человека и т. д. и т. п. Люди вполне образованные и сведущие, получившие мировую известность как выдающиеся специалисты в своих областях, зачастую евреи, атакуют его яростно и бескомпромиссно. Поддерживать Израиль непопулярно, порой просто опасно. Он осужден мировым общественным мнением.

Однако, чтобы быть осужденным, нужно хоть какое-то подобие суда, списка обвинений, разбор этих обвинений по пунктам, наконец — возможность ответить на них. И кому знать об этом лучше, нежели Алану Дершовицу — самому молодому профессору права в истории Гарварда, одному из известнейших американских адвокатов, защищавшему, в частности, Майка Тайсона и О. Дж. Симпсона? Название книги Дершовица говорит о том, что мы как будто имеем дело с судебным процессом. И автор не обманывает наших ожиданий. Главы книги — это, в сущности, пункты обвинений, расположенные в порядке, более или менее соответствующем хронологии их появления в ходе конфликта. Дершовиц приводит то или иное обвинение, подкрепляя формулировку прямыми цитатами из статей, выступлений и т. п. За этим следует возражение и — самый объемный раздел каждой главы — обоснование позиции «адвоката». Свои доводы Дершовиц также обильно оснащает ссылками, в том числе интернетными, причем в примечаниях к русскому изданию (а в книге, кроме двух с половиной десятков страниц примечаний, есть еще и предметно-именной указатель) отмечено, работает ли еще данная ссылка.

Книга вышла по-английски в 2003 году, многие ссылки уже не работают, многие реалии не соответствуют ближневосточной действительности, многие надежды автора оказались несостоятельны, но в целом ситуация все та же. Израиль отказывается рассматривать как воюющую страну, к которой неприменимы требования, предъявляемые мирно живущим странам. Израиль, а не арабских лидеров, вопреки фактам считают инициатором агрессии и источником страданий палестинцев. Израильскую свободу слова и открытость критике (во многом справедливой) используют как трибуну для антиизраильской пропаганды.

Давно уже стал общим местом один из основных выводов Дершовица: Израиль — «еврей» среди других государств. Сторону палестинцев принимают безоговорочно: из соображений ложного гуманизма, или от юдофобских комплексов, в которых не признаются даже себе, или просто от общего раздражения еврейско-израильской тематикой, занимающей в СМИ чересчур заметное место. Поэтому Израиль махнул рукой на полемику с глухими и сосредоточился на более практических вопросах: безопасности, противодействии террору, поддержании нормальной жизни в условиях постоянной войны, лицемерно именуемой «мирным процессом». Символично, что и эту книгу написал не израильтянин, а американский юрист.

Дершовиц оправдывает Израиль, рассматривая его действия с точки зрения американской юридической практики. В нашей стране, где очень сильны антиамериканские настроения, это сопоставление будет работать скорее негативным образом. Ну что ж, критикуйте, спорьте, думайте, автор дает образец. Сама схема «посылка—тезис—антитезис» вполне традиционна, привычна, удобна для тех, кто имеет дело с логикой. Но имеют ли с ней дело противники Израиля? Очень ли их интересует истина вообще и книга Дершовица в частности? У них другие аргументы: эмоциональность, доходящая до истеричности, невежество, демонстративное пренебрежение всеми данными — историческими, статистическими, судебными. Глупость непобедима. На мудрость можно найти еще большую мудрость, на силу — еще большую силу. Можно опровергнуть оппонента с помощью более последовательной аргументации. Можно превзойти соперника остроумием, литературным мастерством и изобретательностью. А вот чем ответить на глупость? Не глупостью же, в самом деле...

Итак, книга одновременно и нужная, и бесполезная. Ее будут читать в основном те, кого убеждать не надо, а не те, с кем она полемизирует. Но вспомним слова Антонио Грамши: «Оптимизм воли при пессимизме разума». Все-таки нужно полемизировать, убеждать, приводить факты. Для тех, кто занимается данной темой, кто хочет систематизировать свои знания, наконец, для тех, кто просто искренне хочет разобраться, книга эта практически незаменима.

Ì ÈÒÀÈÈ ÈÈÌ ÈÈÍ

ПО ТУ СТОРОНУ СОБЫТИЙ

Исроэл-Иешуа Зингер

×ÓÆĀĒ

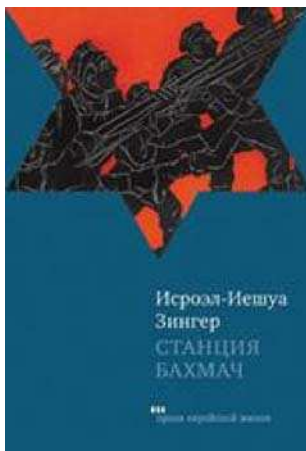
Ī ĀDĀĀĪĀ ÑĒĀĒĪĀ Ē. ĀŌĒĀŌĪĀÑĒĪĀĪ Ē Ā. ĀŪĪ ŌĒŌĀ
Ī.: ŌĀĒĪŌ; ĒĪĒĒĪĒĒĒ, 2011. — 288 ñ (ÑĀDĒB «Ī ŌĪĀ ĀĀDĀĒÑĒĪĒ Ē ĄĒĪĒĒ».)

ĒñĪyĒ-ĒĀŌĀ ĀĒĪ ĀĪĪ

ÑŌĀĪŌĒŪ ĀĀŌĪ Ā:

Ī ĀĪ ñĒĀĒĪĀ Ē. ĀŌĒĀŌĪĀÑĒĪĀĪ Ē Ā. ĀŪĪ ŌĒŌĀ
Ī.: ŌĀĒĪŌ; ĒĪĒĒĪĒĒĒ, 2011. — 224 ñ (ÑĀDĒŪ «Ī ŌĪĀ ĀĀDĀĒÑĒĪĒ Ē ĄĒĪĒĒ».)

Учитывая те представления, которые существуют у русского (да и не только русского) читателя о еврейской литературе на идише, неудивительно, что Исроэл-Иешуа Зингер в редакционных аннотациях представлен как «не только старший брат Исаака Башевиса Зингера, но и...». Представление об уникальном

месте, которое якобы занимает в своей родной словесности единственный выпавший ей нобелевец, рассеется, видимо, не скоро.

Между тем братья (старший из которых по своей репутации внутри еврейской литературы по меньшей мере не уступает младшему) совсем друг на друга непохожи. Сюжеты рассказов и романов Башевиса Зингера своеобразны и часто экзотичны, но его повествовательная техника довольно традиционна, как и бытовой бэкграунд его книг. Исроэл-Иешуа Зингер, во-первых, зачастую стремился работать с нетипичным, «маргинальным» бытовым материалом. Герои четырех из восьми произведений, включенных в две его книги, — евреи-крестьяне, или землевладельцы, или просто деревенские жители. Обычный мир штетла появляется только в повести «Доля», но и ее герой занимается ремеслом для еврея, прямо скажем, редким: торгует свиной щетиной. А во-вторых (и это главное), старший Зингер в последнюю очередь стремится «рассказать историю». На первом месте у него не «что», а «как».

Это относится даже к ранней повести «В Причерноморье» с ее лихим сюжетом, напоминающим чуть ли не «Бесславных ублюдков» Тарантино. Выходец из еврейской земледельческой колонии, пламенный сионист, прошедший через фронт первой мировой, узнав, что бандиты (то есть, собственно, малороссийские мужички из соседних деревень) вырезали его семью и изнасиловали его несостоявшуюся невесту, становится во главе интернационального полка, доукомплектованного добровольцами из еврейских колоний, и жестоко, но справедливо расправляется с негодями. Проблема в том, что все произошедшее с героем ничего не меняет ни в нем самом, ни в его будущем и в этом смысле оказывается фикцией. Спустя почти два десятилетия по сути на той же фактической основе (вплоть до имен эпизодических персонажей) написана повесть «Станция Бахмач», в которой сюжетная кульминация — столкновение еврея-комиссара с матросской вольницей — предваряется настолько подробным и на первый взгляд не идущим к делу описанием приключений и исканий молодого писателя на фоне Гражданской войны, что на поверку оказывается лишь «обретенным материалом».

Для русского читателя повести Зингера о Гражданской войне ассоциируются с Бабелем (прежде всего поздним), хотя материал диктует параллели и с текстами не столь значительными и почти одиозными — от «Оптимистической трагедии» Вишневого до «Разгрома» Фадеева. (Бабель, кстати, получается вывернутый наизнанку: русский комиссар-интеллигент Луков, зеркальный двойник Лютова, произносит пламенные речи на фоне кровавых разборок между еврейскими и украинскими хуторянами, играющими роль красно- и белоказаков.) В «американских» рассказах заметнее переключки с Чеховым и отчасти (в рассказе «В горах») с Фолкнером. Все эти имена называются отнюдь не с целью как-то принизить оригинальность писателя. О чем бы и как бы ни писал Зингер, ему присуще острое ощущение: главное — не события, происходящие с человеком, а то, что лежит по ту сторону событий и действий, логика человеческой судьбы. Ресторатор Сендер Прагер все равно допил бы и догулялся до инсульта, даже если бы ему обманом не подсунули в жены «порченную» девицу. Из рыжего вестсайдского парнишки Джорджи Вервика все равно не вышел бы ни врач, ни инженер, даже не обрюхатить он девушку из хорошей семьи... Дух каждодневной жизни, с ее постоянным, но не кричащим неблагополучием, пронизывает зингеровскую прозу. Финалы почти всегда открытые, и не потому, что все еще может обернуться по-разному, а потому, что ничто не заканчивается раз и навсегда. Поэтому нет никакой эйфории, если все на сей раз получилось благополучно — и никакой мелодрамы, если дела идут скверно.

Хана вскакивала со стула, на котором сидела, погруженная в штопку натянутого на стакан чулка.

— Что это за смех? — не понимала она. — Нам что, так хорошо?

Маля и Даля снова переглядывались, точно видели друг друга впервые, и еще громче и звонче смеялись в тишине комнат.

Из старых кухонных часов высовывала голову кукушка и отсчитывала часы.

В одном отношении Зингеру-старшему повезло больше, чем его младшему брату, — с русскими переводчиками. Тандем, как нынче модно говорить, Валерия Дымшица и Игоря Булатовского отличает стилистическое мастерство, с одной стороны, хорошее знание языка и реалий — с другой. Переводчикам Башевиса Зингера первое присуще не всегда, второе — почти никогда. К тому же перевод снабжен глоссарием. Единственное замечание: в двух-трех местах толкования реалий в глоссарии не вполне объясняют их значение в тексте. Например, нам говорят, что «сподик — меховая высокая шапка», и все. Между тем в рассказе «Деревенские евреи» этот головной убор упоминается как атрибут раввина.

Будем ждать теперь переводов романов старшего Зингера, которыми тот в основном и знаменит. Пока на русском полностью издан лишь один из них — «Семья Карновских».

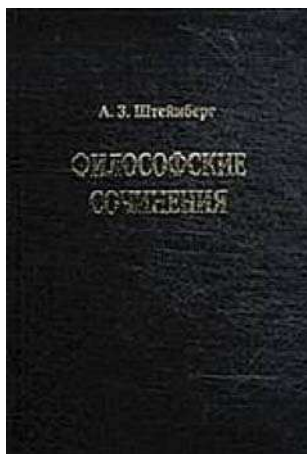
Àáèàèè Óàèííèèè

ААРОН ШТЕЙНБЕРГ ВЫХОДИТ ИЗ ТЕНИ

Àáðíí Óòàèííááðã

Óèèííîíèèàíí÷èíáíèÿ

Ííáííòíàèà èçáííèÿ Á. Á. Ááèíóñà è È. Í. Ñòíèíáè÷à
Ñí á.: Мíðó, 2011. — 816 ñ

Получилось удачно: после второго, основанного на архивных материалах, издания замечательных мемуаров Аарона Штейнберга (см.: Лехаим. 2010. № 1) читатель может углубиться в его философские сочинения и понять, за что же друзья по Вольфиле так уважали и ценили «своего философа». Сам автор успел собрать из сотен рассыпанных в периодике работ сборник исследований и очерков по философии истории, переведя их с четырех языков на один «общепонятный» (английский) (Aaron Steinhilber. History as Experience. Aspects of Historical Thought — Universal und Jewish. Selected Essays and Studies. New York, 1983). Теперь российским издательством проделана обратная работа — по «разукрупнению» этого корпуса.

Штейнберг был весьма плодовитым автором. В свое время ему предлагали издать собрание сочинений в восьми томах. Перед составителями «Философских сочинений» стояла задача отобрать наиболее репрезентативные его работы по русской и еврейской культуре и философии. В основу композиции книги, состоящей из трех разделов, положен жанровый принцип. Первый раздел составила книга 1923 года «Система свободы Достоевского»; второй — рецензии, обзоры и статьи 1910—1940-х годов; в третий — «Тезисы, выступления, доклады» — вошли архивные материалы Вольфилы.

С первым разделом все понятно: книга Штейнберга о Достоевском актуальна до сих пор, так что этот выбор сомнений не вызывает. Во втором разделе собраны тексты многоаспектные и «разнотемные». Философ и общественный деятель, Штейнберг не знал творческих кризисов, был универсальным, но цельным, в какой бы форме он ни высказывался. Когда в 1910-х годах студентом философского факультета он писал свои первые заметки о немецкой эстетике или о философском конгрессе в Болонье, то доказывал необходимость философского подхода к любой гуманитарной сфере, даже к обзору содержания юридического журнала.

Самым успешным это внедрение философской точки зрения в науку и искусство оказалось в петроградские годы, когда на волне всеобщего энтузиазма Штейнберг был охвачен оптимистическим

ΑΙ ΕΟΙ ΑΙ ΟΥ Ϊ Ϊ ΕΝΟΙ ΔΕΕ Ε ΕΟΕΪΟΟΔΑ ΑΑΔΑΑΑ Α ΑΔΩΕΑΑΩ
ΝΑΙ ΕΟ-Ϊ ΑΟΟΑΔΑΟΔΑ: ΟΑΑΑΔΑΕΪΪ ΪΑ ΑΔΩΕΑΪ
Ϊ ΟΟΑΪΑΕΟΑΕΪ

Δααεοιδυ-μπoαεοαεε Α. Ε. Εααίτá Ϊ. Ν. Εοιτáαοεεε, Α. Α. Ετεοεί
Νί á: Ϊ ιδί, 2011. — 640 η

Это издание, подготовленное в рамках проекта «Документы по истории и культуре евреев в архивах России, Украины и Беларуси», открывает серию справочников, посвященных документам, отложившимся в петербургских архивохранилищах. В том включены описания материалов, хранящихся в 324 фондах и коллекциях петербургских архивов федерального подчинения: Российского государственного исторического архива и Российского государственного архива Военно-морского флота. Преимущественно в путеводитель включены описания фондов, образованных в РГИА и в РГА ВМФ на основе архивов высших и центральных органов власти Российской империи: Собственной Его императорского величества канцелярии, Госсовета, Госдумы, Комитета и Совета министров, Правительствующего Сената и Святейшего Синода, различных министерств и ведомств.

**Фриц Тиссен. Я заплатил Гитлеру.
Исповедь немецкого магната. 1939–1945**

М.: Центрполиграф, 2009. — 256 с.

История появления на свет этой книги такова: 2 сентября 1939 года крупнейший германский сталелитейный промышленник, депутат Рейхстага от НСДАП Фриц Тиссен вместе с родными пересек границу рейха и вскоре оказался в Швейцарии, откуда затем перебрался во Францию. В письме к Герингу он объявил, что считает начавшуюся войну самоубийственной для Германии, а позже, в письме к Гитлеру, поставил в вину нацистскому руководству, среди прочего, гонения на евреев, католиков и инакомыслящих (к этому моменту племянник Тиссена уже умер в Дахау). В качестве ответной меры опального магната лишили германского гражданства, а его собственность была конфискована. Чтобы открыть воюющей Европе истинное лицо нацизма, Тиссен в 1940 году продиктовал журналисту Эмери Ривзу мемуары, в которых поведал о том, как постепенно менялось его отношение к Гитлеру и НСДАП — от сочувствия до антипатии. Тиссен, начавший финансировать нацистов еще в 1920-х годах (всего он передал партии около миллиона марок), надеялся, что Гитлер после прихода к власти поднимет экономику, укрепит германский дух и даже поспособствует восстановлению в стране монархии. Однако друзья Тиссена, которые сделали своего спонсора депутатом и пожизненным членом Государственного совета Пруссии, оказались вульгарными юдофобами, казнокрадами и «абсолютными невеждами» в экономике, полагающими, что «достаточно приказать промышленности, и все будет исполнено». Книга Тиссена была опубликована в 1941 году, когда бывший соратник нацистских бонз уже сидел в гитлеровском концлагере. И там, должно быть, не раз повторял фразу, так запомнившуюся Эмери Ривзу: «Ein Dummkopf war ich!.. Ein Dummkopf war ich!..» («Каким же я был идиотом!»)

Ϊ άά αίίί oαεεΪι ε δααί oαεε Ϊ εοαεε Ϊ αεείτá ε Δτι αί Αδάεοι αί

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ МАТЕМАТИКА

МАША ГЕССЕН. СОВЕРШЕННАЯ СТРОГОСТЬ.
ГРИГОРИЙ ПЕРЕЛЬМАН: ГЕНИЙ И ЗАДАЧА ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

АСТРЕЛЬ, CORPUS, 2011

Роман Арбитман

Αααίτ γαί ά:αίτ, :οί ίάέείύέ άίέέ ίοέε:ααόνττ ίο ίοήοίά άάέαίοά ίά οίέύέτ ί άποοάαί έ ήάάά άάδτ άάέγ, οί άπού άέίάττ ήάίδγ, έίέε:άποάάίί, ίί έ ίάέέι έα:άποάί ίοίίοάέέ ή άάοίεί ίέδτ. Άίέέ οάέαίό έίί οίδοίί άέήάάαονττ ά άάέήήήού έάέ έάττ άάάάέέέ :άέίάέ ά ίοάάάίφ άί ο ίέδκείήήού οί άίέή, ίάίδτδέά άήέαγ άδτ ίέγ έαοάάδ:άίέέ :άέάά: ίί άίέάτ ήάάαονττ ές άάί έ ίέέήό ίάποίγοςέήόά έάά έί άάάάά έ ίέέάά έέίίάάίφ άόί άά έέέου γαοά, :οίάτ ίέήού ίά ίάέ ίίάάέ. Ίέδ άάόήήόέά ίάγδέγ, ήόάαονττ έέίάέού άίέγ έ ίέέήήήάέούέ ήάποάάίύί ίάέάί, ά οίό άήέάέήήάάά έ ήήάαονττ ίδέ ήάέά

Άέγ άέδτ άέήόέέ Ί άέέ Άάήάτ άάάίύέ άάέέ άά έίέέ, ί άοάί άέέ Άδέάάέέ Βέίάέάέ: Ίάάέή άί, άίέάάάέέ άέίίόάφ Ίάίέάά — άίέέ άίδέίδέ, έ ήήάίέά γοίά άάέόά γά:έοάέήή ίάέά:άά οάτδ:άέφ γάά:ό έήέάίάάάέήέού. Ίόάά άέά έέάάί ά έίίόά γάά:ίέέ, έ άάόίδδ ήήάαονττ έέέου ίάάάάόύ ίάάόίάέί φ ή ίέέέέ έ άάή όγί έού άή άίίδτ έάέήή ήά γάέέ άί έίίάέέέ γάέίά άήέέέάάάέή ήά

Άύ άίό, ίάίδέί άή ί ίάάά ίδάήόάέέού Άδέέό Ί. ίάύέοάέήή ήήόέάήή ίάέή:έέί, άάάάήέί άάά:άέ γά έίή:έέ, ίδέίάάήέί όδττ, άήίάάήέί ήάίάάάό έέέ όίόγ άύ ίάάάήέί έίάάέέέ ή άήήίέί έέέάί ά έίίίάέέ οάέέ άά ήάάίόίά? Ίάό? Έ ίάάέήήή! χέοάάέή ίά άέάέγάονττ, όγίάά ί όή, :οί Ίάάέή άί ή άάόήάά άήέ ίάέάέί έ άάέ:άί, :οί ό ίάά άήέέ ίάέάά ή όέγέέήόάέ, :οί ή ίά έήάέ ί ήόήή, ήδέ:ή ήάέ έ γάγγίάάού έίόέέ ίά άίόέίέά, ά ές άήά άάήέί ίόάάάέ ίάάίί:οάίέά ίάί ά Ίέάάάάά έ γοή ό γδέτ άήάάάίίά άάάέήόάί — έ ήήόόήό άάάάό γάάάέάί.

Понятно, что при таких условиях устрица гениальности могла раскрыться — и явить жемчужину — лишь чудом. Никакие, пусть и самые блестящие, математические способности не помогли бы нашему герою не только пробиться, но и выжить в обществе развитого социализма, где без сдачи норм ГТО даже отличнику не светила золотая медаль, аутизм воспринимался как опасное упрямство, а замкнутость — как признак неблагонадежности. Не будем забывать и про негласную, но четко определенную еврейскую квоту в главных вузах страны (на математико-механическом факультете ЛГУ, например, «инвалидам пятого пункта» выделялось два человекоместа в год).

Сложись обстоятельства по-иному, Перельман мог бы и не закончить школу, не поступить в вуз, загреметь в армию и сгинуть в песках Кандагара (СССР как раз тогда увяз в Афганистане). Но повезло: на всех жизненных этапах находились понимающие взрослые — учителя, наставники, старшие коллеги, — которые терпеливо помогали преодолевать идиотические преграды, чтобы на долю героя выпадали только препятствия интеллектуального свойства, а уж с ними-то гений справлялся сам. Таким образом Перельман, победив на международной математической олимпиаде (как его, с такой-то фамилией, туда пропихивали — отдельная песнь), получил право поступить без экзаменов в любой вуз. Он выбрал матмех ЛГУ и, одолев квоту, стал третьим «официальным» евреем на курсе. Далее были учеба, стажировка в США, возвращение в Россию и годы добровольного затворничества, в течение которых непрерывно шел мыслительный процесс, завершившийся протуберанцем триумфа...

Сама долгоиграющая история доказательства гипотезы Пуанкаре и утверждения перельмановского приоритета изложена Машей Гессен по-школярски дотошно, однако в рецензии нет нужды углубляться в топологические дебри: читатели, не сведущие в тонкостях вопроса (а таких — подавляющее большинство), готовы верить на слово, что задача соизмерима математическому дару Перельмана. Другое дело, что факт присуждения ему крупнейших премий был почти сразу отодвинут на информационную обочину куда более интригующим обстоятельством.

Увы нам, грешным! Вовсе не гениальность Григория Яковлевича, не взятая им научная высота и даже не сами внушительные премии сделали нашего героя ньюсмейкером, а именно горделивый отказ от награды Института Клэя, явное нежелание забирать и тратить честно заработанные деньги. Этот факт и превратил у нас Перельмана в настоящую суперзвезду, в персонажа таблоидов и притчу во языцах. Даже российский премьер, беседуя с учеными, между делом помянул «Гришу», не в силах скрыть удивления пополам с раздражением: «Где деньги? Он даже от денег отказывается. Вот мы пытаемся ему хоть как-то... Но он и эти не берет...» Ну гений — одно слово.

Досадно, что от внимания Маши Гессен ускользнуло любопытное, почти мистическое совпадение: в 1976 году, когда юный Гриша Перельман впервые пришел в математический кружок Ленинградского дворца пионеров, Госпремия СССР была присуждена фильму «Премия», по сценарию Александра Гельмана. Едва ли создатели картины могли предвидеть, что уже в иные времена история бригадира П., который отказался от премии, обретет столь парадоксальное продолжение.

À la décadence l'adieu ai:

- «ΑΑΑΒΟΥΕ ΑΑΙ ΕΕ»

ЛЕХАИМ СЕНТЯБРЬ 2011 ЭЛУЛ 5771 – 9(233)

ЖИТЬ И УМЕРЕТЬ В БЕРЛИНЕ

Àèàèíàé Ì íèðíàíà

Βαθιπλάσθεάα Ì àèíà Èèááðí àíà á Áíííá íáííí íèèà, èàé àííòðí íàðèííàéííí ùé àáðé ì íàèò òòàòí èçáíàí. Áííòàòí-íí èé àéý òòíàð ðíàèòííý àáðáí ?

Áóíðèçí ù òòðíýò íááýòàéíí ùá òòáí ù, íí àèçí ù íáíòí òíí á íèò èéàáúàáàòííý. Áíáðèòò ò òí-èé çðáí èý èì íáðàòíðíèíá àáððá, áòðàèá àéý áíáí ù, ðíàèòèíáð àéý ííçáí èò ðèííèíèòíá, á àéý áíòèíí èòíá – àáðé. Ýòíò òèíáííí ùé ííðòðáò òòáíàíèèà Ì àèíà Èèááðí àíà (1848-1935), òàèáíííè È àòèáííí Ýááðé, òí-áí è íáííáðáí áííí òèíáíí. Èèááðí áí íèàçàèíý òáðáí áííèèíí íáíííáíííá àðáí áíè (áúááò èé èíáà áðáá?) è òíáé èííòàòú áíí: è áíòíòò çà òáíè èááèú á ì íèíáííòé, è òèááò á çáèíòé, è íáèíí èòð òòàðííòú

Íáèí èç èò-òèò íáí áòèò èì íáííèíèòíá (èèé áíí àá ðíàèèòíá? òíðú í èèáííèòèáòèé íá òèòáðò áí òèò ííð), íí íá áíé òíáèè íáðáíðèòíáòàèéé ííáíá, çàòí ì áèí èòí òááíèòíí ò íèí á òíè òáíáíá è á òíí íáííàèáíèé, ò èíòíòú òòáíàíèèé ííáðàèáàòííý á òáíá òáíò-áíòáí.

Ì àèñ Èèáádì àí.

*Áàèí òáàéèà 1875 àí à
Ì óçé Áàí òáà Òáàíòà. Òáàéí óòòò*

В этом убеждают сто с лишним работ, отобранных из полусотни музеев и частных коллекций для немецкой ретроспективы[1], названной «Макс Либержман, предшественник модерна».

Увидев на Парижском салоне 1871 года Коро, Добиньи и Милле, он навсегда подпал под обаяние живописи на пленэре. Посетив три года спустя Барбизон и восхитившись барбизонцами, Либержман остался верен этому чувству на всю жизнь. И даже последующий восторг перед импрессионистами не умерил в нем первого чувства. В какой-то момент эта верность привела к конфликту с могущественной Академией, и Либержман оказывается среди тех, кто в 1899 году создает в Берлине Сецессион. Но она же, долгая верность, оказывается однажды тормозом. Либержман не принял эстетики экспрессионистов, не очень вежливо отозвался об Эмиле Нольде, отличавшемся, стоит признать, какой-то патологической обидчивостью, и все это породило страшный скандал в профессиональном сообществе. А его интересы в начале XX века были и интересами общества — во-первых, потому, что само общество было невелико по количеству членов, и эта немногочисленность (что во-вторых) позволяла поддерживать определенный интеллектуальный уровень. Скандалы такому уровню только на пользу — если из них делают верные выводы. Позже Либержман смягчился по отношению к своим эстетическим противникам. Он вообще отличался мягким нравом и умением найти компромиссы. Не зря его, уже отошедшего от общественной жизни и поселившегося на вилле на берегу Ванзее, избрали президентом Прусской академии.

Либерман отличался редкостным жизнелюбием. В речи, произнесенной в 1930 году по случаю открытия выставки скульптора Эрнста Барлаха (еще тот был модернист, к слову сказать), Либерман вспоминал Делакруа, считавшего, что все искусство — это теория. Но не забывайте, сказал Либерман, что все эти теории рождаются из искусства, а не наоборот. А само искусство, как в случае с Барлахом, целиком происходит из «золотого дерева жизни». Из этой опоры на действительность и рождается мистическое в искусстве. В сценах городской жизни у самого Либермана, в его ресторанных обществах и гуляющих по пляжам, этой мистики, кажется, немного, но лишь на первый взгляд. В конце концов, радость жизни — тоже феномен мистической природы.

Ì ÞÍΘΑΙΝÈÈÈ ÑÈΑΙΆΑË

Изначально Либерман хотел быть историческим живописцем. Но одна из первых его работ на тему библейской истории спровоцировала едва ли не самый громкий из скандалов в немецком искусстве XIX века. Хотя сюжет был вполне стандартный для авторов конца столетия: диспут 12-летнего Иисуса и ученых мужей. Но то, как Либерман изобразил персонажей, вызвало вспышку антисемитизма и привело к дебатам в баварском ландтаге.

Появление в 1879 году картины «Двенадцатилетний Иисус в храме» во многом связано с поездками Либермана в любимую им Голландию (вплоть до мировой войны он бывал там практически ежегодно). В еврейском квартале Амстердама художник увидел практически всех персонажей своей будущей картины. Публику шокировал и оборванный вид Иисуса, и подчеркнутая автором национальность («дерзкий еврейчик», писали газеты), равно как и раввинские одеяния окружающих его ученых. «Дело словно происходит в захолустной польской синагоге!» — возмущался один из критиков.

Католическая церковь осудила появление работы на международной художественной выставке в Мюнхене, но Франц фон Ленбах, председатель жюри, отстоял картину, хотя и был вынужден «выслать» ее из основного зала. В итоге Либерман на десятилетия отошел от мифологических и христианских тем, причиной такого решения он называл именно скандал, разразившийся вокруг его полотна. Искусство должно быть выше злобы дня и никогда не заниматься политикой. Эту точку зрения он повторил в мае 1933 года, после прихода нацистов к власти, когда складывал с себя обязанности президента Прусской академии искусств.

После скандала он перерисовал фигуру Христа: вместо красноволосого, по-пролетарски босоногого ребенка в едва ли не рубище появился ангелоподобный блондинистый образ в сандалиях^[2].

Áááí ááááòééáòíéé Èèííí á Óðáí á

1879 áá

Èóííòóáééá á Ááí áóóáí

ÁÁÐÈÈÍ ÈÀÈ ÑÀÁ

После произошедшего Либерман отказался от мысли о карьере исторического живописца и увлекся сельскими пейзажами (обязательно с работающими людьми, а вовсе не ради природы как таковой). Его даже прозвали «художником грязи», что поначалу мешало его репутации в тот момент, когда он решил стать портретистом. Первый опыт заказного портрета обернулся фиаско: любовь Либермана к голландцам вообще и Франсу Хальсу в частности (Либерман годами ездил в Харлем, чтобы изучать его работы) не разделил первый заказчик, гамбургский бургомистр Петерсен. А ведь Либерман изобразил того буквально в духе XVIII века. Хальс был бы доволен.

В итоге качество живописи все же оказалось важнее хлесткого ярлыка: портреты Либермана начали пользоваться спросом, поначалу, правда, у мужчин. Из-за особенностей живописной манеры (художник не любил интерьеры даже как неизбежный фон, да и сами фигуры моделировал широким мазком, без стремления хоть как-то их идеализировать) женщины редко становились его заказчицами, и лишь в начале столетия ситуация стала меняться. Любопытно, что это совпало и с интересом самого художника к автопортретам. После 1902 года, когда ему поступил заказ для престижной галереи автопортретов в Уффици, Либерман настолько увлекся этим жанром, что создал более сотни произведений.

Он много портретировал еврейскую элиту: выдающегося политика Веймарской республики Вальтера Ратенау, убитого националистами; философа Эрнста Кассирера, профессора, впоследствии ректора Гамбургского университета, успевшего эмигрировать в 1933 году в Оксфорд, а затем в Америку; жену банкира Женю Левин; профессора римского права, выходца из Петербурга Карла Бернштейна (этот портрет из частной цюрихской коллекции на выставке не представлен).

и считался представителем «дегенеративного искусства», картины его из общественных собраний практически не изымались, всего известно лишь шесть таких случаев, а более сотни работ оставались в публичных коллекциях вплоть до 1945 года.

После того как 7 мая 1933 года Либерман сложил с себя обязанности почетного президента Прусской академии, его большой дом на Паризер плац с феноменальным собранием живописи, прежде всего импрессионистов, опустел: большинство бывших знакомых стали бояться сюда заглядывать, прекратились телефонные звонки, и дом в центре города неожиданно оказался глубочайшим захолустьем, чьи комнаты освещались всполохами факелов нацистских маршей. «Я живу теперь только из ненависти, — сказал художник редкому гостю. — Я больше не смотрю из окна своей комнаты, я не хочу видеть мир вокруг меня».

Ландшафт с фигурой. 1906 г.

Холостяцкий. Остров

Как написал Бернд Кюстер, внутренняя эмиграция сопровождалась переходом от «света рампы мировой славы к темноте изоляции»^[3]. Либерман становится почетным президентом Культурного союза немецких евреев. В силу возраста он выполняет скорее представительские функции (перед кем можно было представлять в той стране?), делами же союза занимались его основатели, режиссер Курт Бауман и врач и музыковед, интендант оперы в Шарлоттенбурге Курт Зингер. Вскоре после смерти художника Культурбунд провел в зале Новой Синагоги в Берлине его выставку. За шесть недель работы на ней побывало более 6 тыс. человек.

Оставшись одна, жена художника Марта Либерман (1857–1943) слишком поздно решила последовать примеру дочери, эмигрировавшей в 1939 году в США. Ее вынудили продать виллу на Ванзее и отдать дом на Паризер плац. Банковские счета были заморожены. Друзья и родственники за границей пытались ее выкупить (распространенная практика тех лет), но в Германии постоянно обнаруживались все новые и новые препятствия в лице вымогателей. Зимой 1942/1943 годов у Марты Либерман случился инсульт, приковавший ее к постели. Узнав, что ей предстоит депортация в «дом престарелых» в Терезиенштадт и уже известна дата, Марта приняла смертельную дозу снотворного. Ей шел 86-й год. Коллекцию живописи нацисты реквизировали в пользу государства.

*Ἰῥὸὸὰὸ Ἀαῖε Ἐααῖ. 1924 πᾶ
× αἰὸ ἰ αῦ εἰεεαεὸεῦ. Ἀαὸεῖ*

ḐŌŃŃĒĒĒ Ἰ Ἰ ḢŌŃĒḐĒἸ ḐŌἸ

В России Либермана начали ценить «мирискусники»; зато в воспоминаниях Репина или Коровина о нем нет даже упоминаний. А вот в коллекции Дягилева были его работы — наряду с Ленбахом и Менцелем. Хотя Дягилев относился к нему довольно критически: «Можно винить Либермана в небрежности и Даньяна в сухости, но нельзя отрицать их художественных заслуг», — писал Дягилев в статье «Иллюстрации к Пушкину». А в одной из заметок в «Мире искусства» назвал его «вечно суетливым искателем солнечных эффектов». Немногим лучше высказывался и Сергей Маковский: «реалист *pur sang*, размашистый и черствый, как все современные немцы».

В ту пору иерархия в художественном мире менялась довольно часто; тот же Дягилев мог поставить Либермана в один ряд с Уистлером и Цорном — и одновременно с совершенно салонным автором Бенаром, вызывающим сегодня интерес скорее с точки зрения истории вкусов, чем собственно искусства.

Наследие Либермана тоже пережило сложный период. В ГДР его попытались записать в союзники к дружившей с ним Кетэ Кольвиц и его коллеге по Сецессиону Хайнриху Цилле. Но левые взгляды, как и все политические идеи, не интересовали Либермана. Он думал, что искусство ценно само по себе, а общество должно самостоятельно устроиваться на разумных основаниях.

Хорошо, что утопизм мышления не лишает заблуждающегося будущего.

[1]. *В Бонне до 11 сентября, затем, с 30 сентября по 19 февраля, — в Кунстхалле Гамбурга.*

[2]. *Max Liebermann. Poesie des einfachen Lebens. Wuppertal, von der Heydt-museum, 2004.*

S. 173.

[3]. *Ibid. S. 192.*

ВЫСТАВОЧНЫЙ ЗАЛ

«К ВЫВОЗУ ИЗ СССР РАЗРЕШЕНО...»

Ἰ ἰπῶν, ὁπῖά ἐσῆν ὁπῖ «Ἀέθ' ἀδεία», αἱ 2.10

Михаил Шварцман. Числа.
1971 год. Коллекция Екатерины и Владимира Семенихиных

Советский нонконформизм, он же «второй авангард», андеграунд и «другое искусство», — то немногое в живописи 1970-х, что и в XXI веке вызывает эстетический, а не только исторический интерес. Имена Владимира Вейсберга и Льва Кропивницкого, Оскара Рабина и Александра Харитоновы, Юло Соостера и Михаила Шварцмана вспоминают сегодня гораздо чаще имен их более удачливых при жизни коллег, обласканных властью и не ютившихся в бараках Лианозово. Там жили Кропивницкие, у них и собирались «неофициалы», поэты и художники со всей страны (отсюда и название «лианозовской школы», едва ли не главного неформального московского объединения той поры). Не признанных властью мастеров охотно собирали иностранцы и те немногие советские коллекционеры, кто чувствовал, где прячется правда, — Александр Глезер, Георгий Костаки, Лев Талочкин... Минкульт без лишних проблем штамповал работы Булатова и Мастерковой, Roginского и Янкилевского таможенно-цензурной надписью «К вывозу из СССР разрешено...». В результате первые персональные выставки многих художников проходили не на родине, но за границей. Так, у Оскара Рабина она впервые прошла в Лондоне в 1965 году, а у Вейсберга — девять лет спустя в Музее Израиля (полотна вывез туда ученик художника Ян Раухвергер). Сегодня нонконформисты снова в моде, их выставки проходят часто, в крупнейших музеях, а нынешняя включена в программу спецпроектов IV Московской биеннале современного искусства. Собрание Екатерины и Владимира Семенихиных, владеющих фондом «Екатерина», относится к числу лучших коллекций, специализирующихся на 1970-х. Среди 150 картин и рисунков, показываемых на Кузнецком мосту, есть работы и из других частных собраний. В том же фонде до 10 сентября открыта выставка Игоря Пальмина «PAST PERFECT». Известный московский фотограф, друживший со многими художниками, создал в 1970-х годах настоящую портретную галерею нонконформизма. Почти вся она находится сегодня в собрании Семенихиных, прежде ее еще не показывали в таких объемах.

ΝΟΑΕΘÜ ΥΕΘÏ ΑÏÀ. ΕΑΔΟΝΑΕΕÏ, 1961

Ï ΑΔÈÆ, Ï ΑÏ Î ΔÈÀÈ ΘÏÀ, ΑÏ 28.09.2011ã

Адольф Эйхман во время слушаний судебного процесса

Иерусалим. 1961 год.

Коллекция Израильского государственного архива

11 апреля 1961 года в Иерусалиме начался самый громкий, наверное, судебный процесс века. На скамье подсудимых сидел Адольф Эйхман, бывший оберштурмбанфюрер СС, участник Ванзейского совещания 20 января 1942 года, один из ключевых исполнителей «плана окончательного решения еврейского вопроса» в нацистской Германии. Незадолго до процесса Эйхмана нелегально вывезли из Аргентины (американские и немецкие спецслужбы знали о его там пребывании, но скрывали этот факт, чтобы не навредить правительству Аденауэра, в аппарате которого работали бывшие знакомые нациста), при этом Эйхман подписал бумагу о согласии на вывоз. Во время процесса он написал мемуары, которые были опубликованы лишь много лет спустя. Впрочем, ничего радикально нового к его истории они уже не добавили. История свершилась весной 1961-го, когда начались судебные заседания. Выставка подробно документирует весь ход процесса, начиная с момента похищения Эйхмана израильскими спецслужбами и порожденного этим действием дипломатического конфликта, разбиравшегося в ООН. Представлены как документы из парижского Центра современных еврейских документов (CDJC), так и из архивов Государства Израиль, а также немецких архивов. Породивший немало споров процесс был тщательно задокументирован, он стал примером новых отношений между масс-медиа и судебной системой. На нем выступили сотни свидетелей — в основном переживших Холокост. Во время всех заседаний велись киносъёмки. Многие из них транслируются сейчас непосредственно в выставочных залах, а на последнем этаже парижского Мемориала, в центре мультимедиа, на экранах компьютеров можно посмотреть все кинозаписи, сделанные в Иерусалиме в 1961 году. Специальный раздел выставки посвящен работе в Иерусалиме философа и публициста Ханны Арендт, писавшей оттуда газетные репортажи и выпустившей в итоге книгу «Банальность зла», ключевой труд по проблеме «обыденного антисемитизма» в XX веке. В комментариях к документам обозначены многие проблемные ситуации, связанные с процессом Эйхмана, показаны тесные и одновременно конфликтные отношения между политикой и правосудием в тогдашнем Израиле, обсуждается феномен смертной казни. К тому времени она уже была однажды применена в стране — правда, приговоренный к ней израильский офицер был годы спустя по вновь открывшимся обстоятельствам оправдан посмертно. Эйхман стал вторым казненным в истории страны. Казненным навечно.

ŌÀÈÌ ÑÌÊË. ÑÂÄÁÒÀËÛ

Ì ÎÑÊÂ, ãëãäÿ Ì & P ÁëÛì áí, äí 15.09

**Хаим Сокол. Свидетель (фрагмент). 2011 год. Видео. Частная коллекция.
Галерея Марата Гельмана**

Википедическая справка о Хаиме Соколе коротка: «Родился в 1973 году в Архангельске. В 1996 году закончил Еврейский университет в Иерусалиме. С 2006 по 2007 год учился в Московском институте проблем современного искусства. Жил и выставлялся в арт-сквоте в Хохловом переулке. В 2006 году стал членом Международной ассоциации изобразительных искусств — АИАП при ЮНЕСКО. Живет и работает в Москве и Иерусалиме». Плюс список выставок, в которых он участвовал, самая известная среди них — «Русское бедное» в Перми и Москве. Теперь директор Пермского музея современного искусства Марат Гельман открыл персональную выставку Сокола в московской галерее Гельманов. Работы создавались специально для столицы — в частности, в Вене, где Сокол провел как стипендиат несколько месяцев и откуда он ездил в Маутхаузен. «Впервые в жизни (во всяком случае в сознательном возрасте), — пишет он в сопроводительном тексте к “Свидетелю”, — я достаточно надолго оказался в стране, где когда-то массово и с несомненным успехом истребляли евреев. <...> Вена с завидным упорством сохраняет традиционный облик светской европейской столицы, в которой все архитекторы немного кондитеры. Этот облик, а точнее, образ сложился в немалой степени благодаря стараниям подданных Австро-Венгрии еврейского происхождения, как знаменитых на весь мир банкиров, ученых, музыкантов, архитекторов, писателей и художников, так и многочисленных безымянных тружеников. Возможно, поэтому Вена выглядит как живой мемориал евреям». Сокол, цитирующий работы Агамбена о концлагере как модели общества и воспоминания Примо Леви, считает, что «ничего по большому счету не изменилось со времен Освенцима, только в роли евреев сегодня выступают беженцы, нелегальные иммигранты, гастарбайтеры, да и мы все». Эти «мы все» принадлежат к так называемой «серой зоне», где «палач и жертва меняются местами. И это перевоплощение происходит каждый день, каждую минуту. Житель современного города (особенно Москвы) — это человек-оборотень, превращающийся то в бездомную собаку, которую каждый может пнуть в живот сапогом, то во владельца этого сапога».

Сегодня идеи художников часто выглядят интереснее в теории, чем на практике. Но это не случай Сокола, сохраняющего гармонию между интеллектуальным размышлением и художественной формой.

ΑΙΩΝΟΛΑΪ Ι ΑΕΙΩΝΑ ΑΑΪΑ ΕΑ Ι ΠΙΘΑΪΑ
Ι ΠΙΘΑΪ, ΟΑΑΟΒΑΕΥΪ ΨΕ Ι ΟΥΑΕ, ΑΪ 1809

ΑιωνολαΪ Αειων (α οαι ο θα) Ι α οεεθα Ι ΠιθαΪ α 1910 α α
Ες π α θαΪ εϋ ι οϋι ε α ευΪ ι ε ι α α ε α ο α ε α Α. Ι α ε α θα. Ι α δε ε α

Столетие со дня смерти Малера отмечают во всем мире — книгами, дисками, выставками. Одна из интереснейших экспозиций прошла в парижском музее Орсе (см. апрельский выпуск «Лехаима»). Театральный музей в Мюнхене показывает выставку, сделанную совместно с Венским театральным музеем (на берегах Дуная ее показывали зимой). Мюнхен — не менее важный город в судьбе композитора, чем австрийская столица. Здесь осенью 1910 года с небывалым успехом прошла премьера его Восьмой симфонии — автограф ее партитуры представлен в залах, вместе с письмами композитора и костюмами из опер, исполнением которых он дирижировал.

Малер не раз думал переехать в Мюнхен из Вены, где он постоянно оказывался жертвой антисемитских печатных атак и где его хоть и ценили как дирижера, но с трудом воспринимали как симфонического автора.

Среди 500 экспонатов выставки в музее, никогда не показывающем свою собственную огромную коллекцию и работающем лишь в режиме временных проектов, — видеозаписи крупнейших дирижеров современности, таких, как Марис Янсонс, Кент Нагано и Лоренс Маазель. Они говорят о своем восприятии Малера, о его значении для наших дней. Руководитель оркестра Берлинской филармонии Саймон Рэттл рассказывает, как в десятилетнем возрасте услышал на концерте Вторую симфонию Малера и был так ею поражен, что в итоге стал дирижером.

Αειωνιε Ι ρεθι οπ α

НОВЫЙ РАСЁМОН

DAÑI'ĒÀÒÀ

DAÆÈÑÑ' DÄÆI'Ì Ì YÄÄÄI'
ÑÒÀ, 2010

Трое агентов «Моссад», совершеннейшие супермены, отправляются в Восточный Берлин для захвата и доставки в Израиль человека, ставившего чудовищные медицинские опыты в Биркенау, — судить, как Эйхмана. Ныне, то есть в 1965-м, он скромный обыватель, гинеколог, обаятельный мужчина и отличный семьянин. Неприятности впереди. Переправка в Западный Берлин срывается. Агентов разыскивает полиция. Время идет, ничего не происходит, все на нервах. Охраняют пленника поочередно. Во время дежурства девушки пленник пытается бежать, девушка его убивает.

В Израиле агенты становятся национальными героями, образцами для восхищения и подражания, делать жизнь есть с кого. Дочь героини пишет об этой истории книгу. Мы, зрители, присутствуем на презентации, собственно, с этого кино и начинается. В сущности, то, что я только что рассказал, — своего рода экранизация книги.

Далее мы узнаем ту же историю в иной редакции. Обездвижив девушку (убить не мог, тогда бы это было другое кино), хирург из Биркенау растворяется в берлинских сумерках. Агенты решают, как им быть, придумывают версию, которой предстоит войти в национальный канон, — как бы в интересах народа и государства. Об их лжи знает только один человек — в его интересах помалкивать.

И вот, непосредственно после презентации книги, выясняется, что хирург из Биркенау живет себе в доме престарелых в Виннице и, кажется, готов рассказать прессе кое-что интересное.

И что скажет любящая дочь, только что воспевшая материнский подвиг? И что скажет любящий внук? И что скажут все? И что будет с репутацией? На старости лет. Итог жизни. И что будет с нашей национальной гордостью?

Героиня отправляется в Винницу, находит злодея, он на нее нападает, не лишен резвости и в преклонных годах, смертельно ранит, она его убивает. Репутация спасена. Внук не бросит в трагическую бабушку интифадный камень.

В сюжете есть все для удовольствия массового зрителя: красивые и мужественные агенты, коварный, обаятельный, есть что играть, злодей, боевое искусство в применении, «Крав-Мага» — лучшее, что придумало человечество, любовный треугольник, моральная коллизия, с сексом определенно недобор, с психологией и разговорами перебор, экшна маловато, украинские степи напоминают галилейский пейзаж, певучая мова подменена грубым наречием москалей, но в целом все в пределах кинематографического благоразумия.

Моральное назидание: врать нехорошо — даже в интересах государства, хотя врут, конечно, в собственных интересах. Авторы понимают важнейшее из искусств как искусство назидания.

В Израиле фильм наверняка будет воспринят как еще один, им несть числа, акт демифологизации истории. Очередной нож в спину сионизма. Идеологическое кино. Лапшу нам на уши вешали. Сколько можно! Все вралли. Про неправду писано.

Фильм входил в программу Московского кинофестиваля. На фоне фон Триера — поделка выпускника кулинарного техникума. Я вижу, как он водит пальцами по странице книги о вкусной и здоровой пище, рецептура соблюдена, технология выдержана — общепит он и есть общепит, сей повар не приготовит острого блюда, нет присущих гениальности свободы, фантазии и вдохновения.

Между тем возможность намечена: каждый из героев, включая злодея, дочь, внука и дух офицера штази, вызванный на спиритическом сеансе в редакции киевской желтой газеты, рассказывает свою версию событий. Кроме того, сменивший специализацию хирург из Биркенау, вглядываясь в вагину пациентки, впадает в мистический транс, созерцает прошлое и будущее, правда, смутно, как бы через закопченное стекло, так что порой ошибается. Или морочит голову. Определить, кто прав, решительно невозможно: кто убит? кого убили? что именно произошло? Невозможно еще и потому, что фильм идет на арамейском, средне-верхне-немецком и лужицком без титров. Зато с сурдопереводом.

О, это был бы новый Расёмон.

ИЮЛЬСКОЕ КИНО В ГЕЕННЕ ОГНЕННОЙ

Некод Зингер

Недавно в Иерусалиме завершился 28-й Международный кинофестиваль, на протяжении девяти дней державший в праздничном напряжении любителей игрового, документального и мультипликационного кино.

Èääð èç òèèüü à ááí ääðèèãä ðäæèèüüðä Áäèü Òäððä «Òððèí èèäý èí èäüü».

Ááí äèý- Òðáí öèý-Áäðí äí èý-Òäæöäðèý-ÏÒÄ.

2010 ää

Не меньшее впечатление, чем серебряная зернь Тарра, производит и тончайшая работа с цветом в другом фестивальном шедевре — фильме «Однажды в Анатолии» турецкого режиссера и фотографа Нури Бильге Джейлана, в полной мере наделенного гипнотической магией, способной захватить зрителей и при такой прозаической и гнетущей сюжетной канве, как поиски полицейскими мертвого тела. Две трети этого медленного *road movie* снято в ночи, последняя треть — при дневном освещении, и вся лента становится демонстрацией того, как смена ночного видения дневным трансформирует восприятие законов мироздания.

Наибольшей удачей ставшей традиционной программы «Рандеву с современным французским кино» оказался фильм «Комическая иллюзия» французского режиссера Матье Амальрика, в котором легкость, с какой действие фантастической комедии Пьера Корнеля перенесено в наши дни, отнюдь не мешает персонажам изъясняться александрийским стихом.

Героем ретроспективы стал в этом году знаменитый французский клоун, киноактер и продюсер Пьер Эттекс. Были показаны его фильмы 1960-х: «Ухажер», «Йойо», «Большая любовь», «Пока ты здоров», «Земля, текущая молоком и медом».

Èääð èç òèèüü à äðáí òèèèèãä ðäæèèüüðä Ì äèèü Ì äðèèäè- «Ì äáí èý».

Ì äèèèä- Òðáí öèý- Ì èèüèä- Áäðí äí èý. 2010 ää

Особое внимание привлекла «Пещера забытых снов» — новая документальная стереоскопическая лента Вернера Херцога, посвященная наскальным рисункам в пещере Шаве на юге Франции.

Премия зрителей была присуждена фильму Ами Дрозда «Моя Австралия», в котором под этим кодовым названием скрывается Израиль, — отнюдь не банальному анализу постоянно мучающих израильтян проблем сложной самоидентификации. Пережившая Катастрофу мать-одиночка из Польши с двумя сыновьями, лишь в подростковом возрасте узнающими о своей принадлежности к «избранному народу», пытаются построить новую жизнь в совершенно незнакомой и чужой для них стране.

Премия за лучшую режиссерскую работу досталась Агар Бен-Ашер за фильм «Шлюха» (Израиль—Германия), рассказывающий о попытке сексуально ненасытной тридцатипятилетней женщины с двумя дочерьми свести свою жизнь к упорядоченной семейной идиллии с одним постоянным партнером.

Лучшим сценарием был признан «Полицейский» Надава Лапида — по-моему, апофеоз ходульности: Ярон, молодой самодовольный супермен, переживает полный душевный переворот в столкновении со «««сложной и неоднозначной»»» (сколько кавычек ни поставь — все будет мало) действительностью.

Премия за лучшее исполнение женской роли разделили Натали Атия и Моран Розенблатт, сыгравшие в фильме «Помада» — две еврейские актрисы разных поколений в ролях двух арабских женщин из Рамаллы. А Гур Бентвич признан лучшим израильским актером в фильме «Минутные гости», где он исполняет роль Шауля — инфантильного эксцентрика и бомжа, который вместе с дочерью, приехавшей из-за границы в разгар 2-й Ливанской войны, притворяется жертвой бомбардировок Верхней Галилеи, чтобы получить убежище в доме благополучной иерусалимской семьи.

Премия за лучший документальный фильм присуждена полнометражному «Закону здешних мест» Раанана Александровича — ленте, подробно рассматривающей густую сеть законов, постановлений и уложений, созданных израильскими юристами за 40 лет управления территориями, на которые формально не распространяется израильское гражданское право и которые одни называют освобожденными, а другие — оккупированными. Создатели фильма (естественно, не без вполне внятной антиоккупационной тенденции) задаются вопросом о парадоксальности такой ситуации.

Специальную премию «В духе свободы» для зарубежных игровых фильмов жюри, не убоявшись тавтологии, присудило Пауле Маркович, режиссеру фильма «Премия». В этой истории, основанной на автобиографии режиссера, акцентированы психологические аспекты отношений между матерью и дочерью в условиях жизни под пятой репрессивного режима 1970-х годов.

Премия Лии ван Лир присуждена американскому режиссеру Джозефу Дорману за фильм «Шолом-Алейхем: смех во тьме». Эта документальная лента представляет собой попытку на жизненном примере великого национального писателя проследить путь, проделанный восточноевропейскими евреями, перенесшими свои культуру и быт из Старого Света в Новый.

А поскольку речь зашла о премии Лии, то нельзя не упомянуть также документальную ленту Тали Гольдберг, посвященную Лие ван Лир — человеку, без которого сегодня у нас не было бы ни этого, ставшего таким привычным, международного кинофестиваля, ни самих Синематеки и Киноархива. Фильм так и называется, просто и без затей: «Лия». А его героиню, которой сегодня идет 89-й год, можно было и на этот раз постоянно видеть на фестивальных сеансах, в кафе, на симпозиумах, в самой гуще созданного ею праздника киножизни.

Премия Института «Яд ва-Шем» досталась режиссеру художественного фильма «Вундеркинды» Маркусу Розенмюллеру из Германии, рассказавшему историю необычной и неуместной в период нацистского режима дружбы между еврейскими и немецкими детьми.

Ну и конечно, как всегда, не обошлось без мультипликации. Неожиданностью был полнометражный еврейский комикс «Кот раввина», а среди многочисленных израильских и зарубежных короткометражек хочется отметить «Хиглети, пиглети, поп!» канадских аниматоров Криса Лэвиса и Мацека Щербовски, по одноименной книжке Мориса Сендака — волшебную историю собаки Дженни, решившей, что в жизни должно быть нечто большее, чем просто «иметь все», и покинувшей дом, чтобы после

«приобретения опыта» в столкновении со сверхъестественными и пугающими силами стать примадонной в «Мировом Театре Матушки Гусыни».

Было в этом году одно нововведение, которое доставило большое ностальгическое удовольствие многим зрителям: перед началом каждого фильма показывались «киножурналы» — короткие наивные рекламные ролики, снятые несколько десятилетий назад и воскрешающие давно ставшие легендой первые самостоятельные шаги ближневосточного чудо-ребенка — Израиля-Срулика.

А закончить краткий рассказ хотелось бы пожеланием, которое со стороны может показаться, пожалуй, не слишком существенным. Однако те, кто по любви к важнейшему из искусств из года в год нырял из-под плавающего всякую живую плоть евусейского солнца над Геенной Огненной в ледяные от кондиционеров пещеры столичной Синематеки, которым даже пещера Шаве в подметки не годится, а потом выползали обратно на тридцатипятиградусную жару, чтобы поспешать по выжженной Долине духов на следующий сеанс в кинотеатр «Лев Смадар», — те меня поймут. В следующем году в прохладном Иерусалиме!

ОЛИМПИЙСКОЕ «НАСЛЕДСТВО»

Èðéíà Ì àé

ÀÒÌ ÐÀÐ ÆÁÍ À

ÐÀÆÈÑÑ´ÐÌ ÀÐÒÀ Ì ÀÑÑÀÐÌ Ø
ÀÁÍ ÆÐÈÐ, 1980

В 1980 году на столичных стадионах прошли Олимпийские игры, а в кинотеатрах показали «Вторую жену». При несопоставимой значимости этих событий для истории оба они казались мне, недавней школьнице, невероятными. Город, из которого выпотрошили местное население, заполнили иностранцы. А на экране прилюдно произнесли слово «еврей».

Разумеется, многие реплики в русской версии звучали тогда совсем не так. Это было обычное дело: нежелательные кадры или вырезались, или неправильно переводились, вводя в заблуждение зрителей. Но все убрать цензоры не смогли.

Сейчас многим непонятно, что привело меня в такой восторг. Даже мне с трудом верится в то, что еврейская тема в наших картинах — или не наших, но тех, которые допускались к показу в советской стране, могла только подразумеваться, но никогда не обозначалась конкретно. Как и сами евреи таковыми публично не назывались — даже в списке погибших на памятнике в Бабьем Яре. И кадры с Михоэлсом и Зускиным, поющими «Колыбельную» в фильме «Цирк», изъятые в эпоху борьбы с космополитизмом, вернулись на место только в перестройку.

Про евреев могли что-то показать только в иностранных картинах, шедших во внеконкурсном показе на Московском кинофестивале. Но в случае с венгерской картиной «Вторая жена» фестиваль ни при чем. Похоже, это был все-таки официальный прокат: кино из стран народной демократии легче пробивалось на советские экраны. Героиню в фильме играла Изабель Юппер — в 1980 году я даже не знала такого имени, но успела ее оценить.

Имени режиссера — Марта Мессарош — я тоже не слышала. Хотя могла бы: классик. Одна из любимиц Берлинале, она в 2007-м получила «Берлинскую камеру» — почетный приз, который вручается «по совокупности заслуг». И до сих пор, несмотря на солидный возраст — 19 сентября 2011 года ей исполняется 80, — снимает кино. Впрочем, и фильмов ее раньше у нас не показывали, если не считать «Второй жены».

Действие начинается в Будапеште в 1936 году. Двадцатисемилетняя Юппер играет юную художницу Ирен. Светящиеся на солнце медные волосы, нежный румянец, фарфоровая кожа... Кокетливое замечание: «Мои веснушки запоминаются...»

Ирен живет с набожным дядей, но явно слишком умна и талантлива, чтобы замыкаться в ограниченном мирке религиозной семьи. Она мечтает учиться живописи — но не имеет на что. И тут ее новоиспеченная подруга Сильвия, дочь преуспевающего дельца и молодая жена бравого офицера,

обращается к Ирен с просьбой. Сильвия не может иметь детей. Она предлагает подруге деньги — за то, что та родит ей наследника. От ее, Сильвии, мужа.

В предвоенные годы о суррогатном материнстве никто еще и не мечтал, и даже мысль такая показалась бы непристойной. Девушка отказывается от предложения, но Сильвия ее преследует, уговаривает, знакомит со своим мужем Акошем (известный польский актер Ян Новицкий, в жизни — муж Мессарош), они нравятся друг другу, и в конце концов становится ясно, что жена тут уже ни при чем.

Оригинальное название фильма — «Наследница» или «Наследство» (в разных странах были разные варианты) — тут явно больше подходит. Это абсолютно декадентское кино: полутемные интерьеры, изящные шляпки, тихие разговоры, молчаливая любовь, танго как лейтмотив, отсылающий нас к «Ночному портье»...

И безусловно это женское кино. В самом лестном смысле этого слова. Позволяющее взглянуть на происходящее глазами женщины. Режиссер-мужчина, втяни его в подобную историю, сделал бы Ирен безропотной жертвой предрассудков, тогда как у Мессарош она — самостоятельная эмансипе.

— Ты не можешь купить мою свободу. Я делаю только то, что хочу, — наивно заявляет она, не предполагая, что скоро от ее желаний будет мало что зависеть.

Это неожиданное кино именно для Марты Мессарош, выступающей в своей неженской профессии наравне с мужчинами. Ее и упоминают обычно в знаменитом венгерском режиссерском списке среди мужчин: Иштван Сабо, Золтан Фабри, Миклош Янчо, Марта Мессарош. Выдающийся режиссер Миклош Янчо был первым мужем Марты и отцом двух ее сыновей-операторов, которые помогают матери снимать кино. Через пару лет после «Второй жены» Миклош Янчо-младший работал на знаменитой маминой картине «Дневник для моих детей».

Этот фильм два года не выпускали, но в 1984-м он вышел на экраны и получил Гран-при Каннского фестиваля. История, рассказанная в «Дневнике...», важна для понимания всего, что она снимала до него и после.

В «Дневнике...» вся ее жизнь — эмиграция вместе с родителями в Советскую Россию, гибель в ГУЛАГе отца — скульптора Ласло Мессароша, киргизская ссылка, смерть матери, возвращение в Будапешт. Марта потом снова жила в СССР — училась во ВГИКе, помнит среди преподавателей Довженко, Пырьева и Герасимова. По-русски говорит как мы. Мне ее творчество дорого еще потому, что Марта Мессарош единственная успела снять в 1977 году, в картине «Их двое», вместе Марину Влади и Владимира Высоцкого, с которым была дружна.

Но исторический фон всегда присутствует в ее сюжетах, будь то венгерская революция 1956 года, подавленная братской помощью СССР, или «мягкая диктатура» Яноша Кадора, или ГУЛАГ, или война, в которой Венгрия, как известно, играла на стороне Германии.

Что мы помним о Европе 1936 года? Олимпиаду в Берлине. Ее мы и видим здесь. Акош собирает всех в зале и демонстрирует собственные любительские съемки открытия Олимпийских игр. Гитлер произносит речь — эти кадры мы знаем по «Олимпии» Лени Рифеншталь. Лес вытянутых в нацистском приветствии рук. Домашняя съемка переходит в хронику, чернокожий легкоатлет Джесси Оуэнс на беговой дорожке приходит к финишу первым, но голос за кадром объявляет только, кто пришел третьим, кто вторым.

Кадры любительской съемки еще неоднократно будут появляться в фильме, только Гитлера на них уже не будет. Его место займет Ирен.

— Я вам никогда не говорила, ведь я еврейка.

— Я знаю.

Звучит как «прокаженная», как будто это та порочащая подробность, о которой нельзя не упомянуть. Я натыкалась на такие внезапные признания много раз. Помню, как удивилась, прочтя еще, учась в девятом классе, в статье Анны Ахматовой о Модильяни его слова, произнесенные как-то вдруг. «Я забыл вам сказать, что я — еврей». Общее место.

«С еврейской кровью родилась, а сердцем с Венгрией слилась» — эти стихи Ирен-Юппер не забывает ни на минуту. Проблема в том, что Венгрия с ней не захотела слиться. И режиссер готова эту ответственность со своей страной разделить.

Позже Марта Мессарош неоднократно возвращалась в своих фильмах к еврейской теме. В 1995-м она сделала «Седьмую комнату», об Эдит Штайн, крещеной еврейке, ставшей монахиней-кармелиткой и католическим философом, погибшей в Освенциме и беатифицированной Иоанном Павлом II. Эдит у нее сыграла известная еврейская актриса из Румынии Майя Моргенштерн, знакомая нам по «Страстям Христовым» Мела Гибсона, — она там появляется в образе Девы Марии. А в 2009 году Мессарош показала на Московском кинофестивале «Последний донос на Анну». Он посвящен венгерской диссидентке Анне Кетли, в прошлом — премьер-министру, бежавшей из страны после вторжения в 1956 году советских войск. Во время нацизма Кетли оказалась одной из четырех членов парламента Венгрии, которые выступали против принятия закона о преследовании евреев. Но «еврейский» закон был принят. Венграм в этой позорной истории нечем гордиться. Ни у кого из зрителей нет сомнений, что ждет Ирен и ее детей.

Венгерские евреи, уцелевшие в начале войны, все-таки были депортированы в 1944 году. 1944-м и заканчивается фильм. Акош рассчитывает спасти Ирен, забрав для нее паспорт жены. Но кто-то их выдает полиции. Кто, если не брошенная жена?

Все, что видим здесь, — на уровне ожиданий и ощущений. Мы не видим ни концлагерей, ни пыток, — но знаем, что ждет героев. Что их может ждать. Все очень тихо и медленно. Любовь — больше в глазах, чем в объятиях. Изабель Юппер не говорит за весь фильм и сотни слов, но каждое как бриллиант.

Почему она здесь играет — понятно. Хотя Юппер тогда уже много снималась в Европе, была обладательницей главной награды в Каннах, ее гонорары росли, а съемки в социалистической стране не сулили особых выгод. Но актриса родилась в семье еврея-промышленника, получила отличное образование на славянском факультете университета и о судьбах европейских евреев наверняка знала многое.

А в Венгрии разрешили сделать о них фильм. Все сошлось. Ситуация в венгерской кинематографии, несмотря на социализм, в корне отличалась от советской. По воспоминаниям самой Марты Мессарош, для деятелей искусства на ее родине существовало в то время две запретные темы. Первая — венгерская революция 1956 года. Вторая — политика в СССР. Евреи, как это ни удивительно, не были под запретом. Стало быть, о них можно было снять кино.

ЕВРЕЙСКИЙ ШОСТАКОВИЧ

Владимир Мак

«Вся народная музыка прекрасна, но... еврейская — уникальна» — эти слова Дмитрия Шостаковича Соломон Волков приводит в книге «Свидетельство». И дальше цитата: «Многие из моих вещей отражают впечатления от еврейской музыки. Это не чисто музыкальная, но также и моральная проблема. Я часто проверяю человека по его отношению к евреям. В наше время ни один человек с претензией на порядочность не имеет права быть антисемитом. Все это кажется настолько очевидным, что не нуждается в доказательствах, но я вынужден был отстаивать эту точку зрения по крайней мере в течение тридцати лет».

Αἰ εὐδοεὲ Ὀπποαεῖαε: ἰὰ ἰ δαὶ ἰῖδα ἡῖῖε × ἀὸ ἀῖδὸ ἰε ἡῖ ὀῖῖε (op. 43).

30 ἰῖεῖῖῖ 1961 ἰῖῖῖ

«Никогда не надо забывать об опасности антисемитизма, — говорил Шостакович, — и мы должны продолжать напоминать об этом другим, потому что зараза жива, и кто знает, исчезнет ли она когда-нибудь». Печально, но точно. Практически речь диссидента, которым Шостакович никогда не был. Подписывать заявления в защиту евреев, участвовать в акциях — это было не для него, а попытки вызволить из тюрьмы Вайнберга и Бродского не имеют отношения к национальности фигурантов. То, что еврейское занимало в сочинениях композитора много места, — не вопрос ума или позиции. Логику композитора не может постичь никто, кроме него самого. Но 30 лет противостояния антисемитизму — в

любом случае подвиг. Мы вспоминаем об этом сегодня, когда со дня рождения Шостаковича исполняется 105 лет. Когда мы можем во всей полноте представить себе обстоятельства его жизни и смерти. И понять, что им двигало во времена, когда любое выступление в защиту евреев трактовалось как неподчинение властям.

Жизнь композитора поместилась меж близлежащих дат — 9 августа и 25 сентября. Вернее, наоборот: 25 сентября 1906 года Дмитрий Дмитриевич родился, а 9 августа 1975-го ушел из жизни. Народу об этом объявили только 11-го, потревожив Брежнева в Крыму. И даже тогда места на передовице «Правды» не нашлось — на третьей странице опубликовали подписанный «членами» некролог, с акцентом на «верного сына Коммунистической партии», посвятившего жизнь «борьбе за мир и дружбу народов».

В те годы одним из центров летней музыкальной жизни было Рижское взморье. Концертами оркестра Киевской филармонии в Дзинтари дирижировал Кирилл Кондрашин. Скрипачка Элла Спичко, ныне участница Иерусалимского симфонического оркестра, помнит, как это было: «Придя 10 августа на концерт, я узнала, что час назад они видели Кондрашина — полуодетого, всклокоченного, метавшегося по набережной. Кто-то услышал по “голосам” о смерти Шостаковича. На сцене заплаканный Кирилл Петрович сказал слушателям о случившемся и об изменении в программе. Гидон Кремер солировал в концерте Сибелиуса, затем была 10-я симфония Шостаковича. Кондрашин дирижировал со слезами в глазах и гениально. Никто не аплодировал, такова была просьба Кирилла Петровича, который сразу после окончания, не поворачиваясь к публике, ушел со сцены».

Потом, в 1980-х годах, в день рождения Шостаковича — 25 сентября, — в Москве, в Большом зале консерватории всегда устраивали концерты: Рихтер, квартет Бородина, Олег Каган, Наталия Гутман... Концерты никогда заранее не объявлялись, будто устраивались не в память народного артиста и лауреата, но в память того, кто был с советской властью не в ладах. По большому счету так и было. Одному из своих ближайших друзей, Исааку Гликману, Шостакович писал: «Каждый день пытаюсь что-нибудь сочинить. Но ничего не получается <...> вспоминаю биографию Сибелиуса. <...> многие годы своей жизни он ничего не сочинял и занимал лишь должность Гордости финского народа...»

Шостакович тоже оставался «гордостью». Только в 1979-м в вышедшей в Америке книге Соломона Волкова «Свидетельство» увидели другого Шостаковича — злого, нервного, ненавидящего тех, в любви к кому он признавался в газетах. В прессе моментально появились фельетон «Клоп» и коллективное письмо советских композиторов, осуждающее клеветника, якобы придумавшего свидетельство. Подписали все, кроме Свиридова, Бориса Чайковского и Щедрина — отсутствие их имен бросалось в глаза. Заговорили о Шостаковиче, как двадцатью годами раньше о Пастернаке. И тут нашлось что вспомнить.

В 1979-м живы были многие из тех, кто помнил 1936-й и статью «Сумбур вместо музыки», после которой запретили «Леди Макбет Мценского уезда» и отменили премьеру Четвертой симфонии. И 1948-й — обвинение в формализме, когда Шостаковича уволили из обеих консерваторий (Московской и Ленинградской) и объявили вредной для народа его музыку. Это помнили все, включая активных участников избиения — Кабалевского, Хренникова, Свешникова, Хубова. К тому моменту они уже были перекрашенными глашатаями творчества «великого Шостаковича», написавшего после объявления его формалистом симфонии «1905 год» (11-я) и «Владимир Ильич Ленин» (12-я) и симфоническую поэму «Октябрь».

Но кроме палачей, живы были жертвы «Постановления» — Вайнберг, Уствольская, Караев и исполнители — Гилельс, Коган, Ростропович, Рихтер, Кондрашин, Баршай... Они не высказывались публично — это было в принципе невозможно, да и жили некоторые из них уже на Западе, а лишь играли — и этого было довольно. С тех пор и стали существовать два Шостаковича, советский и антисоветский.

Прошло 30 с лишним лет, но настолько силен был эффект «Свидетельства», что по сей день не утихают споры. Я даже не хочу, подобно некоторым критикам, разбирать диалоги Шостаковича с Волковым построчно. Отмечу лишь, что несколько авторитетных музыкантов — Темирканов, Рождественский, Кремер — говорили мне, что верят Волкову. «Свидетельство» созвучно музыке Шостаковича и всей той мерзости, которая его окружала. И не столь важно, все ли слова в тексте сказаны лично композитором собеседнику или некоторые из них взяты Волковым из других источников. Книга же интересна еще и тем, что в ней Шостакович — не только «антисоветский», но и абсолютно еврейский композитор.

Хотя что означает этот термин — большой вопрос. Еврей по национальности? Мендельсон, Мейербер, Оффенбах, Рубинштейн, Малер, Сен-Санс... Музыка их не национальна, ее авторами могли быть немцы, французы, русские... кем они, собственно, и были в творчестве. Автор музыки на еврейскую

тематику? Росси, Галеви, Блох, Мусоргский, Равель, Шенберг, Стравинский, Прокофьев, Бернштейн... Некоторые из них — не евреи, но без них еврейская тема в музыке была бы беднее. Шостакович — в этой группе, рядом с Мусоргским, Равелем, Прокофьевым и Стравинским, но насколько значительнее! У Равеля — две песни. У Мусоргского — эпизод в «Картинках с выставки». У Прокофьева — «Увертюра на еврейские темы». У Стравинского — несколько сочинений на библейские темы, причем «Авраам и Ицхак» — на иврите и посвящен «Народу Государства Израиль». У одних уклон в фольклор, у других — в литературу. Но и близко нет ни в одном из опусов по-настоящему раскрытой еврейской темы. Так, как она раскрыта у Шостаковича, и только у него.

Среди деятелей культуры были филосемиты, выдающиеся художники. В России — Горький, Соловьев, Короленко, Римский-Корсаков, Глазунов... С уровнем Шостаковича несоизмерим ни один. Шостакович ввел еврейские мотивы и интонации, как минимум, в семь важнейших опусов: 4-й и 8-й квартеты, трио «Памяти Соллертинского», цикл «Из еврейской поэзии», 13-ю симфонию, Первый скрипичный и Второй виолончельный концерты — случай беспрецедентный!

«Мои родители считали антисемитизм постыдным пережитком, — говорил Шостакович, — и в этом смысле мне было дано исключительное воспитание. В юности я столкнулся с антисемитизмом среди сверстников, которые считали, что евреи получают некоторые преимущества. Они не помнили о погромах, гетто и процентной норме. В те времена насмехаться над евреями считалось почти что хорошим тоном. Это была своего рода оппозиция властям».

После революции власть в Питере возглавлял Зиновьев, и кроме него в верхнем эшелоне евреев было предостаточно. Но перед войной подружились с Германией, и стало ухудшаться отношение к евреям. «Евреи оказались самым преследуемым и беззащитным народом Европы, — говорил композитор. — Это был возврат к Средневековью. Евреи стали для меня своего рода символом. В них сосредоточилась вся беззащитность человечества».

Может быть, в этой беззащитности все дело. Впервые еврейская тема появилась у Шостаковича в 1944-м, в трио «Памяти Соллертинского». Ближайший друг композитора, ушедший совсем молодым выдающийся музыковед Иван Иванович Соллертинский, не был евреем, но именно еврейская танцевальная тема, подсказанная художником Гершовым и преображенная в крик от боли, стала главной в сочинении. Почему?

«Если говорить о музыкальных впечатлениях, то самое сильное произвела на меня еврейская народная музыка. Я не устаю восхищаться ею, ее многогранностью: она может казаться радостной, будучи трагичной. Почти всегда в ней — смех сквозь слезы. Это качество еврейской народной музыки близко моему пониманию того, какой должна быть музыка вообще. В ней всегда должны присутствовать два слоя».

Ài èòèé Ôîîòàéîâé: ìî ìâèî äòâî, î óúèâéüî ùî èðèòééî Êââî îî Ñîèâððèîîèèî.

1942 ãã

Четвертый квартет, памяти художника Вильямса, тоже нееврея, — и снова еврейская тема как символ трагедии. 13 января 1948-го в ЦК ВКП (б) состоялось собрание деятелей музыкальной культуры, на

котором Шостаковича объявили формалистом. Ему предстояло покаяние в содеянной 8-й симфонии — может быть, лучшем сочинении о войне. В тот же день пришло известие из Минска о смерти Михоэлса. Не было никаких сомнений в убийстве. Шостакович пришел в дом к дочери Михоэлса Тале и ее мужу, композитору Вайнбергу (в 1943 году Дмитрий Дмитриевич помог им переехать из Ташкента в Москву), обнял их и сказал: «Как я ему завидую!» В это время он работал над скрипичным концертом. Думаю, что именно тогда в нем появилась еврейская тема.

Летом 1948-го Шостакович случайно наткнулся на сборник еврейских стихов — и возник цикл «Из еврейской народной поэзии». Первые песни — чистый фольклор, в финале совершенный гротеск: жена еврейского сапожника поет о том, как хорошо живется в Стране советской: «Врачами стали наши сыновья! Звезда горит над нашей головой!» В 1948-м о премьеры любого сочинения не то что со словом «еврейский», но даже с соответствующей интонацией и думать было нечего, — 4-й квартет и скрипичный концерт тоже прозвучали публично лишь после смерти вождя. А в 1955-м, когда цикл прозвучал в Малом зале консерватории, уже были пережиты и «дело врачей», и сакральное избавление — смерть Сталина. И сыновья — врачи, и горящая над головой звезда (со сколькими лучами?), и мощные, резкие аккорды фортепьяно, на котором играл автор, — все это произвело эффект невероятный.

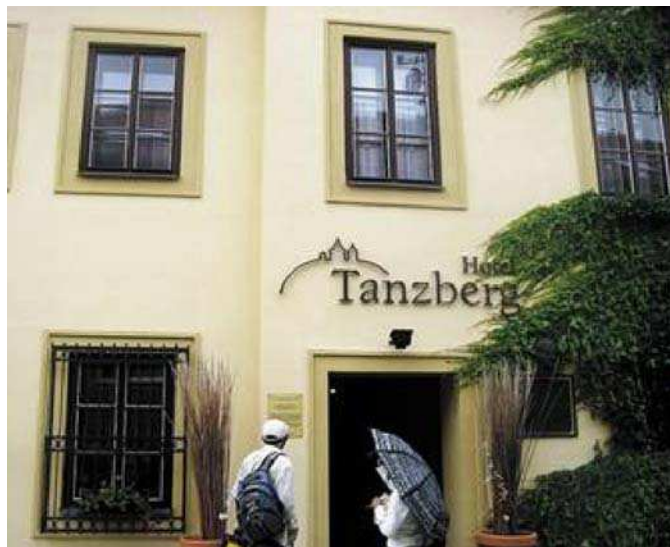
Дальше все шло по нарастающей: 20 последних лет жизни Шостаковича — эпоха сплошного лицемерия в публичной ее части и колоссального творческого подъема в музыке. Одна из кульминаций — 8-й квартет. Подзаголовок: «Памяти жертв фашизма и войны» (без привязки к национальности!), повод — насильственный загон в КПСС. В письмах квартет назван реквиемом самому себе. Весь опус соткан из автоцитат, главная — еврейская тема из трио. А при этом считается, что главная еврейская работа Шостаковича — 13-я симфония. Точнее, ее первая часть — «Бабий Яр». Но там как раз — ни подтекста, ни двойного дна. Открытая декларация словами Евтушенко: «Для всех антисемитов я еврей!» Поэт вскоре откажется от некоторых слов, композитор музыку не изменит. 13-ю симфонию будут в Союзе вечно считать еврейской и не рекомендовать к исполнению. И сегодня ее подзаголовок — «Бабий Яр», хотя в сочинении еще четыре, совсем нееврейские, части. Потому что зараза жива.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТУМ

Áèèòíðëÿ Î í-æÿíáá

Чехословакия лежит на перекрестке различных культур, и историческое своеобразие ее культуры с глубокой древности, пожалуй, со времен Кирилла и Мефодия, заключается именно в творческом соединении потоков, льющихся из отдаленных источников.

Роман Якобсон

Áíí, á èíòíðÿ 20 èáð æèè ðáááè Èáááá È, á ááí Ááááááááá (Î ááááááááá), èíááá áúè ááááá úí ðááááááááá Î íðááááá è Ñèèááááá

В 30-е, последние европейские мирные годы XX века, блистательный чешский лингвист и переводчик еврейского происхождения Павел Эйснер сказал нечто созвучное этим словам Якобсона: что уделом его страны является симбиоз. Он имел в виду три культуры — чешскую, немецкую и еврейскую. Дальнейшее драматическое развитие европейских событий разрушило этот симбиоз, и, отправляясь в сегодняшнюю Чехию, путешественник неизбежно сталкивается лишь с его остатками, рудиментами, с памятью о былом сосуществовании трех культур. При этом добровольный скиталец, интересующийся еврейской историей и уже объездивший часть Восточной Европы, поразится тому, как бережно и тщательно любые ее следы хранятся в Чехии людьми, никакого отношения к ней не имеющими. Кроме, впрочем, давнего, как давнопрошедшее время, соседства[1]. И подобно этой грамматической категории, не имеющей настоящей и будущей форм, реальное историческое соседство, погружившееся на дно безвозвратно ушедшей истории, существует теперь только в пространстве исторической памяти.

Аадепга есааеиа а I ееога, ии гаага аи аогае итегага XV ааа

«Лехаим» уже добровольно скитался по Праге (См.: Андрей Шарый. Z`ide города Праги. 2008. № 2), и читатель усвоил кое-какие сведения и об этом поразительном городе, кстати, согласно бытовавшей в чешских землях легенде, основанном именно евреями — практически сразу после разрушения Храма, и о р. Лёве бен Бецалеле, Маарале, получившем широкую известность как легендарный создатель первого в мире робота — голема, хотя имевшем и значительно более серьезные реальные заслуги. Скульптурное изображение р. Лёва, созданное знаменитым Л. Шалоуном, автором памятника Яну Гусу в центре Праги, стоит сейчас у Нового пражского магистрата на Марианской площади. Кстати, чтобы понять символическое значение этой скульптурной композиции, где Маараль изображен с женской фигурой, следует вспомнить легенды о том, как смерть многократно, но безуспешно пыталась забрать праведника из этого мира, принимая разные обличья. Роковой оказалась преподнесенная внучкой рабби в день его рождения роза, в которой и скрывалась смерть. Почему тема смерти так педалирована и этим скульптором, и магистратом (с противоположной стороны здания стоит изображение легендарного рыцаря, окаменевшего от проклятия отвергшей его и за это им заколотой возлюбленной), выяснить не удалось (может быть, смерть здесь представлена как идея равноправия, перед которой иудей и христианин равны?), зато симбиоз культур вполне очевиден.

Но сейчас читатель приглашается в насквозь пропитанные историей, в том числе и еврейской, пространства Богемии и Моравии, в их маленькие городки с великим прошлым, куда отправилась экспедиция исследователей, организованная московским центром «Сэфер» и Центром Чейса (Еврейский университет Иерусалима) с помощью чешского еврейского туристического агентства «Wittman tours». Некоторые впечатления от этого захватывающего странствия по давнопрошедшему времени легли в основу этих заметок.

Маараль не случайно послужил нам отправной точкой путешествия в глубь страны, ведь в Прагу он переехал из «глубинки» — моравского города Микулова (по-немецки — Никольсбурга, от названия которого, традиционно записывавшегося двумя буквами — *n* и *u*, происходят еврейские фамилии Нэш, Нэшер и им подобные), в котором прожил 20 лет (1553–1573 годы). Над городом, где еврейское присутствие впервые упоминается в 1369 году, возвышается замок его владельцев — Лихтенштейнов (с 1249 года), позже — Дитрихштейнов (1575–1945 годы), обосновавшихся здесь со своим двором и фактически превративших Микулов в процветающий центр Моравии. Высокородные владельцы прекрасно понимали, сколь много пользы приносит им присутствие евреев (плативших, кстати, значительно более высокие налоги, чем христиане, содержавших княжескую гвардию, регулярно поставлявших в замок свежее мясо и масло), и потому, даже когда евреев изгоняли из королевских городов, они могли рассчитывать на благосклонный прием в Микулове. Впрочем, эта мудрая иммиграционная политика распространялась не только на иудеев, но и на гонимых швейцарских протестантов, нашедших прибежище в Микулове и заметно способствовавших развитию местного виноделия и ремесел (особенно производства изысканно декорированного фаянса).

Ἐἰ ὁ ἀδελφὸς Ἀάβραάμ πάλαι αἰεὶ εἰσέρχαι

Неудивительно, что в этих благоприятных для иммигрантов-иноверцев обстоятельствах еврейский Микулов процветал в течение 300 лет. С середины XVI до середины XIX века (когда евреи составляли уже 42% населения) он являлся духовным, культурным и политическим центром моравского еврейства. Этому способствовал и указ веротерпимого императора Максимилиана II Габсбурга о введении должности окружного раввина Моравии с резиденцией в Микулове. Именно этот пост и занял Маараль.

После Маарала в Микулове жили и другие прославленные ученые, служившие окружными раввинами Моравии: бежавший от хмельничины Менахем-Мендл Крохмаль (Цемах Цедек); племянник известного «придворного еврея» Самуила Оппенгеймера Давид Оппенгейм, чье огромное книжное собрание было впоследствии приобретено оксфордской Бодлеянской библиотекой; Шмуэль-Шмельке Горовиц, создавший здесь отдельную хасидскую синагогу; Мордехай Бенет, который предпочел этот пост предлагавшимся ему одновременно аналогичным должностям в Пресбурге и Кракове. О Бенете с удивлением говорили как о единственном ортодоксальном раввине, с пониманием относившемся к идеям Просвещения, распространявшимся в его эпоху.

В еврейском квартале насчитывалось 12 синагог, из его 317 домов к настоящему времени сохранилось 90, многие из них находятся под охраной как культурные памятники.

Самая старая здесь синагога — так называемая Верхняя, построенная на месте более ранней, середины XVI века, — находится прямо у подножия замка Лихтенштейнов—Дитрихштейнов.

Á áððáñéñí éáððò áéá Òðæ áñé:-á

Разумеется, за свою долгую историю она много раз перестраивалась: в XVII веке были пристроены верхняя женская галерея и нижний зимний зал; после страшного пожара 1719 года, охватившего и еврейский квартал, и замок, их восстанавливали, как полагают, одни и те же архитекторы; переделка 1819 года придала зданию синагоги ампиный облик. Но, осматривая ее интерьер, путешественник, знакомый с восточноевропейскими образцами синагогальной архитектуры, заметит характерные для них элементы — колонны, балдахин. Это не случайно — каменная летопись подтверждает то, что известно из письменных источников: эти элементы привнесли сюда польские беженцы середины XVII века, спасавшиеся от гзерт тах-тат[2].

От Микулова-Никольсбурга недалеко до Брно, давней столицы Моравии, которая становится местом поселения евреев уже в XIII веке. Тогда обильно пополнявшим казну евреям оказывал покровительство «железный и золотой» король Пшемьсл Отокар II, и община процветала. Известно, что при Яне Люксембургском, в 1333 году, евреи оплатили 25% стоимости постройки городских стен и рва. От этого времени сохранились древнейшие в Моравии мацевы 1349 и 1373 годов, помещенные теперь в городской музей.

Город Брно дал свое имя родившемуся здесь знаменитому раввину Израэлю Бруну бен Хаиму (1400–1480), крупнейшему талмудическому авторитету своего времени, которого начавшиеся гонения на евреев заставили переехать в Регенсбург, где он открыл свою ешиву. Изгнание евреев из Брно, как и во многих других европейских городах середины XV века, было в значительной степени вызвано страстной проповеднической деятельностью францисканца Иоганна ди Капистрано, «бича Божьего», как его называли, безудержного борца со всяческой ересью, которую он понимал весьма широко. В художественно заостренной форме эти события и лица отразились в исторической трагедии Готтхарда Дейча «Израэль Брун» (1908), действие которой происходит в Брно в 1454 году.

Пятнадцатилетний чешский король Ладислав Постум (т. е. «родившийся после смерти отца») в 1454 году под влиянием Капистрано издает указ об изгнании евреев из всех королевских городов, согласно которому евреи должны были передать свое имущество, включая недвижимость, христианам, а те, в свою очередь, — компенсировать казне высокие еврейские налоги. Что это означало для экономики города, нетрудно догадаться, а король, должно быть, понес кару за свой указ — умер спустя три года, не успев жениться и произвести на свет потомство.

С этого времени на 400 лет евреи вынужденно удаляются из городских стен Брно, и как-то не очень притягательными сегодня кажутся призывы напрячь воображение и представить себе, что еврейский квартал некогда располагался между бывшей гостиницей Падовец, где стояли Еврейские ворота (Judentor), Овощным рынком, улицей Масарика (ее нижняя часть называлась Еврейской улицей) и Меняльными воротами, а на месте теперешнего вокзала находилось еврейское кладбище.

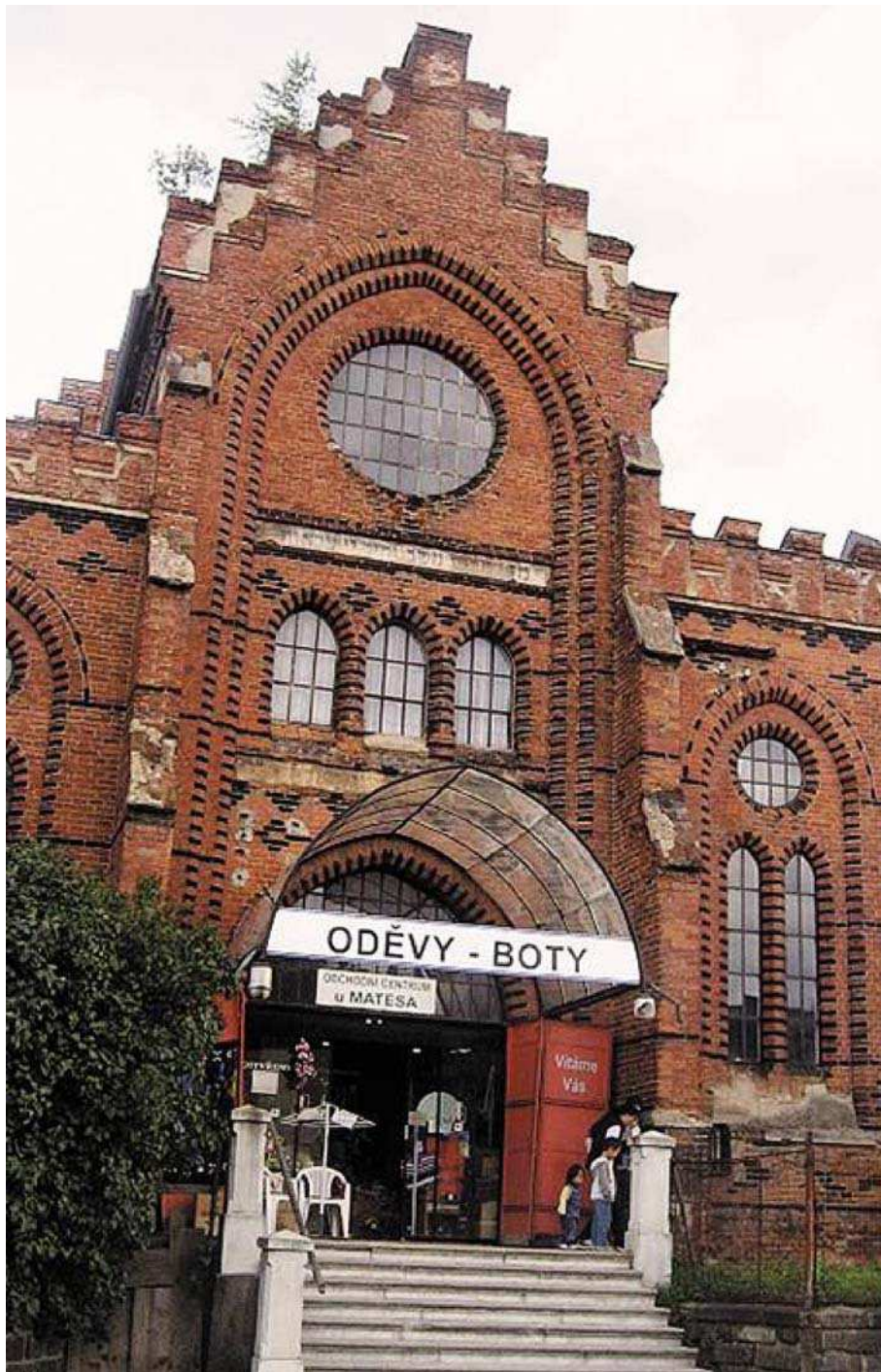
А «Noahé» пелі аїї а Одаііє-а

Для интересующихся лжемессианскими течениями Брно может представлять особый интерес, поскольку здесь с 1773 по 1786 год пребывал со своим «двором» авантюрный основатель секты франкистов Яков Франк. Пытаясь — путем принятия христианства — «освободить» Б-жественные искры от скрывающих их клипот, он сам, в свою очередь, был освобожден из ченстоховского заточения войсками генерала Бибикова (есть сведения, что в благодарность за определенные услуги, оказанные им русским властям). Королева Богемии Мария Терезия, известная гонительница евреев, поддерживала Франка, поскольку видела в нем — надо признать, не без оснований — христианского миссионера в еврейской среде, а ее старший сын, император Иосиф II, как поговаривали, по достоинству оценил женские прелести дочери Франка, красавицы Евы. Впрочем, о нем, разумеется, следует упомянуть отнюдь не как о ценителе красоты юной крещеной еврейки, а как о «просвещенном» правителе, во многом противостоявшем своей матери и после ее смерти (1780 год) свободно развернувшем свою реформаторскую деятельность. В 1781 году Иосиф II издал свой знаменитый «Патент толерантности», принесший всем иноверцам страны долгожданное освобождение от прошлых притеснений, запретов и ограничений. Нельзя полагать, что это освобождение «сверху» было мгновенно принято и одобрено «внизу» — например, городской совет Брно послал императору свой протест против еврейского присутствия, поскольку для христиан оно нестерпимо, ведь «еврей есть еврей и навсегда останется евреем», а город за столько веков привык быть Judenfrei.

По указу этого же императора с 1 января 1788 года всем евреям полагалось занимать немецкие фамилии, которые должны были фигурировать во всех письменных актах (фиксирующих рождение, обрезание, венчание, погребение). Когда вы бродите по «новому», открытому в 1852 году обширному еврейскому кладбищу в Брно, действенность этого указа выступает со всей наглядностью.

Инициированное реформами Иосифа II дальнейшее процветание еврейской общины Брно было прервано хирургическим путем уже в XX веке, с началом немецкой оккупации. Из общины, насчитывавшей к этому времени 12 тыс. членов, 11 тыс. было вывезено в Терезин и другие лагеря уничтожения, лишь около тысячи пережили Холокост.

Как и во многих других чешских городах, так называемую Большую синагогу (1855 год) разрушили немцы, Новую — коммунисты, о чем теперь свидетельствует мемориальная дощечка (ул. Понавка, 8), погибшим поставили памятник, а оставшейся горстке выживших и их потомков служит маленькая конструктивистская синагога 1930-х годов (ул. Скорепка, 13).

Γαῖα πάλαι ἔλασε ἰατρικὴν ἰατροειδέα αὐτὰ ἱπποδία ἔ 1867 καὶ ἀδελφολογίῃ Ἀλμπέρτι Ἰδελίτι, πλε-ἀνταῖν δαμ τεσσάρων ὀδοῦντέ οἰοῦν

Гуляя по улицам Брно и проходя мимо университета им. Т. Г. Масарика, вспомним и о том, что здесь начиная с 1930 года и вплоть до немецкой оккупации Чехословакии работал великий филолог Роман Осипович Якобсон (в 1937 году он получил чехословацкое гражданство), стремившийся к установлению «общей речи культур».

Путешествуя по Моравии, следует непременно посетить городок Тржебич, где самое раннее упоминание о еврейском присутствии датируется 1433 годом, а в 1799 году местная еврейская община составляла уже 59% от общего числа населения. Еврейский квартал Тржебича как наиболее сохранившийся в виде целостного ансамбля в Европе был сравнительно недавно (2003 год) внесен в список мирового культурного наследия ЮНЕСКО. На информирующей об этом памятной доске отмечается, что еврейский квартал вместе с находящейся поблизости христианской базиликой Св. Прокопа (XIII век) свидетельствуют о многовековом сосуществовании двух культур.

«Старая» синагога (1639–1642 годы; Тихе намести, 12) после войны за отсутствием еврейского населения (всего 10 человек уцелели в Холокосте, но и они не остались в городе) стала использоваться как гуситский храм.

«Новая» синагога (ул. Субалкова, 1/44) относится к концу XVII века, а ее настенные росписи — к 1706–1707 годам. Вместе со всем еврейским кварталом она едва не пала жертвой строительного бума, желанными плодами которого должны были стать стройные ряды панельных домов. Однако благодаря усилиям архитектора Гаральда Чадилака, городских властей и Министерства культуры был осуществлен проект реконструкции, и синагога была торжественно открыта в 720-ю годовщину первого письменного упоминания Тржебича (1997 год). В настоящее время она используется как выставочный и концертный зал, служит впечатляющим напоминанием о существовавшей здесь некогда еврейской общине.

Осмотру Тржебича имеет смысл посвятить целый день, непременно побродив по его живописным улочкам, пройдя через извилистый подвальный проход, объединяющий дома № 14–18 по ул. Л. Покорного, осмотрев дом раввина (XVII век), заглянув в антикварные лавочки, книжные и сувенирные магазины, где может найтись множество неожиданных вещей.

Особая достопримечательность Тржебича — заложенное в первой половине XVII века и отреставрированное в 1983–1988 годах еврейское кладбище, где находится около 2 тыс. ренессансных, барочных и классицистических мацев.

Недалеко от Тржебича — живописный городок Вельке Мезиржичи, то есть Большое Междуречье. Ну, не такое уж большое, если честно, зато совершенно очаровательное. Евреи переселялись сюда, вероятно, после изгнания из больших королевских городов в середине XV века, а после снятия ограничений в середине XIX века — и это общая для маленьких чешских городков тенденция — вновь мигрировали в более крупные города.

נְהִיאָה אֶת הַסִּינַגוֹגָה הַחֲדָשָׁה לְמִשְׁכַּן הַגָּלוּת בִּשְׁנַת ה'תשנ"ז

אֶת הַסִּינַגוֹגָה הַחֲדָשָׁה

«Старо-новая», готико-ренессансная синагога относится к началу XVI века. Теперь — за неимением прихожан (в 1941–1942 годах оставшиеся в Вельких Мезиржичах еврейские жители были вывезены в лагеря уничтожения, откуда вернулись лишь семь человек) — она служит галереей, где проходят выставки местного музея.

Новая синагога, безусловно свидетельствующая об увеличении общины, была построена рядом в неоготическом стиле, но сейчас, по той же причине, здесь располагается торговый центр.

В XVII веке в Вельких Мезиржичах жили такие знаменитые раввины, лидеры моравского еврейства, как бежавший из Вильно Эфраим Коген; уже упоминавшийся в связи с Микуловым Менахем-Мендл Крохмаль, Гершон Ашкенази, Меир бен Йоханан, Йозеф Фейльбоген.

Многие из сохранившихся мацев на еврейском кладбище, основанном в середине XVI века на противоположном от синагог берегу реки, несут на себе печать барочного стиля. А вообще кладбище использовалось сравнительно долгое время — самое позднее захоронение относится к 1942 году.

В Голешов паломники едут, чтобы посетить синагогу и могилу р. Шабтая бен Меира а-Коена (акроним Шах — Сифтей коен). Выдающийся ученый, он опубликовал свои комментарии к «Шульхан аруху» («Йоре деа»), когда ему было всего 24 года. Как и некоторые другие видные раввины Моравии, он принадлежал к «поколению, видевшему бездну» и был вынужден бежать «из святой общины Вильно» перед захватом города московскими войсками (1655 год). Его «Мегила эйфо» (в опубликованном русском переводе С. Я. Борового — «Свиток тягот», 1651) содержит описания ужасов хмельничины, о которых он стремился поведать своим европейским единоверцам. Он способствовал установлению поста 20 сивана в память о мучениках гзерот тах-тат, сочинял молитвы и стихи, посвященные событиям 1648–1649 годов.

עַיִן הָאֱדוּמִים בְּרֵאשִׁית אֶל אֲרִיֶּזֶת הַבַּיִת אֲשֶׁר דִּבְּרָא, וְדָמָה לְוַיְנָוִי עַל אֶבֶן XVIII אָמָּה

Будучи раввином и главой ешивы в Голешове, он тосковал здесь по своему родному городу и умер, не дожив до старости.

Симпатичный моравский городок Липник над Бечвой, где присутствие евреев зафиксировано уже в 1412 году, но большинство прибыло в результате гонений, связанных с деятельностью Капистрано, гордится тем, что местная синагога — вторая по возрасту после пражской Староновой (по сохранившимся документам, она относится к 1540 году, но предполагается, что она была построена лет на 30 раньше — тогда же, когда и городские стены). Последняя перестройка относится к 1948–1950 годам, когда она была превращена в гуситскую церковь (о чем свидетельствуют чаша и крест на фронте) — не пропадать же ценному зданию...

В интерьере мирно уживаются — в духе симбиоза культур — скульптурные изображения Моисея, Иисуса и Яна Гуса.

Знаменитым в городе было семейство угольных магнатов Гутманов, соперников барона Ротшильда, владевших самой крупной компанией Австро-Венгрии и получивших от императора Франца Иосифа дворянский титул за вклад в процветание монархии. Вильгельм Гутман выбрал для своего герба девиз «Только вперед!», его брат Давид — «Все мое время». Как и полагается еврейским магнатам, они занимались благотворительной деятельностью.

У еврейского кладбища в Липнике, где похоронены семь раввинов, в том числе Барух бен Давид Теомим Френкель, могила которого часто посещается хасидскими паломниками, была бурная история, вместившая и разрушение, и перемещение и восстановление — с помощью американской «Агудат Исраэль» и английских потомков р. Френкеля. Как сообщают в своей письменной работе — в рамках проекта «Исчезнувшие соседи» — учащиеся липникской гимназии, «Б. Т. Френкель был большим мудрецом и ученым, и его труды изучаются и почитаются во всем мире. Он был хасидским раввином в 1802–1828 годах» (<http://www.zmizeli-sousede.cz/pracestudentu/pisemne/prace04.html>).

Никак нельзя пропустить моравский городок Босковице, где о постоянной еврейской общине известно с XV века. Спустя три столетия Босковице с еврейским населением, составляющим уже треть от общего числа жителей, прославилось как один из ведущих центров талмудической науки, привлекавший таких известных европейских ученых, как Йеуда Оппенгейм, в начале XVIII века приехавший сюда из Вормса, Нехемья Яффе из Кракова, Иссахар-Бер Блох из Гамбурга. Еврейский квартал впечатляет своей сохранностью (79 из 138 домов), ухоженностью; многие дома снабжены бронзовыми табличками.

Памятные доски отмечают реставрированные хедер, микву, а есть и такая надпись: «Жилой дом. Ренессансный фундамент, барочная надстройка. В конце XIX века сюда из Вены переехал резник Флейшман с семьей. Его дочь Роза вышла замуж за Георгия Димитрова, болгарского политика и государственного деятеля, который посещал этот дом».

Старое еврейское кладбище, датируемое XVI веком, находится на Поточной улице (более 2 тыс. мацев, многие — с пышным декором и изысканными инскрипциями).

Столь хорошо сохранившийся, тщательно отреставрированный, сияющий охристыми оттенками еврейский квартал с богатой историей и архитектурой привлекает множество туристов, для которых разработан экскурсионный маршрут и проводятся красочные фестивали квартала.

Заехав в маленький южноморавский город Тржешть, впервые упоминаемый в письменных документах в 1349 году, путешественник не найдет особой древности: старая синагога XVII века сгорела при пожаре 1824 года, и сейчас ее классицистический облик восходит к реставрации 1825 года, а самая старая мацева (из 1200) на обширном кладбище относится к 1705 году.

Ὁδὸς εἰς οὐκ Νεὶ ἀστῆν (Ἱσραήλ ἐκ ἀεὶ καὶ ἀσὶν ἱσραήλ), ἀπὸ τοῦ ἱσραήλ ἱσραήλ ἐκ 1825 ἀπὸ ἱσραήλ ἱσραήλ

Но здесь можно побродить по кривым улочкам пятиугольного в плане еврейского квартала, сохранившего большинство — 76 из 86 — своих домов (в отличие от христианских, они нумеровались

римскими цифрами) и потому теперь относящегося к охранной городской зоне, представляя, говоря словами историка этого города Я. Кленовского, «значительную урбанистическую, архитектурную, историческую и социологическую ценность». Эта прогулка позволит увидеть моравский штетл с его своеобразной планировкой, традиционными постройками — хедером, ешивой, магистратом, больницами, миквой, постоянным двором, — с его архитектурными особенностями (висящий над проезжей аркой этаж, скошенные углы, эркеры).

В Тржешти у своего дяди, доктора Зигфрида Леви, в 1900–1907 годах часто гостил Франц Кафка, вероятно здесь задумавший и сюжет своего проникнутого символизмом рассказа «Сельский врач». Теперь посвященную Кафке экспозицию можно видеть в синагоге, служащей и гуситским храмом, и концертным залом, и музеем, а его бюст с памятной доской — на доме № 131/9 по улице Рузвельта.

Город Колин в Богемии, второй после Праги по своему значению в истории богемского еврейства, был основан в XIII веке, но благодаря собирателям легенд (например, Йозефу Сватеку) известно, что еще до его основания здесь уже была построена синагога. Увы, ее мы не застали, зато осмотрели синагогу XVII века с пышным барочным арон кодешем.

По подсчетам чешских историков, на сегодняшний день в Чехии сохранилось около 200 синагог и 330 кладбищ. Разумеется, такое обилие памятников, хотя оно и является лишь малой частью бывшего богатого культурного наследия, немислимо вместить в рамки одного путешествия. Поэтому приезжающий сюда вновь и вновь будет щедро вознагражден, находя разбросанные по разным городкам жемчужины.

Это путешествие в непреодолимо притягивающий плюсквамперфектум нет сил закончить, его можно только на время приостановить, вынырнув на поверхность настоящего. Да и что оно такое, это настоящее? Фолкнер, например, говорил, что оно «началось, видите ли, 10 000 лет назад, а прошлое — всего минуту»...

[1]. *Специальный литературно-документальный проект Еврейского музея в Праге, осуществляемый с 1999 года под патронатом администрации Президента Республики и Министерства образования, так и называется — «Исчезнувшие соседи» (<http://www.zmizeli-sousedede.cz>): гимназисты, молодые люди в возрасте 12–18 лет приглашаются разыскивать следы и описывать историю бывших еврейских соседей, которые некогда проживали рядом, а затем исчезли.*

[2]. *Истребление евреев Восточной Европы в период восстания Б. Хмельницкого 1648–1649 годов.*

НИКОЛАЙ ПЕТРОВ. ЧЕСТНАЯ ИГРА

З а а н н о д а і а 69 і а а о а е с і е н е і і - а е і н ь а і а а р у е е і н ь і е а і е н о і е е і е а е і а о д і а

В конце мая сообщили о тяжелом инсульте, настигшем его в Минске. А в июне Николай Арнольдович собирался выступить на «Фестивале Израиля» в Иерусалиме. Концерт отменили. Было ясно, что ни о какой концертной активности речь уже не идет. Но надеялись, что жизнь продолжится, перейдет в иное качество. Не получилось. Одним блестящим музыкантом меньше.

Он родился в 1943 году в абсолютно музыкальной семье. Мать — пианистка, ее отец — легендарный русский бас Василий Петров, партнер Неждановой и Шаляпина, 35 лет пел в Большом — потрясающий Сусанин, Руслан, Досифей, Мефистофель. Еврейская линия — по отцу. В 1966 году, еще до Шестидневной войны и негласного объявления в СССР государственного антисемитизма, был Третий конкурс Чайковского. В конкурсном буклете в биографии конкурсанта Петрова сказано: «Его папа — известный виолончелист Арнольд Феркельман». Это было последнее печатное упоминание о папе. Между тем Арнольд Яковлевич был близким другом Шостаковича и регулярно в 1930-х годах выступал с ним в дуэте, исполняя виолончельные сонаты Грига, Рахманинова и самого Шостаковича. После войны солист Феркельман ушел в тень, как многие музыканты с неудобными фамилиями, и до пенсии работал в оркестре кинематографии. Последние годы провел в Израиле и умер в 1992-м в Раанане, так что Израиль давно был для его сына родным.

Одаренный мальчик поступил в десятилетку при консерватории, потом в самую Московскую консерваторию, к Якову Заку. В то же время учились Наседкин, Любимов, Слободяник — созвездие блистательных пианистов, но Петров и среди них выделяется феноменальной техникой. Сложнейшие сочинения Листа он исполнял с легкостью, успевая еще и увлекаться джазом. Алексей Козлов вспоминает, как студент Коля Петров сыграл пьесу точно в манере Питерсона, с высочайшей техникой и настоящим драйвом. Вскоре Петров — лауреат конкурса имени Клиберна, затем — конкурса королевы Елизаветы в Брюсселе. Перед конкурсом Чайковского ему прочили победу, но пианист повредил руку и прекратил соревновательную часть карьеры. Началась профессиональная жизнь — лучшие залы, лучшие дирижеры, поездки по миру, премьеры «главных» советских композиторов — Хренникова, Эшпая, Щедрина. Власти думали, что купили Петрова с потрохами, но не согласился артист в расцвете карьеры с ними сотрудничать. И в 1978-м стал невыездным. А не покинул страну потому, что слишком любил свою дачу на Николиной Горе.

В постсоветское время Николай Арнольдович стал одной из главных фигур в российской музыке. И внешне был приметен, и играл много, и чуть ли не первым среди отечественных академических музыкантов заговорил об авторских правах на записи. Заседая в Совете по культуре при президенте, высказывался резко и по делу. Ненавидел КГБ — здесь он не был оригинален, но не скрывал ненависти, в отличие от большинства коллег. Не отличался политкорректностью: «Я — представитель сексуального меньшинства. Люблю женщин». И был категоричен в отношении музыкальных конкурсов.

«Конкурс Рубинштейна ценен не только тем, что он один из самых сложных, — говорил он, — но и тем, что в нем запрещено участвовать ученикам членов жюри. Конкурсы должны существовать в

условиях честной игры». Представляя себе Петрова, можно с уверенностью сказать: он имел в виду не только конкурсы. В отличие от многих, сам умел честно играть.

Аёаёёёё ёё Ё ёё

ЛЮСЬЕН ФРЕЙД. ТЕЛО КАК УЛИКА

20 épeú à Èííáííá íá 88-í ãáó æèçí è ñéíí-æéñý çí àí àí è òúé óááíæí èé Èρííáí Óðæá

До последних дней Люсьен Фрейд (1922–2011) не хотел выставляться ни в Австрии, ни в Германии. Внук Зигмунда Фрейда, он не делал политических заявлений и не занимался общественными делами. Один из самых дорогих живописцев конца XX века, он упорно отказывался от выставок на родине предков.

Семья Фрейда покинула Берлин в 1933 году. Через шесть лет Люсьен принял гражданство Великобритании. Карьера художника развивалась стремительно. В 16 лет — уже ученик престижной Центральной школы искусств в Лондоне, в 21 год — первая персональная выставка, а в 1954-м он вместе с Фрэнсисом Бэконом представляет новую родину на Венецианской биеннале. Но специфическая манера письма Фрейда не у всех вызывает одобрение.

Он мог годами работать над портретом, который не льстил. Кажется, ему было все равно, кто на подиуме. Молода и прекрасна или стара и уродлива его модель, результат один: реализм повышенной контрастности, масса деталей и подробностей о коже, которые другие авторы пытаются скрыть. При этом Фрейда называли лучшим английским портретистом XX века. И не только английским.

Позирующие часами не вставали со стула, освещенного беспощадной 500-ваттной лампой. Когда Фрейд рисовал ню, в том числе себя, он использовал еще специальные кремовые белила, отчего уж совсем синеватый отлив идет по телу.

Фрейд занимался психоанализом тела, изучением мельчайших изгибов и извивов его морщин и складок.

Автор не боялся показаться занудой, рисуя тело одно безобразнее другого, скорее он боялся оказаться романтиком. Но утрированность не есть насмешка, приставка «гипер» не отменяет действительности; в век навязываемых стандартов художника спасает бегство в реализм.

Контекст творчества оказался широким. Здесь и работы современников, также озабоченных приключениями плоти в XX веке, Стэнли Спенсера и Бэкона (с ним Фрейд дружил, они не раз портретировали друг друга). Здесь и лакуны в науке, связанные с наименее изученным объектом Вселенной, функционирующим наиболее загадочным и непонятным образом, — человеческим телом. Законы природы усложнялись на глазах, одновременно семимильными шагами упрощались законы социальной истории, окончательно обесценившей человеческую оболочку (многие из семьи Фрейда исчезли в концлагерях). 500-ваттная лампочка и белила оказались редкими средствами, приостанавливающими исчезновение тела.

Публику же по привычке занимало не содержание, но внешнее. Таблоиды обсуждали личную жизнь: 11 детей, только двое в законном браке. Картины раздражали нешуточно. Фрейд не плыл по течению — потому что не видел его, предпочитая другие измерения. Он часами наблюдал жизнь из кресла любимого

ресторана на Пикадилли и сторонился интеллектуалов. Те объявляли его шарлатаном... Но ради кого еще в день смерти в ресторане, где ты был завсегдаем, все белые скатерти поменяют на черные?

Выставка в Вене все же состоится. Незадолго до смерти Фрейд дал на нее согласие — и задумал ретроспективу, крупнейшую в своей жизни. Музей истории искусств, 2013 год. Десять минут на общественном транспорте от музея-квартиры Зигмунда Фрейда.

Александр Исаевич

ЭМИ УАЙНХАУС:

СЛИШКОМ КОРОТКАЯ ДИСТАНЦИЯ

23 июля в своем лондонском доме скончалась Эми Уайнхаус. Причиной ее смерти полиция предварительно назвала передозировку наркотиков. Звезде британского соула было 27 лет.

Последняя песня Эми Уайнхаус будет выпущена отдельным синглом. Это стандарт «Body And Soul», записанный певицей в дуэте с корифеем эстрадной песни Тони Беннеттом для его альбома, который выйдет в сентябре.

Митч Уайнхаус, отец Эми Уайнхаус, по достоинству оценил бы эту новость. Он воспитывал дочь на старой американской эстраде, пел ей в детстве песни Фрэнка Синатры, и к Тони Беннетту наверняка относился с должным почтением. Однако, когда газеты напечатали это сообщение, Митчу Уайнхаусу было не до синглов.

Семья покойной находилась в трауре, который был организован по всем канонам веры: все родственники не покидали дом, не брились, не мылись, не пользовались косметикой — и далее по списку всех положенных ограничений. Вместе с родными певицы в траур погрузился и кинорежиссер Рег Тревисс, человек, с которым она тайно обручилась незадолго до своей смерти.

«Каждый день я боюсь того, что зазвонит мой мобильный и мне скажут, что Эми мертва. Если она не завяжет — жить ей остается считанные месяцы».

Это уже слова мужчины, с которым имя Эми Уайнхаус ассоциировалось в гораздо большей степени. Блейк Филдер-Сивилл, бывший видеоинженер, в последние годы — профессиональный заключенный и роковой персонаж в жизни «голоса поколения», не преувеличивал, произнося эти слова. Отец певицы на эту же тему высказывался так: «Пока она в реабилитационной клинике, она держится молодцом».

Прежде чем стать любимой героиней таблоидов, Эми Уайнхаус успела пройти путь, не слишком свойственный девушкам из благополучных еврейских семей с севера Лондона.

В десять лет Эми Уайнхаус выступала в составе школьной рэп-группы, ориентируясь на игрушечный хип-хоп TLC и Salt-n-Pepa. В 12 лет поступила в театральную школу. Вскоре ее выгнали оттуда. Причина — пирсинг в носу, который не добавляет респектабельности ни будущим актрисам, ни хорошо воспитанным юным еврейкам. К этому времени Эми Уайнхаус уже вполне самостоятельно сочиняла песни. Ее имя навсегда расположилось на вершине списка знаменитостей, посещавших BRIT School — учебное заведение, питающее Британию молодой творческой кровью. В этом списке — Адель, Кэти Мелуа, Иможен Хип, Леона Льюис, а также музыканты групп «The Feeling» и «The Kooks». Первым менеджером

Эми Уайнхаус стал Саймон Фуллер, создатель группы «Spice Girls» и изобретатель шоу «Pop Idol», прототипа всех «фабрик звезд» мира.

Дебютный диск «Frank» (2003) получил номинации на «Mercury Prize» и «BRIT Award», а также, что гораздо важнее, «Ivor Novello Award» — престижную награду, вручаемую авторам-песенникам.

Фактически еще за три года до настоящего триумфа Эми Уайнхаус получила признание как автор и состоялась как певица. Оставалось написать хит на все времена и угодить в светскую хронику, и тогда можно было с полным правом считаться поп-звездой.

Для этого ей потребовалось мобилизовать свою давнюю страсть к поп-музыке 1960-х и найти союзника-продюсера. Таковым стал мальчик из еще одной хорошей еврейской семьи, только гораздо более богатой. Марк Ронсон был английским диджеем, чьи корни, как и корни семьи Уайнхаус, уходили, среди прочего, в русскую почву.

Жить Марк Ронсон предпочитал в Нью-Йорке, и его знакомство с Эми Уайнхаус состоялось, когда в его американское радиошоу попали самые ранние версии песен «Rehab» и «You Know I'm No Good». Марк Ронсон стал продюсером альбома Эми Уайнхаус «Back To Black», кроме того, на его собственной пластинке «Version» прозвучала кавер-версия на песню группы «The Zutons» «Valerie» с вокалом Эми. Этого хватило, чтобы 2007 год стал годом Эми и Марка в музыкальной индустрии, по его итогам певица получила пять «Grammy», а ее приятель — «Grammy» как «продюсер года».

У Ронсона-продюсера не было отбоя от клиентов, продюсеры бросились искать новых звезд «неосоула» и нашли — в лице Даффи и Адель, девушек голосистых, трудолюбивых и вообще гораздо более покладистых, чем Эми Уайнхаус. «Back To Black» остался последним альбомом исполнительницы, вышедшим при ее жизни.

Получать «Grammy» в Лос-Анджелес Эми Уайнхаус не приехала — ее попросту не пустили в США. Победоносную поступь альбома «Back To Black» сопровождали далеко не самые комплиментарные публикации таблоидов. Наплевав на объективы камер, Эми Уайнхаус могла прямо на улице курить крэк или драться с мужем Блейком, с которым то расходилась, то мирилась, несмотря на то что, по общему убеждению, он же был ее драгдилером.

Семья регулярно сообщала о том, что Эми встала на путь исправления, а на следующий день выяснялось, что ее в очередной раз доставили в участок или же она валяется на больничной койке в шаге от трагической развязки.

Эми Уайнхаус — женщина, которая одним махом вернула из небытия прическу «бабетта», ярко-красную помаду, платья в крупный горох и балетки. Причем все это тут же выплеснулось на улицы и в клубы.

Такой Эми была на подмостках и в клипах. Однако камеры папарацци все чаще заставляли ее без грима, в простых джинсах и майке-алкоголичке, открывавшей вид на не самые изысканные татуировки на руках.

В последние годы Эми даже не пыталась следовать дресс-коду гламурной звезды.

Эми Уайнхаус предприняла несколько попыток вернуться к сочинению песен. В 2009 году провела несколько месяцев на острове Сент-Люсия. Писали, что она занимается спортом и учится играть на барабанах. Вместе с Марком Ронсоном она сделала песню для диска Куинси Джонса, вышедшего в 2010 году. Информация о новых записях певицы поступала в СМИ «из третьих рук». Обычно это были люди, причастные к ее продюсерской команде. Новые песни они, естественно, величали не иначе как «сногшибательными». Попытка отправиться в мировое турне, предпринятая певицей в 2011 году, провалилась. Как и много раз до этого, певица не смогла толком сыграть ни один концерт. В январе ее освистали в Бразилии, в феврале — в Дубае, в июне — в Сербии. Концерт в Белграде стал финальной точкой в ряду попыток Эми Уайнхаус вернуться на сцену. Вкупе с сообщениями о новых безуспешных попытках пройти курс лечения в реабилитационной клинике новости о провале европейского турне подтвердили худшие опасения относительно певицы. У нее ничего не вышло. Изгнать бесов не удалось, а голос и вдохновение так и не вернулись. Эми Уайнхаус погрузилась в депрессию. Однако за три дня до смерти она все же появилась перед публикой. Во время «iTunes Festival» она представила на сцене

лондонского клуба «Roundhouse» юную певицу Дайонн Бромфилд. Девочка спела стандарт «Mama Said», а Эми Уайнхаус лишь выступила на подтанцовке, не прикоснувшись к микрофону.

Вечером накануне смерти Эми Уайнхаус нанесла запланированный ранее визит к врачу, потом вернулась домой и до утра пела и играла на барабанах. В восемь утра 23 июля она еще спала крепким сном младенца. После полудня охрана дома нашла ее мертвой.

С ней попрощались в синагоге «Голдерс Грин» и кремировали в местном крематории. На похоронах звучала песня Кэрол Кинг «So Far Away». Родственники Эми Уайнхаус, а также ближайшие друзья Келли Осборн, Марк Ронсон и Рег Тревисс посетили закрытую службу рабби Фрэнка Хеллнера.

После смерти Эми Уайнхаус в ее доме не нашли наркотиков. Также не было зафиксировано признаков самоубийства. Родители Эми Уайнхаус основали фонд помощи страдающим от наркозависимости, который назван в честь певицы. Окончательная версия причин смерти певицы будет обнародована только осенью.

Ни одно из напрашивающихся объяснений смерти одной из самых одаренных исполнительниц поколения не нашло подтверждения. Помимо наркотиков и алкоголя, было что-то, что разрывало ее изнутри, не давая ни петь, ни жить. Успех, спрессованный в такой маленький промежуток времени в таком слабом теле, обернулся взрывом, после которого не осталось даже намека на внятные причины ее гибели.

Αἴθερ Ἀαθῶναι Ἰά

АВТОРЫ НОМЕРА

РОМАН АРБИТМАН (р. 1962)

литературный критик. Автор «Истории советской фантастики» (под именем доктора филологии Р. С. Каца) и детективных романов (под маской Льва Гурского).

БОРИС БАРАБАНОВ (р. 1973)

журналист, музыкальный обозреватель Издательского дома «Коммерсантъ».

ИРИНА БАУЛИНА

историк, политолог, менеджер академических программ Русского общества друзей Еврейского университета в Иерусалиме.

МИХАИЛ ГОРЕЛИК (р. 1946)

эссеист, публицист, литературный критик. Автор книги «Разговоры с раввином Адином Штейнзальцем» (2003).

ДАНИЛА ДАВЫДОВ (р. 1977)

филолог, поэт, прозаик и критик. Лауреат премии «Дебют» (2000). Публиковался в журналах «Октябрь», «Новый мир» и др.

НЕКОД ЗИНГЕР (р. 1960)

писатель, переводчик, критик, редактор двуязычного литературного журнала «Двоеточие». Автор романа «Билеты в кассе».

АЛЕКСАНДР ИЛИЧЕВСКИЙ (р. 1970)

прозаик, поэт; лауреат премий им. Ю. Казакова (2006), «Русский Букер» (2007), «Большая книга» (2010).

АРКАН КАРИВ (р. 1963)

писатель, автор трех книг об израильском сленге, триллера (вместе с Антоном Носиком) и романа «Переводчик».

МАРИНА КАРПОВА

автор учебно-методических пособий по преподаванию еврейской традиции и классических текстов.

ЗОЯ КОПЕЛЬМАН

филолог, переводчик (Ш.-Й. Агнон, Й. Амихай, Й.-Х. Бреннер). Автор работ по ивритской литературе, преподаватель Открытого университета Израиля.

ЕВГЕНИЙ ЛЕВИН (р. 1973)

журналист, переводчик, автор пособий по еврейской традиции.

МЕИР ЛЕВИНОВ (р. 1959)

преподаватель истории иудаизма, переводчик и публицист. Автор книг «Владеющий Именем», «Еврейская чертовщина».

МИХАИЛ ЛИПКИН (р. 1966)

переводчик с английского и иврита, преподает иврит в московской школе.

АЛЕКСАНДР ЛОКШИН (р. 1950)

историк. Автор статей и публикаций по истории и культуре евреев России и СССР.

ВЛАДИМИР МАК (р. 1955)

музыкальный критик, продюсер, экскурсовод.

ИРИНА МАК

журналист, публиковалась в «Известиях», «Vogue», «Time Out», «Open Space» и др.

АФАНАСИЙ МАМЕДОВ (р. 1960)

писатель, журналист. Лауреат премий им. Ю. Казакова (2007), И. П. Белкина (2010).

АЛЕКСЕЙ МОКРОУСОВ (р. 1965)

литературный и художественный критик, сотрудничает с журналами «Синий диван», «Теория моды», газетой «Ведомости».

ВИКТОРИЯ МОЧАЛОВА

филолог-славист, директор центра «Сэфер»; заведующая Центром славяно-иудейских исследований Института славяноведения РАН.

СИНТИЯ ОЗИК

американская писательница, автор романов, сборников рассказов и эссе. Награждена множеством премий, в том числе премией Бернарда Маламуда, премией О. Генри.

ГРЕЙС ПЕЙЛИ (1922–2007)

американская писательница, поэт, общественный деятель. Автор сборников рассказов, стихотворений, бесед.

НЕЛЛИ ПОРТНОВА

историк, литературовед, доктор философии. Автор-составитель хрестоматии «Быть евреем в России».

АРСЕН РЕВАЗОВ (р. 1966)

писатель («Одиночество-12»), фотограф («Неочевидный мир», фотобиеннале-2010), деятель медиабизнеса. Автор идеи жж-сообщества [mgndelev](http://mgndelev.com).

РОИ ХЕН (р. 1980)

израильский писатель, драматург и переводчик. Заведующий литературной частью театра «Гешер».

СВЕТЛАНА ШЕНБРУНН

израильский прозаик и переводчик, автор романа «Розы и хризантемы». Лауреат премии Союза русскоязычных писателей Израиля (2001).

ВАЛЕРИЙ ШУБИНСКИЙ (р. 1965)

поэт, литературный критик, переводчик с английского и идиша. Сотрудничает с журналами «Звезда», «Знамя», «НЛО», газетой «Русская мысль», порталом «OpenSpace» и др.

АДИН ШТЕЙНЗАЛЬЦ (р. 1937)

раввин, педагог, ученый, почетный доктор ряда университетов Израиля и США. Основатель новаторских учебных заведений и просветительских организаций в Израиле и СНГ, в том числе Института изучения иудаизма (1990). В 1988 году удостоен высшей награды еврейского государства – Премии Израиля.

МИХАИЛ ЭДЕЛЬШТЕЙН (р. 1972)

филолог, литературный критик, заведующий редакцией биографического словаря «Русские писатели». Сотрудничает с «Русским журналом», «Знаменем», «НЛО», газетами «Русская мысль», «Ведомости» и др.